

Владимир
Жаботинский

Еврейский легион

**Владимир
(Зеев) Евгеньевич Жаботинский
Еврейский легион (сборник)
Серия «Титаны XX века»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6058464
Еврейский легион: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0334-0*

Аннотация

Владимир Евгеньевич Жаботинский (при рождении – Вольф Евнович Жаботинский) родился в России, в городе Одессе, и еще в молодости стал признанным лидером правого сионизма.

Покинув Россию, Жаботинский стал создателем «Еврейского легиона» и знаменитых организаций «Иргун» и «Бейтар». Радикальный национализм и ставка на силовые решения давали основания оппонентам Жаботинского обвинять его в фашизме, а левым сионистам – давать ему прозвища вроде «дуче» и «Владимир Гитлер».

В книге, представленной вашему вниманию, собраны самые известные публицистические произведения Владимира Жаботинского, касающиеся сионизма в целом

и еврейского национализма в частности. В России эти произведения издаются впервые.

Содержание

Предисловие	6
Евреи России	12
ЕВРЕЙСКАЯ КРАМОЛА[1]	12
О евреях в русской литературе	23
Асемитизм русской интеллигенции	34
Разговор между русским и евреем	65
О «ритуальных убийствах»	83
О «национальном государстве» в России	96
Странное явление	112
На ложном пути	120
Антисемитизм в Советской России	139
Черная сотня	144
Евреи в Европе	155
Чужие. Очерки одного «счастливого» гетто	155
Германия	182
Судьбы еврейства	193
Во власти хлороформа	201
Надейся, надейся, мой народ!	213
Евреи на Ближнем востоке	225
Палестина	225
Вторая услуга	235
О железной стене	239

«Круглый стол» с арабами	251
Аминь [4]	258
Разговор с Зангвиллем	269
Великая еврейская идея	285
Критики сионизма	285
Разве мы ангелы, что от нас требуют непогрешимости?	328
Внутренняя борьба в сионизме	343
Ориентация	351
Великий сионизм	363

Владимир Евгеньевич Жаботинский Еврейский легион (сборник)

Предисловие

Владимир (Зеев-Вольф, Вольф Евнович) Жаботинский родился в Одессе 18 октября 1880 года (12 хешвана 5641 года), в ассимилированной еврейской семье. Отец, Евно (Евгений Григорьевич) Жаботинский, служащий Российского общества мореходства и торговли, занимавшийся закупкой и продажей пшеницы, был выходцем из Никополя; мать, Хава (Эвва, Ева Марковна) Зак, была родом из Бердичева. Старший брат Мирон умер ребенком; сестра Тереза (Тамара, Таня) Евгеньевна Жаботинская-Копп была учредительницей частной женской гимназии в Одессе.

Когда Владимиру исполнилось шесть лет, его отец умер, но мать, несмотря на наступившую бедность, открыла лавку по торговле письменными принадлежностями и определила сына в гимназию в Одессе. В

гимназии Жаботинский учился посредственно и курса не закончил, так как, увлекшись журналистикой, с 16 лет стал публиковаться в крупнейшей российской провинциальной газете «Одесский листок» и был послан этой газетой корреспондентом в Швейцарию и Италию; также сотрудничал с газетой «Одесские новости». Высшее образование получил в Римском университете по кафедре права.

Перед Пасхой 1903 года Владимир Жаботинский стал одним из организаторов первого в России отряда еврейской самообороны (ожидавшийся погром, однако, произошел не в Одессе, а в Кишиневе). В августе того же года Жаботинский был делегирован на 6-й сионистский конгресс в Базеле, и с этого момента начинает принимать активное участие в сионистском движении. В начале 1904 года он переехал в Петербург и вошел в состав редколлегии нового сионистского ежемесячного журнала на русском языке «Еврейская жизнь» (в дальнейшем «Рассвет»), с 1907 ставшим официальным органом сионистского движения в России. На страницах этой газеты Жаботинский вел ожесточенную полемику против сторонников ассимиляции и Бунда.

С началом Первой мировой войны Владимир Жаботинский выдвинул идею, что сионистам следует однозначно принять сторону Антанты и сформировать

в ее составе еврейскую армию, которая бы приняла участие в освобождении Палестины и затем стала костяком организации там еврейского государства. Находясь в Египте, Жаботинский совместно с Иосифом Трумпельдором сформировал «Еврейский легион» в составе британской армии.

После войны Жаботинский поселился в Палестине. Весной 1920 года он был арестован английскими властями за организацию самообороны во время арабо-еврейских столкновений; заключен в крепости в Акко и приговорен к 15 годам каторги, но вскоре освобожден по амнистии. По освобождении Жаботинский был избран в руководство Всемирной сионистской организации, но очень быстро у него возникают идейные расхождения с большинством, включая лидера организации Вейцмана. Они касались следующих пунктов: сторонники Вейцмана считали, что декларация Бальфура дала все необходимые политические гарантии, и дело сионистов заключается отныне в сельскохозяйственной колонизации Палестины и создании базиса для «национального очага» – однако Жаботинский требовал усиления в деятельности сионистов политического элемента и гарантий еврейской государственности «на обоих берегах Иордана». Сторонники Вейцмана в своей внешнеполитической деятельности уповали исключительно на дипломати-

ческие методы – Жаботинский настаивал на силовом давлении как на мандатные власти, так и на палестинских арабов.

Жаботинский резко выступал против господствующих в сионистском движении социалистических идей, указывая, что классовая борьба подрывает необходимое евреям национальное единство; он выдвинул лозунг: «только одно знамя» и сравнивал совмещение социализма и сионизма с поклонением двум богам сразу.

В 1923 году Жаботинский вышел из правления Всемирной сионистской организации в знак протеста против принятия ею «Белой книги» У. Черчилля, констатирующей невозможность превращения Палестины в мононациональную еврейскую страну. В 1925 году круг сторонников Жаботинского организационно оформился в Союз сионистов-ревизионистов со штаб-квартирой в Париже. На 15-м конгрессе Всемирной сионистской организации фракция ревизионистов предложила объявить создание еврейского государства официальной целью движения, но не получила поддержки.

В 1933 году Жаботинский добился выхода Союза сионистов-ревизионистов из Всемирной сионистской организации. Попытка примирения между Жаботинским и Бен-Гурионом (как представителем левых

сионистов), предпринятая при посредничестве Петра Рутенберга (бывшего российского эсера, соучастника убийства Георгия Гапона, с 1920-х годов – промышленника и руководителя «Хаганы» в Палестине), не встретила поддержки среди левых сионистов и провалилась.

Окончательно раскол в сионистском движении оформился в 1935 году с образованием «Новой сионистской организации» под председательством Жаботинского, со следующей программой: «1) создание еврейского большинства на обоих берегах Иордана; 2) учреждение еврейского государства в Палестине на основе разума и справедливости в духе Торы; 3) репатриация в Палестину всех евреев, которые желают этого; 4) ликвидация диаспоры». Подчеркивалось, что «эти цели стоят выше интересов личностей, групп или классов». Штаб-квартира новой организации находилась в Лондоне.

4 августа 1940 года Владимир Жаботинский умер. В 1964 году прах Жаботинского был перезахоронен в Иерусалиме на горе Герцля – как это требовал сам Жаботинский в своем завещании от 1935 года.

Из ревизионистского движения, созданного Жаботинским, вышли современные израильские «правые», которые в лице блока «Ликуд» с 1970-х гг. играют виднейшую роль в политической жизни Израиля.

В Тель-Авиве есть Институт Жаботинского, занимающийся увековечиванием его памяти и наследия. В том же здании находится штаб-квартира партии «Ликуд».

Евреи России

ЕВРЕЙСКАЯ КРАМОЛА¹

...Наша еврейская затрата на дело обновления России не была соразмерна ни с нашими интересами, ни с нашим значением, ни с нашими силами. Даже в моменты наибольшего опьянения надеждами не было в рядах еврейской армии ни одного глупца настолько бессовестного, чтобы ждать от успеха борьбы полного ответа на еврейский вопрос, — ни одного, кто в глубине души не понимал бы, что в обновленной России нам придется жить с теми же соседями, а психология соседей в этом отношении еще нигде и никогда не перерождалась от политической реформы, и суть неравенства не меняется от замены казенного гнета общественным непризнанием.

Это все понимали. Все понимали, что нам обновление России даст меньше, непомерно меньше, и все же мы заплатили больше, непомерно, безумно больше того, что могли заплатить, и того, что стоило заплатить. В течение пятнадцати лет мы собственную во-

¹ Печатается с небольшими сокращениями.

лей систематически вносили на алтарь общего дела удесяттеренную живую подать, а когда взошел посев, судьба взыскала с нас уже помимо нашей воли неслыханную доплату... Кто же был прав? Или все это теперь окупится? Или не разумнее было бы для раздавленного и опустошенного племени уступить переднее место в бою сильнейшим? И если даже поверить, что от этого, по чужой косности, ход событий растянулся бы на более долгие годы. Кто решится сказать, что не лучше было бы для нашего народа встретить обновление позже, но не за такую цену?

Наши политические плясуны в ответ на все это кричат о психологии лавочника, о мелочных расчетах, достойных мещанской глуши. Да. Над народным достоинством и благом честный человек должен стоять на страже скупой и расчетливой, как лавочник над своею кровной кассой. Семь раз отмерь и один раз отрежь – это правило мещанина, но политическая партия совершает низкое и нечестное дело, если она хоть на мгновение забывает об этом правиле. Звать массу на трудный подвиг, не взвесив раньше до золотника, во что это ей обойдется, не разорит ли ее непомерное бремя и стоит ли вся игра свеч, – это значит быть в худшем случае предателем, в лучшем случае болтуном. – Но тут есть и другая сторона расчета. Наши затраты не окупятся для нас, но окупятся ли они хоть

для общего дела? Правда ли то, что еврейская энергия облегчила и ускорила восход русской свободы?

За каждым из нас должно быть признано право, на исходе определенного периода истории, в такие дни затишья, как нынешние, сесть за стол и подсчитать итоги, подсчитать все то хорошее и все то дурное, что произошло от участия нашего народа в революции. Я хочу это сделать. Попытаюсь это сделать исключительно с помощью трезвого рассудка, намеренно сухо, без всяких апелляций к чувству. Речь идет о подсчете, об итоге, и я хочу действовать, как безличный и добросовестный бухгалтер, у которого, быть может, не все данные в руках, но одна только прямая цель – получить, насколько это в его силах, правильный баланс.

Ходячее представление так формулирует роль, сыгранную в освободительном движении евреями.

Революции не было. Надо было вызвать ее. И это взяли на себя евреи. Они – легко воспламеняющийся материал, они – грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России. И так далее. Все это много раз уже сказано, много раз писано черным на белом и считается большой истиной. Но я, счетовод, над этой затратой еврейского народа останавливаюсь в нелегком раздумьи и не знаю, окупилась и окупится ли она.

О, бесспорно, это заманчивая задача: быть застрельщиками великого дела, разбудить политическое сознание в 150-миллионном народе, поднять красное знамя в Литве так высоко, чтоб увидал и Тамбов, и Саратов, и Кострома – чтоб увидели и сказали друг другу: «Пойдем за ним». И, конечно, все это было сделано, поскольку оно зависело от еврейских революционеров: знамя было поднято, и так высоко, и с таким шумом, что Кострома, несомненно, увидела. Но какое действие произвело это на политическое сознание Костромы?

Я вспоминаю, отмечаю, подсчитываю, и вижу ясно, что действие было двоякого рода. С одной стороны. Кострома, бесспорно, вводилась и искушение. Эта борьба на другом конце России не могла не вызывать у нее, Костромы, соблазнительной мысли: значит, можно и у нас попробовать тем же манером? В то же время отдельные евреи добирались и до самой Костромы и лично старались там претворить эту соблазнительную мысль в действие. Все это вело, конечно, к пробуждению политического сознания. Но... А с другой стороны?

Я вспоминаю потемкинские дни в одесском порту. Огромная толпа гаванских и заводских рабочих, самодельная трибуна и ораторы на этой трибуне. Днем толпа еще не была пьяна, даже не подозревала, что

через несколько часов она же будет лизать ликер с булыжника мостовой и жечь пакгаузы. Днем толпа эта была настроена несколько торжественно и необычайно, благодаря присутствию мертвеца в палатке и вообще всей обстановке того странного дня. Толпа была в том состоянии неопределенного подъема, когда из нее можно сделать все, что угодно: и мятеж, и погром. Речистый молодец, с открытым славянским лицом и широкими плечами, мог бы ее повести за собой штурмом на город. И ораторов, действительно, слушали с захватывающим вниманием. Но речистый добрый молодец не появлялся, а выходили больше «знакомые все лица» – с большими круглыми глазами, с большими ушами и нечистым «р». И в толпе всякий раз, со второго слова каждого оратора, слышалось замечание: А он жид? Именно замечание, а не возглас, не окрик: в этом, сохрани Боже, не чуялось никакой злобы – это просто, так сказать, принималось к сведению. Но ясно в то же время ощущалось, что подъем толпы гаснет. Ибо в такие минуты, как та, нужно, чтобы «толпа» и ее «герой» звучали в унисон, чтобы оратор был свой от головы до ног, чтобы от голоса, от говора, от лица, от всей повадки его веяло родным – деревней, степью, Русью.

Тут были ведь не спропагандированные люди, которых можно взять резонами, – тут была масса, не под-

готовленная, но ко всему готовая, если ее схватить за душу. Но чтобы схватить за душу, надо иметь доступ к душе, а чтобы уметь проникать в душу народа, нужно принадлежать к этому народу. Нужно тогда, чтобы ничто, ни одна нотка, ни один жест не покорибили, не оттолкнули стихийного чутья толпы. Здесь этого сродства не было. Выходили евреи и говорили о чем-то, и толпа слушала их без злобы, но без увлечения; чувствовалось, что с появления первого оратора-еврея у этих русаков и хохлов мгновенно создавалась мысль: жида пошли – ну, значит, все это, видимо, их только, жидов, и касается. Создалось впечатление чужого, не своего дела, раз о нем главным образом радеют чужие. И больше ничего. Да и этого было довольно: расплылось и упало настроение, толпа стала разбредаться, появились награбленные бутылки, и беспомощные агитаторы ушли в город. Оставив порт и босячество на волю судьбы.

Я далек от того, чтобы медленный рост политического сознания в русских массах объяснять всецело обилием евреев-агитаторов. Но я не сомневаюсь в одном: подымать народную новь может только свой. У чужого – если он не Лассаль, но ведь Лассаль был гений агитации, а гении не повторяются, – у чужого нет того обаяния, которое в таких случаях необходимо. Народ чует чужака и особенно чужаков, если их

много, и инстинктивно сторонится.

А враги этим пользуются. Из двадцати процентов евреев они делают девяносто и кричат народу: берегись, это еврейское дело! И народ им верит, или, по крайней мере, долго и упорно верил, и мы это чувствовали на своей спине. Когда невоготе становились страдания русского народа, и вот-вот готов был прорваться его гнев, – кто сосчитает, сколько раз в такие моменты реакция спасала себя искусной игрою на этой слабой струнке стихийного существа – на недоверии к революции, предводимой инородцами?

Я прекрасно знаю, что еврейские революционеры нисколько не ответственны за то, как освещала реакция их роль в освободительном движении. Да я никого и не виню, я только подсчитываю результаты. И говорю, что если с одной стороны еврейская революция будила политическое сознание русских масс, то с другой стороны преизобилие евреев в рядах крамолы давало реакции ценный и богатый материал для затемнения политического сознания этих масс. Отрицать это значило бы лгать самим себе. И пусть не думают, что это был слабый или недействительный фактор затемнения! В 1863 году реакция сыграла такую же спекуляцию на польском восстании, и успех этой спекуляции всем известен. Недоверие к чужаку всегда было и долго еще будет могучим тормозом для

правды, приходящей извне.

И я, бухгалтер, не знаю, что мне делать с этой статьей баланса, на какую страницу вписать ее. Революционный пыл еврейских социалистов будил политическое сознание остальной России, но он же способствовал и затемнению этого сознания. Он давал топливо для революции и пищу для реакции. Что же было сильнее: первое или второе? Иными словами: ускорила или замедлила еврейская крамола наступление всероссийской революции? И если даже ускорила, то на великий ли срок? И стоит ли этот срок той крови стариков, и женщин, и детей, которой нас заставили заплатить, под ножами предателей, за крушение старого строя? Не выгодней ли было для народа подождать еще несколько лет – ведь и без евреев, наконец, не погибла бы Россия, – но дешевле заплатить за свободу?

Пусть, положа руку на сердце, отвечает, кто может, – я не могу, потому что не знаю ответа.

Я написал недавно в одной русской газете, что еврейская кровь на баррикадах лилась «по собственной воле еврейского народа», и меня упрекали за эту фразу. Но я именно так думаю. Я считаю невежественной болтовнею все модные фразы о том, что у евреев нет народной политики, а есть классовая. У евреев нет классовой политики, а была и есть (хотя

только в зародыше) политика национального блока, и тем глупее роль тех, которые всегда делали именно эту политику, сами того не подозревая. Они делали ее на свой лад, с эксцессами и излишествами, но по существу они были все только выразителями разных сторон единой воли еврейского народа. И если он выделил много революционеров – значит, такова была атмосфера национального настроения. Еврейские баррикады были воздвигнуты по воле еврейского народа. Я в это верю, и раз оно так, я преклоняюсь и приветствую еврейскую революцию.

Но на пользу ли народу пошла эта революция? Не знаю. Воля народа не во всякий отдельный момент ведет к его благу, потому что не всегда народ способен верно учесть объективные шансы за и против себя. И в особенности легко ошибиться тогда, когда весь расчет основан на вере в сильного союзника, на вере в то, что он поймет, он откликнется, он поможет, – а на деле никто из нас этого союзника не знает, и Бог вещь еще, как он нас отблагодарит...

Только там, где на себя самого и ни на кого больше не должен рассчитывать народ, – только там воля народа всегда ко благу его. Таково наше движение. Мы не звали народ ни к кому в объятия, не сулили ему ничьей благодарности за услуги и заслуги: мы строили и скрепляли народное единство, и воспитывали созна-

ние национальных задач. И потомки благословят нас за наши суровые призывы к эгоизму, за наше открытое и явное неверие в чужую помощь, и скажут: благо тем, которые в то смутное время, полное миражей и обольщений, умели выбрать прямую дорогу и повели свой народ навеки прочь от чужой помощи и чужого предательства.

Мы – партия национального зодчества – никогда не хотели играть вслепую, и в этом вся разница между нами и другими. Мы всегда знали, что работа на поле, где не мы хозяева, есть игра с завязанными глазами и ничем иным не может быть, и мы протестовали против вовлечения народной массы в эту безумную авантюру. И теперь, после новых и решающих опытов, мы с полным сознанием остаемся на старой позиции. Мы честно и дружно пойдём с освободительным движением, ибо вне свободы немыслимо национальное сплочение, но самая сила вещей отвела евреям место во вторых рядах, и мы оставляем первые шеренги представителям нации большинства. Мы отклоняем от себя несбыточную претензию вести: мы присоединяемся – это все, что объективно под силу нашему народу. В этой земле не нам принадлежит созидательная роль, и мы отказываемся от всяких притязаний на творчество чужой истории.

Поле нашего творчества внутри еврейства. Мы слу-

жим еврейскому народу и не желаем другого служения. Здесь мы не слепы, здесь не ведем народ в неизвестную темноту, на добрую волю союзников, которых не знаем, за которых не вправе ручаться. Здесь мы даем народу цель и говорим: у тебя нет союзников – или сам за себя, или нет спасения. Никто на свете не поддержит твоей борьбы за твою свободу. Верь только в себя, сосчитай свои силы, измерь свою волю, и тогда – или иди за нами, или да свершится над тобою судьба побежденных.

1906 г.

О евреях в русской литературе

В «Свободных мыслях» была помещена статья К. Чуковского о евреях в русской литературе: потом появилась на ту же тему статья г. Тана, больше похожая на лирическое письмо, чем на статью. Последнее обстоятельство дает и мне повод высказаться по этому вопросу. Будь это спор, я бы не принял участия в нем... Другое дело обмен личными настроениями по лирическому примеру г. Тана, – и я прошу позволения последовать этому примеру.

Кое в чем наши личные настроения сходны. Меня весьма тронуло, например, что г. Тан пишет всеми буквами черным на белом: «мы, евреи». Это нововведение: насколько знаю, это в русской печати второй случай. Обыкновенно еврейские сотрудники русских газет пишут о евреях не «мы», а «они»: местоимение первого лица приберегается для более эффектных случаев, например: «мы, русские», или «наш брат русак» (я сам читал).

Растрогало меня и то, что г. Тан отказывается считаться с пресловутым доводом, будто не следует «в такое время» задевать «такой вопрос». Мы с г. Таном прекрасно знаем, что дело тут не в задевании вопроса, а в упоминании лишний раз слова «еврей», чего

многие терпеть не могут: в этом смысле «такое время» было и год, и два, и пять лет, и пятнадцать лет тому назад. Но вслух, конечно, приводятся самые благородные мотивы – что не надо, мол, «играть в руку». Выеденного яйца не стоят эти благородные мотивы. Из-за них не было еврейскому публицисту никакой возможности поговорить с евреями, читающими по-русски, об их делах или об их недостатках – например, о множестве рабских привычек, развившихся в нашей психологии за время обрусения нашей интеллигенции. Эта интеллигенция не читала ни «Восхода», ни древнееврейских и жаргонных газет, а читала больше всего провинциальную прессу черты оседлости – которую, кроме нее, почти никто не читал, в которой, кроме нее, почти никто не писал и которая в общем не печатала ни одного слова о еврейских делах. Порою хотелось рвать на себе волосы от бешенства, и знаете ли, теперь тоже нередко хочется. Лучше бы тысячу раз «сыграть на руку» черным людям, которые от этого не стали бы чернее, чем так наглухо запереть все пути к среднему еврейскому интеллигенту, чем так упорно приучать его к забвению о себе самом и о долге самокритики, чем так обидно воспитывать в нем унижительное невнимание к себе и своему делу...

По существу предмета наши настроения зато вряд

ли совпадают. Обсуждать, хороши или плохи евреи в чужих литературах, я не стану – это было бы уже спором, от которого я отказался. Замечу только, что дело совсем не в том, чувствует ли себя г. Тан, как сам утверждает, неразрывно привязанным к русской литературе или не чувствует. Чуковский отнюдь и не собирался оторвать его или других от русской литературы: он только задал себе вопрос, велика ли польза русской литературе от этих неразрывных привязанностей, и пришел *sine ira et studio* к печальным выводам. Чтобы не прятать даже мимоходом своего мнения, прибавлю, что я с г. Чуковским совершенно согласен; прошу г. Тана не принять это с моей стороны за щелчок по его адресу – я его, г. Тана, кроме газетных статей, право, не читал и судить не могу: но вообще нахожу, что евреи пока ничего не дали русской литературе, а дадут ли много впредь – не ведаю. Однако не сомневаюсь, что против г. Чуковского был уже в печати, как водится, выдвинут длинный список «еврейских замечательных людей», блистательное доказательство наших великих заслуг перед отечеством и человечеством. «Рассвет» остроумно заметил, что в этих случаях докапываются чуть ли не до девиц, окончивших гимназию с золотой медалью. Таковых, слава Б-гу, немало, и честь Израиля нетрудно спасти, ибо мы люди маленькие и малым довольны. Заграницей

наши онемеченные или офранцузенные братья чувствуют себя на вершинах радости, когда кого-нибудь из них в кои веки примут в высшем туземном обществе: они делают важные лица и говорят многозначительно: ого! А у нас однажды г. Горнфельд, я помню, печатно выразил свой восторг по поводу того, что «в одном рассказе Елпатьевского больше интереса к евреям, чем во всех сочинениях Успенского», – из чего явствует прогресс гуманности и благого просвещения. После этого почему же не удовлетвориться гордым сознанием, что нашего такого-то печатают в лучших журналах – так сказать, принимают в высшем туземном обществе? При малом честолюбии и на запятках уютно...

Если г. Тану или другим уютно в русской литературе, то вольному воля. Я, например, не только не стал бы их манить назад, но даже не выражу сомнения, точно ли так им уютно, как они рассказывают. Напротив, признаю и не сомневаюсь. Но я это иначе объясняю, иначе освещаю. Г. Тан объясняет свои родственные чувства к русской литературе, между прочим, и тем, что деды его захватили жаргон, проходя через Ахен, а ему, г. Тану, какое дело до Ахена? Это резон, но я советовал бы г. Тану употреблять его пореже и с осторожностью; ибо мы на своем пути прошли не только через Ахен, но и через Вильну, Киев, Одессу,

отчасти через Петербург и Москву, и если мы начнем так небрежно отмахиваться от попутных городов, то нам с г. Таном могут со стороны предъявить вопрос: – Что это такое? *Cuis regio, eius religio*? Где переночевали, там и присягнули, а выйдя вон – наплевали? Эх, вы, патриоты каждого полустанка...

Я бы лично этого окрика не хотел, и потому предпочитаю не плевать на Ахен и не лобызать торцов Петербурга. Свои гражданские обязанности несую там, где я приписан и ем хлеб, и несую их корректно; в сердце же к себе я чужих людей не пускаю: в том, какой я город люблю и к какому городу равнодушен, никому давать отчета не желаю, и принципиально демонстрирую совершенно одинаковое благорасположение к Ахену и Москве. Будь у меня всамделишный свой город, я бы тогда стал говорить о любви: и это, быть может, была бы такая любовь, какую сорок тысяч людей на запятках любить не в силах. Но при нынешнем моем положении воздаю кесарево кесареву, а божию держу про себя. Исповедую лояльный космополитизм, и ни на сантиметр больше.

Самый же вопрос о жаргоне я беру не с точки зрения Ахена, да и вопрос о том, в какую литературу идти еврейскому писателю, беру не с точки зрения жаргона. С жаргоном я считаюсь потому, что на нем фактически говорит народ, и, следовательно, для того, что-

бы работать в народе и с народом, надо работать и на жаргоне. Это ясно, как дважды два четыре, и совершенно при этом не важно, где, когда и из чьих рук мы подобрали это наречие. Но вопросом о языке еще не решается вопрос о том, куда идти, в какую литературу. Часть евреев вырастает, не владея жаргоном, и некоторым из этого числа очень трудно потом овладеть. Это большая помеха для работы в еврейском переулке, это заставляет писать по-русски, но писать по-русски еще само по себе не значит уйти из еврейской литературы.

В наше сложное время «национальность» литературного произведения далеко еще не определяется языком, на котором оно написано. Это ясно в особенности по отношению к публицистике. «Рассвет» издается на русском языке, но ведь никто не отнесет его к русской печати. Так же точно к еврейской, а не к русской литературе относятся наши бытописатели О. Рабинович и Бен-Ами, или поэт Фруг, хотя их произведения написаны по-русски. Решающим моментом является тут не язык, и с другой стороны даже не происхождение автора, и даже не сюжет: решающим моментом является настроение автора – для кого он пишет, к кому обращается, чьи духовные запросы имеет в виду, создавая свое произведение. Шутник может спросить, не относится ли в таком случае погромная

прокламация «К жидам г. Гомеля» тоже в вертоград еврейской литературы: но если не оперировать курьезами и брать вопрос серьезно, то «национальность» литературного произведения в таких спорных случаях устанавливается, так сказать, по адресату. Если пишете для евреев, то много ли, мало ли вас прочтут, но вы остаетесь в пределах или хоть на окраинах еврейской литературы. Можно поэтому не знать жаргона и все-таки не дезертировать, а служить, по мере сил и данных, своему народу, говорить к нему и писать для него. Дело тут не в языке, а в охоте.

Я прекрасно понимаю, что нелегко требовать этой охоты от писателя, знающего по-русски. Он может писать для русской публики, это гораздо заманчивее – и аудитория неизмеримо больше, и жизнь шире, многообразнее, богаче. Искушение слишком велико. Оторваться от этого простора и сосредоточить свои мысли на переживаниях еврейства – это жертва, для некоторых и большая жертва. Из малороссов, одаренных сценическим талантом, большинство пока уходит на велокорусские подмостки, и причина та же: аудитория шире и культурнее, репертуар лучше, общественное признание куда серьезнее... Одно-го заметного столичного публициста недавно убедили стать во главе органа, посвященного еврейским интересам; и он через месяц ухватился за первый повод

и ушел, высказавшись так: – У меня все время было такое чувство, точно я из громадного зала попал в чулан...

Не виню совершенно ни его, ни ему подобных: но с другой стороны нечем тут и гордиться. Человеческая мысль очень лукава и умеет раскрасить в багрец и золото какой угодно поступок; и в этих случаях она подсказывает уходящим из чулана красивые речи о том, что широкое лучше узкого, общечеловеческое (русское называется общечеловеческим) важнее национального, интересы ста миллионов с лишним важнее интересов пяти миллионов и так далее. Но все это пустые слова перед тем фактом, что наш народ остается без интеллигенции и некому направлять его жизнь. Оттого я сказал, что иначе все это освещаю, в иную меру оцениваю, и могу вам назвать совершенно искренне, в какую именно меру. В грош я это оцениваю, эти раззолоченные узоры на халате дезертира, эти пошлости на тему об узком, широком и общечеловеческом, потому что это неправда. Если человек уходит из чулана в большой зал, значит, он пошел по линии своей выгоды, и больше ничего. Не поймите меня банально, я не говорю о денежной выгоде; но идти по линии своей выгоды – значит идти туда, где человеку легче удовлетворить свои аппетиты и запросы, где атмосфера тоньше, среда культурнее, резонанс ши-

ре, подмостки прочнее и вообще все пышнее и богаче. Только потому они и уходят, и ничего нет в этом возвышенного, ибо всякий средний человек предпочитает Рим деревне и согласен даже быть в Риме сто пятнадцатым, лишь бы ходить по мрамору, а не по деревенской улице. Может быть, в том-то и дело, что только средние люди так рассуждают, и потому Бялик и Перец у нас, а в русской литературе подвизается г. Тан и еще не помню кто; но оттого народу не легче, если у него остаются генералы и нет офицеров, и дезертирство остается дезертирством. Я этим никого не ругаю, я человек трезвый и не вижу в дезертирстве никакого позора, а простой благоразумный расчет: на этом посту мне, интеллигенту, тяжело и тесно, а там мне будет легче и привольнее – вот я и переселяюсь. Вольному воля. Мало что в чулане осталась толпа без вождей и без помощи – ведь никто не обязан быть непременно хорошим товарищем. Счастливой дороги. Но не рядите расчета в принципиальные тряпки, не ссылайтесь на возвышенные соображения, которых не было и не могло быть у людей, что покинули нас в такой неслыханной бездне и перетанцевали на ту сторону к богатому соседу. Нас вы этими притчами не обманете: мы хорошо знаем, в чем дело, знаем, что мы теперь культурно нищи, наша хата безотраднa, в нашем переулке душно, и нечем нам наградить свое-

го поэта; мы знаем себе цену... но и вам тоже!

Опять-таки настаиваю на прежнем: мой набросок получил оттенок беседы с г. Таном, и г. Тан может принять все это на свой счет, а мне бы не хотелось. Ей-богу, я в точности не знаю, перекочевал ли он или нет, говорю не о нем и вообще не о ком-нибудь, а так. Обмениваюсь личными настроениями. И раз это личное настроение, то хочу вам указать еще одну его деталь: нашу окаменелую, сгущенную, холодно бетонную решимость удержаться на посту, откуда сбежали другие, и служить еврейскому делу чем удастся. головой и руками и зубами, правдой и неправдой. честью и мезостью, во что бы то ни стало. Вы ушли к богатому соседу— мы повернем спину его красоте и ласке: вы поклонились его ценностям и оставили в запустении нашу каплицу— мы стиснем зубы и крикнем всему миру в лицо из глубины нашего сердца, что один малыш, болтающий по-древнееврейски. нам дороже всего того, чем живут ваши хозяева от Ахена до Москвы. Мы преувеличиваем свою ненависть, чтобы она помогала нашей любви, мы натянем струны до последнего предела, потому что нас мало и нам надо работать каждому за десятерых, по тому что вы сбежали и за вами еще другие сбегут по той же дороге. Надо же кому-нибудь оставаться. Когда на той стороне вы как-нибудь вспомните о покинутом родном переулке и на

минуту, может быть, слабая боль пройдет по вашему сердцу, – не беспокойтесь и не огорчайтесь, великодушные братья: если не надорвемся, мы постараемся отработать и за вас.

1908 г.

Асемитизм русской интеллигенции

(из статей о «чириковском инциденте» ²)

Из всей обстановки любопытного случая, разыгравшегося на чтении новой драмы г. Шолома Аша, и из всех разговоров, которые затем последовали, неопровержимо вытекает одна неприятная правда: что г. Чириков высказал коллективные мысли. Об этих щекотливых предметах наши соседи, по-видимому, уже давно шушукаются. Мы найдем, конечно, утешителей, которые станут божиться, по обыкновению, что г-да Чириков и Арабажин совершенно одиноки в своем образе мыслей; при этом случае кстати вспомнить, что г. Чириков не особенно талантлив, и даже его пьесе «Евреи» не пощадят, а г-на Арабажина, который мало известен, и совсем низведут до нуля; и получится, как всегда, что только нули осмеливаются ворчать против евреев, а «лучшая часть интеллигенции неизменно стоит за нас». Что и требовалось доказать. Но

² Этот инцидент заключался в том, что два прогрессивных писателя – г-да Чириков и Арабажин – высказали в одном кружке взгляды, которые были потом в печати истолкованы как протест против наплыва евреев в русскую литературу. – Примеч. в. Жаботинского.

неприятная правда всетаки в том, что г. Чириков высказал общие мысли, и это в его лице русская интеллигенция начинает показывать коготки. Насколько талантлив г. Чириков, предоставляю судить тем счастливым, которые читали этого писателя: я, кроме «Евреев», никаких плодов его пера не вкушал. Но если правду говорят, что г. Чириков и по таланту, и по всем другим качествам посредственность, то тем характернее этот выпад.

Тут перед нами, очевидно, человек как все, т. е. самый ценный тип для изучения массовой психологии: в свое время, когда надвигалась весна и «все» были добродушно настроены, он от чистого сердца написал юдофильскую пьесу, а теперь, когда «все» начали морщиться, он опять-таки от чистого сердца запрестовал против нашествия кашерных блюд на стол русской литературы. Тогда действовал без умысла и теперь инстинктивно отражает свою среду. И столь же симптоматично выступление г. Арабажина. Большая публика, особенно еврейская, совсем его не знает, и потому надо ей сказать, что это один из тех людей, которые всю жизнь ужасно заботятся, как бы не подмарать и не подмочить свою передовую репутацию. В этой заботе чуть ли не главный момент их политической психологии. В свое время г. Арабажин редактировал «Северный Курьер», выступивший в защиту ев-

реев после скандала с «Контрабандистами». Теперь он, хотя с оговорками, осторожно, кончиком мизинца, поддержал г. Чирикова в том смысле, что вот, действительно, есть и такое мнение, и хотя мое дело сторона, а вы, евреи, все-таки приутихните.

«До сих пор вы имели дело только с отбросами общества, теперь будете иметь дело с настоящей русской интеллигенцией», – предсказывает г. Арабажин. И будьте уверены – раз г. Арабажин об этом говорит, значит об этом уже можно говорить: отлучение от передового лагеря не последует. Люди этой категории выступают только тогда, когда чувствуют за собою молчаливый мандат многих. Конечно, г-да Чириков и Арабажин люди не крупные, но ведь никогда первачи не бывают застрельщиками, и никогда не только генералы, но и вообще большие люди не бегут перед полком, отправляющимся в поход. Впереди бежит, обыкновенно, городское отрочество и вообще элементы менее ценные и зато более подвижные, а настоящая серьезная сила идет сзади, и, быть может, не сейчас.

В данном случае даже очень вероятно, что не сейчас. Политический момент все-таки неудобен для открытого разрыва между русской передовой интеллигенцией и евреями. Главные органы передовой печати постараются замять всю эту историю (они упорно молчат о ней), а потом и в еврейской среде поды-

мут голос утешителя, оправившиеся от ошеломления, и запоют старую песню, что все обстоит благополучно, – старую песню, приниженную, льстивую, неискреннюю, – старую песню, на которую не стоит отвечать, ибо авторы ее лгут и сами знают, что лгут и что никто им не верит. А под шумок этих успокоительных заверений будет делаться тихое, незаметное дело: все те отрасли русской умственной жизни, которые теперь «заполнены» евреями, начнут потихоньку избавляться от этого услужливого, дешевого, но непопулярного элемента. Лозунг «judenrein!» проникнет понемногу и в передовую прессу, и в издательства, и в передовой театр; для этого совсем не потребуются, чтобы во главе учреждений стали антисемиты – напротив, найдутся и еврейские редакторы или антрепренеры, даже некрещеные, которые, считаясь с настроением потребителя, сами позаботятся об уменьшении процента евреев. Создадутся вполне приличные литературные общества, куда евреям будет затруднен доступ, конечно, в самой благородной форме, без подчеркиваний, без явного антисемитизма. Вообще до антисемитизма, в грубом смысле этого слова, у передовой интеллигенции дело еще не скоро дойдет, а просто захочется ей пока побыть наедине с собою, без постоянного еврейского свидетеля, который слишком акклиматизировался, чувствует себя

чересчур по-домашнему, во все вмешивается, всюду подает голос...

Некоторые органы большой передовой прессы Петербурга решили, очевидно, совсем замолчать случай с г-дами Чириковым и Арабажиным. Это можно было предвидеть заранее. В эпоху ассимиляции немецких евреев кто-то пустил в обращение следующую формулу: лучший способ проявить юдофильство, это — не говорить ни слова ни о евреях, ни об их противниках. Лучший ли, не знаю, но, несомненно, удобнейший способ. В нравы и традиции русской печати ввела его почтенная и заслуженная московская газета, декан и образец русского прогрессизма. Эта газета выдвинулась в эпоху самой отчаянной травли еврейского племени и стойко молчала в течение 25 лет на сию щекотливую тему: не обмолвилась ни одним звуком ни о евреях, ни об их литературных гонителях. Пример не остался без подражателей, и с тех пор замалчивание считается высшим шиком прогрессивного юдофильства. Такой шик задают теперь «Наша Газета» и «Речь» по поводу чириковского приключения. Как раз в тех кругах, которые весьма близки обеим редакциям, об этом случае говорят очень много, а обе газеты молчат и, несомненно, думают, что у них это выходит очень эффектно и многозначительно: сама, дескать, истина молчит нашими устами!

С последним я вполне согласен и даже попытаюсь разобраться в таинственном содержании этого многозначительного безмолвия. В самом деле, о чем молчит истина устами почтенных органов? Что знаменует их немота в этом случае? Что знаменует самый случай, каков его общественный смысл?...

Прежде всего надо заступиться за гг. Чирикова и Арабажина: когда они уверяют, что ничего антисемитского не было в их речах, то они оба совершенно правы. Из-за того, что у нас считается очень *distingue* помалкивать о евреях, получилось самое нелепое следствие: можно попасть в антисемиты за одно слово «еврей» или за самый невинный отзыв о еврейских особенностях. Я помню, как одного очень милого и справедливого господина в провинции объявили юдофобом за то, что он прочел непочтительный доклад о литературной величине Надсона. Когда г. Чуковский констатировал тот неопровержимый факт, что евреи, подвизающиеся в русской изящной литературе, ничего стоящего ей не дали, очень недалеко было от того, чтобы и г. Чуковского ославили антисемитом. То же самое теперь с г. Чириковым. Хороши или плохи русские бытовые пьесы последних лет, я судить не берусь: но г. Чириков совершенно прав, когда говорит, что глубоко прочувствовать их может не еврей, а только русский, для которого «Вишневый сад» есть реаль-

ное впечатление детства. Если бы г. Чириков сказал: «а не поляк», никто бы в этом не увидел ничего похожего на полонофобию. Только евреев превратили в какое-то запретное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести, и от этого обычая теряют больше всего именно евреи, потому что, в конце концов, создается такое впечатление, будто и самое имя «еврей» есть непечатное слово, которое надо реже произносить...

Кого особенно несправедливо обижают, это г. Арабажина. Если оставить в стороне его выпады в печати против сионизма, которые не стоят внимания прежде всего потому, что г. Арабажин в этом вопросе некомпетентен, то именно он уж совсем ничего греховного не сказал. Он и вообще (судя даже по тем пересказам, против которых он печатно протестует, и тем более по его собственной передаче) не выразил в этом споре никаких собственных взглядов. Он только констатировал, что настроение, звучавшее в словах г. Чирикова, свойственно не одному лишь последнему, а имеет или может иметь сторонников в кругах, прикосновенных к русской литературе и русскому театру. Г. Арабажин сделал даже оговорку, что лично он этого настроения не разделяет, но что оно все-таки есть, и он считает долгом обратить на это серьезное внимание товарищей-евреев. Может быть, все это было вы-

сказано им и г. Чириковым в более мешковатой форме (нельзя же забывать, что спор был в частной товарищеской компании, где половина собравшихся друг с другом на «ты»), но по существу ничего антисемитского, реакционного и по всем прочим статьям преступного эти нашумевшие речи не содержали. Одно только в них было: симптоматическое.

Именно с этим всего неохотнее согласятся юдофилы-замалчиватели. С их точки зрения уж лучше записать гг. Чирикова и Арабажина в список отлученных от прогресса, чем признать, что в речах этих писателей звучал смягченный отголосок некоего общего настроения, пробивающего себе дорогу в среднем кругу передовой русской интеллигенции. Спорить тут невозможно, документальных доказательств не добудешь – наличие такого настроения можно установить пока только на ощупь, и не всякий захочет признаться, что уловил в других или в самом себе нечто подобное. Но если быть искренним, то ведь ни для кого не тайна, что это так. Из всех бесчисленных толков, вызванных чириковским инцидентом, явственно звучал один общий мотив: «это» не новость, об «этом» уже давно и много поговаривают. Есть, конечно, люди, которые в таких случаях нарочно затыкают уши – и не только себе, но и другим, в том числе и заинтересованной стороне; и пойдет эта заинтересованная сторона

доверчиво дальше по старому пути, не слыша надвигающегося грома, и потом будет захвачена врасплох. Это считается шиком прогрессивного образа мыслей, и ничего не поделаешь с людьми, которым такая тактика по вкусу. Я и не намерен их переубеждать. Пусть притворяются оглохшими и незрячими. А все-таки назревает какое-то облачко и невнятно доносится далекий, еще слабый, но уже неприветливый гул...

Повторяю – то, что назревает в некотором слое русской интеллигенции, не есть еще антисемитизм. Антисемитизм очень крепкое слово, а крепкими словами зря не следует играть. Антисемитизм предполагает активную вражду, наступательные намерения. Разовьются ли эти чувства когда-нибудь в русской интеллигенции, предсказать нелегко: но пока до них еще, во всяком случае, далеко. То, чем веет теперь, чем так сильно пахнуло изза завесы, чуть-чуть приподнятой гг. Чириковым и Арабажиным, то не антисемитизм, а нечто отличное от него, хотя родственное и, быть может, служащее предтечей антисемитизму. – Это асемитизм. В России это слово малоизвестно, зато за границей, где куда лучше знают толк в разных оттенках жидоморства, оно давно в ходу. Это не борьба, не травля, не атака: это – безукоризненно корректное по форме желание обходиться в своем кругу без нелюбимого элемента. В разных профессиональных сфе-

рах оно разно проявляется. В сфере литературно-художественной, с которой у нас «началось», оно приняло бы форму такого рассуждения: я пишу свою драму для своих и имею право предпочитать, чтобы на сцене ее разыграли свои и критику писали свои. Этак мы лучше пойдем друг друга.

Если хотите, не вижу в этом еще невнятном веянии ничего нового. Ново только, что об этих вещах начинают говорить: прежде считалось, что «эти вещи» сами собою понятны, вслух о них не болтали и просто осуществляли асемитизм на практике. И не со вчерашнего дня, а искони. Ибо что есть двадцатипятилетнее величавое молчание «Русских Ведомостей»? Что есть теперешнее молчание передовых органов? Вот уже пять лет прошло с кишиневского погрома; за это время Россию наводнили книжками и, листками, проповедующими племенную резню, десятки уличных газет разносят по всем углам зажженную паклю ненависти к евреям; чуть ли не вся идеология реакционного движения сводится к этой ненависти, — казалось бы, уже хоть потому, если не из рыцарской потребности заступиться за угнетенного, полагалось бы русской передовой печати бороться против этой пропаганды. Русская передовая печать ничего в этом смысле не сделала. Да простится мне резкое слово: больше вбитых гвоздей я нашел в мертвых глазницах одной из

жертв погрома в Белостоке, чем статей об этом погроме в русской передовой печати. Были постановления каких-то съездов, чтобы газеты энергично боролись с юдофобской пропагандой, и тоже не помогло. Не помогло даже изобилие сотрудников евреев: знаю по горькому опыту, что самое страстное желание поднять голос в защиту своей народности разбивалось за кулисами даже самых смелых и боевых органов обо что-то неуправляемое и неосоздаваемое.

Много интересного можно было бы рассказать на эту тему... Да к чему? Кто этого не знает? Теперь образовалось несколько издательств для борьбы с антисемитизмом; оставим в стороне вопрос, много ли могут они сделать: но любопытно то, что их руководители очень близко стоят к влиятельной передовой печати и хорошо понимают, что статья в распространенной газете гораздо полезнее брошюры, которая Бог весть еще попадет ли в настоящие руки. И, однако, они вынуждены возиться с этими брошюрами и не смеют мечтать о борьбе с пропагандой погрома через оппозиционную прессу. Почему?

Как-то я прямо задал этот вопрос руководителям одной редакции и выжал после множества уклонений такой ответ: нас читает интеллигенция, а она в таких поучениях не нуждается. Было это в 1906 году. Хорошо. Но теперь у нас 1909 г. Что-то новое начинает про-

крадываться в русскую интеллигентскую психологию. Если и правда, что тогда русская интеллигенция была иммунизирована от юдофобских предрассудков, то хватит ли у кого-нибудь отваги ручаться, что иммунитет сохранился и ныне?

О, да, очень многозначительно это безмолвие. Советую очень глубоко вдуматься в него читателя обеих национальностей. Твердой рукой подписываюсь под словами г. Арабажина: здесь есть предостережение и вам, и нам. Предостережение тем более серьезное, что поветрие, первые симптомы которого теперь нас так переполошили, далеко не такая новость на нашей улице, как это может показаться наивному, – ибо зародыши той асемитической тенденции, на которую так бесхитростно вслух указали гг. Чириков и Арабажин. давно молчаливо таились во всей тактике русской интеллигенции по одному из самых трагических вопросов российской жизни...

«Ныне отпускаеши», – могут сказать г-да Чириков и Арабажин: подходит, кажется, момент, когда небо исполнит, наконец, заветное желание этих двух писателей – их оставят в покое. *Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan – der Mohr kann gehen.* (Мавр сделал свое дело – мавр может уходить.) Не потому, чтобы инцидент был исчерпан: напротив, инцидент только начинает завариваться по-настоящему, и, если не

будет войны или чего-нибудь другого очень сенсационного, не скоро еще уляжется в газетах эта любопытная история. Но дело в том, что г-да Чириков, Арабажин, Аш, другой Аш и вообще все участники той знаменитой беседы вдруг отошли на второй план – их заслонили более крупные фигуры. На сцену выступили г-да Струве и Милюков и, как свойственно крупным фигурам, сразу взяли быка за рога и поставили точку над *i*. Пока перессорившиеся между собой совозлежатели мирной трапезы, отныне бессмертной в летописях еврейского дезертирства, обидчиво препирались на разных языках о том, какое кто слово сказал и какого не сказал, г-да Струве и Милюков просто перешагнули через это скарредное крохокопательство и перенесли вопрос на единственно стоящую почву. Они поняли, что дело совсем не в том, проштрафился или не проштрафился тот или другой маленький человек в ночь на такое-то число в частной квартире такого-то, – а важно установить только один момент: что тут было – случайная шальная пуля, залетевшая неведомо откуда, или первый, пусть и преждевременный, выстрел из сильного и уже недалекого от перехода в боевое настроение лагеря?

Мнение по этому вопросу г. Струве – не новость. В разгаре выборов во вторую Думу он заявил одному интервьюеру, что настоящий антисемитизм – интел-

лигентский – еще впереди. Было это напечатано в газете «Русь» и, конечно, не удостоилось ни перепечатки, ни комментария в других передовых органах. Теперь г. Струве иными словами повторяет ту же мысль. Скрывать русское «национальное лицо» – «безнужно и бесплодно, ибо его нельзя прикрыть». А в чем оно состоит? Это – не раса, не цвет кожи и т. д., это есть «нечто гораздо более несомненное и в то же время тонкое. Это – духовные притяжения и отталкивания... Они живут и трепещут в душе». И в том числе – «сила отталкивания от еврейства в самых различных слоях (!) русского населения фактически очень велика». Конечно, в области государственной с этими «отталкиваниями» считаться не следует, т. е.

равноправие все-таки нужно дать. «Но государственная справедливость не требует от нас национального безразличия. Притяжения и отталкивания принадлежат нам, они наше собственное достоинство, в котором мы вольны... И я не вижу ни малейших оснований для того, чтобы отказываться от этого достоинства в угоду кому-либо и чему-либо»... «Я полагаю, евреям полезно увидеть открытое национальное лицо той части русского, конституционно и демократически настроенного общества, которая этим лицом обладает и им дорожит. И, наоборот, для них совсем не полезно предаваться иллюзии, что такое лицо есть

только у антисемитического изуверства».

Все это напечатано в газете «Слово» от 10 и 12 марта и ни в каких пояснениях и подчеркиваниях не нуждается. Но г. Милюков все-таки нашел, что маслом каши не испортишь, и не то с сокрушением, не то с иронией подливает (в «Речи» от 11 марта) свою толику масла: «Г-н Ж. может торжествовать: он выманит медведя из берлоги... добился того, что молчание кончилось, и то страшное и грозное, что прогрессивная печать и интеллигенция старались скрыть от евреев, наконец, обрисовалось в своих настоящих размерах».

Впрочем, это еще сказано полуиронически, и в конце статьи идут, конечно, заверения, что означенное настроение у русской интеллигенции скоро пройдет. Но зато без всякой иронии и совершенно всерьез делается следующее, вполне новое и очень пикантное разоблачение: «Я тоже думаю, что старой русской интеллигенции, святой и чистой в своем блаженном неведении, наступил конец в России с началом новой политической жизни. Я тоже уверен, что многие жизненные утопии, созданные этой интеллигенцией на почве той старой святости, скоро отомрут, чтобы уже не возрождаться больше. Но я уверен также и в том, что наивный «асемитизм» и «антисемитизм», представляющий нам свои национальные права на суще-

ствование, есть тоже один из последних пережитков (!) нашей блаженной интеллигентской невинности».

Вот это, в самом деле, ново. «Пережитком» называется нечто такое, что уцелело со старых времен. Значит, и у старой русской интеллигенции, святой и чистой и пр. тоже имелись антиеврейские «отталкивания»? Значит, медведь-то давно сидел в берлоге? Любопытно. Вслух еще в этом никто не признавался, особенно никто столь авторитетный. А еще любопытнее то, что присутствие медведя в берлоге не мешает г. Милюкову аттестовать ту старую русскую интеллигенцию «святой и чистой», а «наивный асемитизм или антисемитизм» числится у него в списке настроений, созданных «на почве той старой святости». Очень у г. Милюкова мягкое отношение к медведю в берлоге. Очевидно, в некоторых русских интеллигентах еще весьма живы пережитки старой чистоты и святости...

Итак, медведь выглянул из берлоги. Торжествует ли г. Ж., это мы оставим в стороне. По-моему, торжествовать ему нечего: к статье Струве сделано примечание, что она была написана и сдана до появления в «Слове» других статей на чириковскую тему. Никто медведя нарочно не выманивал, а сам он, по-видимому, учуял в воздухе нечто родное и по собственной инициативе решил подать сочувственно голос. И эта собственная инициатива – еще один любопытный штрих

для характеристики настроения. И вызывать не надо – сами откликаются!

После этого блестящего выхода первачей мы считаем окончательно выясненным основной вопрос, в котором для нас сосредоточен весь общественный смысл инцидента: вопрос о симптоматичности. Кому не противно, пусть и дальше разоряется на клятвенные заверения, что «ничего подобного нет». Г. Винавер в той же «Речи» от 13 марта все-таки предлагает и на будущее время еврейские услуги, согретые взаимной любовью, «именно любовью». На здоровье. Ласковый теленок двух маток сосет. Предоставляем г. Винаверу и прочим ласковым людям прожить мафусалиловы годы в этой курьезной позиции, когда они, заглядывая пану в очи, умильно говорят: «а все-таки вы нас любите!» – а г-да Струве и Милюков отвечают: – «Мм... не очень». – Для нас спор в этой части исчерпан. Да в сущности, и для возражателей наших, особенно из евреев, дело так же ясно, как и для нас. Все они про себя знают и с глазу на глаз сознаются, что медведь давно начал ворочаться в берлоге и, того и гляди, высунет морду. Лицемерием, неискренностью, малодушием и искательством пропитана их ласковая декламация, и оттого она так непроходимо бездарна, и нет в ней даже пафоса умелой лжи. Люди сами себе не верят и почти вслух говорят, что не верят, и им ни-

кто не верит. Что же с вами спорить? Ступайте себе с миром дальше и повторяйте in's Vlaue свои казенные слова.

Гораздо искреннее те публицисты из «Новой Руси» и «Нашей Газеты», которые простодушно спрашивают: «своевременно ли? Не лучше ли раньше вместе решить общегосударственную задачу?» – Это мы понимаем. Это, по крайней мере, практическая постановка вопроса. И нельзя не согласиться, что правда, действительно, несвоевременна – с русской точки зрения. Ибо одно из двух: раз медведь выглянул, надо или бороться с ним, или признать его полноправным гостем. Бороться? Это значило бы открыть свои газеты для систематической защиты еврейского равноправия, для систематического отпора на юдофобскую травлю. Мерси боку – только этого, в самом деле, и недоставало почтенным газетам, на которых и так стопудовым бременем тяготеет подозрение в недостаточном «асемитизме». А признать медведя тоже неудобно. Гораздо удобнее было бы сохранить до поры до времени старую иллюзию, что в «святом и чистом» климате этой прекрасной страны зоологический вид *ursus judaeophagus intellectualis* вообще не водится...

Но это с русской точки зрения, да еще с точки зрения еврейской прислуги русского чертога. Мы благо-

дарим за любезное приглашение идейно приютиться в той же людской и через ее стекла выглядывать на Божий свет, благодарим за столь лестное мнение о нашей готовности к собачьему самозабвению. – но честь эту решительно от себя отклоняем. Мы прекрасно понимаем, что для вас удобнее сохранить блаженное неведение до дня, когда будет решена общегосударственная задача, – потому что оно вас ни к чему не обязывает и сохраняет к вашим услугам всю полноту усердия и расторопности верноподданного Израиля; а когда общегосударственная задача будет решена и медведя, наконец, выпустят на волю, – тогда вы-то ровно ничего не потеряете. Но мы? Нам тоже полезно не видеть и не слышать? Нам тоже полезно удариться в славянофильство и грезить, что хорошо нам знакомый зоологический экземпляр, вдоволь повсирепствовавший в самых культурных заграницах, – только здесь, только в этой обетованной стране, только у этого богоизбранного русского народа почему-то не родится? Нам тоже выгодно будет, если, одураченные этой грезой, мы доверчиво разоружимся, распустим свою моральную самооборону, заложим и перезаложим в ваших ломбардах все свои ценности, – и тогда, в один прекрасный день, вы с душевным прискорбием объявите нам, что медведя не устерегли и он, к глубокому вашему сожалению, вырвался из бер-

логи?

Нет, милостивые государи, не тогда, а теперь должны вы выложить на стол все, что у вас за душою: и кто бы ни выболтал нам эту правду, – ваши илоты, как это было до сих пор, или ваши дураки, как это случилось недавно, или ваши разумники, как это происходит в последнем фазисе, – мы ставим и будем ставить каждое лыко в строку, и кричим глупому старому еврею, что зажмурил глаза и идет, улыбаясь до ушей, приложиться к панской ручке: – помни о берлоге!

Много характерного проглянуло в этой истории, но всего характернее этот резон о несвоевременности. Никогда еще эксплуатация народа народом, не заявляла о себе с таким невинным цинизмом. В учебнике сказано, что тихая стоячая вода может остыть иногда ниже нуля не замерзая, но достаточно бросить в нее камень, чтобы она мгновенно покрылась льдом. Это часто наблюдается и в делах человеческих. Теперь имеем случай любоваться этим занимательным явлением природы по милости инцидента с «национальным лицом». На днях еще за стыд и срам считалось русскому интеллигенту выговорить этакое слово без презрительной гримасы, а теперь даже такая заскоружлая, стерилизованная невинность, как «Наша газета», через номер усердно склоняет и спрягает «национальные» словеса. И оказывается, что они, види-

те ли, всегда дорожили национальными моментами, всегда понимали, что правильное национальное чувство есть вещь безупречнопрогрессивная, и чуть ли не за то, главным образом, и серчали на русское начальство, что оно унижает национальное величие!

Поистине трогательное открытие. Кто подозревал о присутствии такой контрабанды под спудом, а особенно в «Нашей газете», в этом классическом образчике русско-интеллигентской передовитости, в этом бесполом органе строго выдержанного направленчества без направления, в этом щепетильно отгороженном и чистенько подметенном пустом месте, на котором группа тщательно подобранных бесцветностей, не моргая, при всем честном народе смотрит тебе в пуп? Такая была идеальная тихая и стоячая вода, но, видно, крепко прохватило ее окружающей температурой; попал в нее камень, да еще брошенный неумной и, может быть, нетрезвой рукою, – и пошло!

Многих из нас это ошеломило – потому что мы плохие наблюдатели. Конечно, тот тонкий слой, который носит имя передовой русской интеллигенции и задает искони тон в печати, до последнего времени просто не интересовался своей великорусской национальностью, как здоровый человек не интересуется своим здоровьем, особенно когда у него других хлопот полон рот, хата не топлена и сквозь крышу небо пла-

чет. Сытый кашей каши не просит, особенно когда у самого сапоги просят каши. Но мы, по еврейской нашей склонности подчеркивать и размалевывать, а еще больше по надобности оправдать ассимиляцию, прицепили к этой особенности русского интеллигента бесконечный хвост распространительных толкований. Из настроения, обусловленного только национальной сытостью великоросса, мы сделали чуть ли не элементарную черту его характера: мы шумели на разные лады, что именно русские, не в пример немцу и всякому другому бусурману органически на «это» не способны, что им от роду присуще некое вселенское начало и отменно теплые чувства по всем направлениям, без различия веры и племени. И, как всегда, мы самих себя гипнотизировали своим шумом и победоносно пролетали мимо самых ярких фактов, не достаивая на них оглянуться. Даже мимо погромов попробовали сгоряча проскакать без оглядки, свалив всю беду на подстрекателей сверху и «отбросы общества» снизу, как будто оглушительный успех подстрекателей сам по себе не характерен для данной среды, или как будто отбросы не характерны для выделяющего их организма.

Но был еще факт, мимо которого мы пробежали с зажмуренными глазами; и даже не мимо него, а насквозь, проникая внутрь и ничего не замечая, глядя и

не видя, смакуя и не чувствуя дегтя, анализируя тонкости и не натываясь на оглоблю. Этот факт – русская литература, – та самая, что со времен еще Радищева славилась свободой и милостью к падшим призывала, та самая, что так сильно проникнута идеями подвига и служения, та самая, которая устами своих лучших ни одного доброго слова не сказала о племенах, угнетенных под русскою державой, и руками своих первых пальцем о палец не ударила в их защиту; та самая, которая зато руками своих лучших и устами своих первых щедро обделила ударами и обидами все народы от Амура до Днепра, и нас больше и горше всех.

На днях праздновали юбилей Гоголя, и немало евреев использовали, конечно, этот случай лишний раз «поплясать на чужой свадьбе». Должно быть, в некоторых еврейских училищах черты устроили и еще устроят после каникул гоголевские торжества, учитель русского языка скажет прочувствованное слово, учитель физики покажет в волшебном фонаре картинку из «Тараса Бульбы», а потом ученики или ученицы, картавя, пропоют перед бюстом: «Николаю Васильевичу сла-а-ва». И девяти десятым из устроителей и участников не придет в голову задуматься, какова с нравственной точки зрения ценность этого обряда целования ладони, которой отпечаток горит на еврейской щеке: не придет в голову, какой посев compro-

мисса, бесхарактерности, самоунижения забрасывается в сознание отрочества этим хоровым поклоном в ноги единственному из первоклассных художников мира, воспевшему, в полном смысле этого слова, всеми красками своей палитры, всеми звуками своей гаммы и со всем подъемом увлеченной своей души воспевшему еврейский погром.

Стоило бы, может быть, в честь юбилея тут переписать слишком забытые несколько страниц из того же «Тараса Бульбы». Ничего подобного по жестокости не знает ни одна из больших литератур. Это даже нельзя назвать ненавистью, или сочувствием казацкой расправе над жидами: это хуже, это какое-то беззаботное, ясное веселье, не омраченное даже полумыслью о том, что смешные дрыгающие в воздухе ноги – ноги живых людей; какое-то изумительно цельное, неразложимое презрение к низшей расе, не снисходящее до вражды.

Стоило бы процитировать, да не хочется. Все равно, кому нужно усердствовать, тех не остановишь... И не хочется еще потому, что нет никакой причины останавливаться на одном Гоголе, делать выписки из него и не делать выписок из его братьев по этой великодушной литературе. Чем он хуже их, и чем они лучше?

Веселая картина получится, если взять и на память, не выискивая, не докапываясь, просто, как го-

воят репортеры, аи hazard подсчитать ласку, что мы видели в разные времена от разных великанов русского художества.

Для Пушкина понятие еврей тесно связано с понятием шпион (это в заметке о встрече с Кюхельбекером). В «Скупом рыцаре» выведен еврей-ростовщик, расписанный всеми красками низости, еврей, подстрекающий сына отравить папашу – а яд купить у другого еврейчика, аптекаря Товия.

У Некрасова «жиды» на бирже уговаривают проворовавшегося русского купца: «нам вы продайте паи, деньги пошлите в Америку», а сам пусть бежит в Англию: «На катере – К насей финансовой матери. И поживайте, как царр!» Так говорили жиды – слог я исправил для ясности...

У Тургенева есть рассказ «Жид», неправдоподобный до наивности: читая, видишь ясно, что автор нигде ничего подобного не подсмотрел и не мог подсмотреть, а выдумал, как выдумывал сказки о призраках, – и что выдумал, и с каким чувством нарисовал и раскрасил! Старый жид. конечно, шпион, а кроме того, продает еще офицерам свою дочку. Зато дочь, конечно, красавица. Это понятно. Нельзя же совсем обездолить несчастное племя. Надо ж ему хоть товар оставить, которым он мог бы торговать.

По Достоевскому – от жидов придет гибель России.

Это, казалось бы, давало жидам известное право на внимание: однако ни одного цельного еврейского образа у Достоевского нет, насколько сейчас могу припомнить. Но если правда, что битый рад, когда бьют и соседа, то мы можем утешиться, припоминая польские типы Достоевского, особенно в «Карамазовых» и в «Игроке». «Полячок» – это обязательно нечто подлое, льстивое, трусливое, вместе с тем спесивое и наглое: и даже те затаенные в польской душе надежды, к которым самый заклятый враг должен отнестись с уважением, о которых сам Бюлов, защищая враждебный полякам закон, говорил недавно в рейхстаге с шапкой в руках, – коробит и вспоминать, какой желчной слюною облиты эти надежды разгромленного народа у тонкого, многострадального автора «Карамазовых».

Чехов? Еврейские критики ужасно любят цитировать из «Моей жизни» мимоходом оброненную фразу, что библиотека провинциального городишки пустовала бы, если бы не девушки «и молодые евреи». Это глубоко трогает еврейских критиков, это им очень льстит, они в этом видят явную агитацию за беспроцентное допущение евреев к образованию. Добрый мы народ, и самая добрая наша черта, это – что и малым довольны... По существу же был Чехов наблюдатель, не ведавший ни жалости, ни гнева и не лю-

бивший ничего, кроме увядающей красоты «вишневого сада»; поэтому еврейские фигуры, изредка по падающиеся в «Степи», «Перекасти-поле», «Иванове», написаны с обычным для этого художника правдивым безразличием. И с таким же правдивым безразличием нарисовал Чехов своего Иванова, одного из несчетных Ивановых, составляющих фонд русской интеллигенции, и с таким же правдивым безразличием засвидетельствовал, что Иванов, когда в дурном настроении, вполне способен обругать свою крещеную жену жидовкой. Но Чехов сам был во многих отношениях Ивановым, русским интеллигентом до мозга костей, и случилось и ему однажды выругаться по адресу жидовки. Тогда он написал свою «Тину». Это анекдот еще более нелепый и неправдоподобный, чем тургеневский «Жид», настолько пошлый по сюжету, что и двух строк не хочется посвятить его передаче. Где это Чехову приснилось? Зачем это написалось? – Так, прорвало Иванова, одного из несчетных Ивановых земли русской.

Кого еще назвать? Лескова? Н. Вагнера («Кот Мурлыка»)? Из одних имен можно было бы составить длинное стихотворение, как у того французского поэта: «Jeannette, Nine, Alice, Aline, Leda, Julie – Et j'en oublie...».

Ничего в противовес этому списку не может назвать

русская литература. Никогда ни один из ее крупных художников не поднял голоса в защиту правды, растоптанной на нашей спине. Даже в публицистике не на что указать, кроме одной статейки Щедрина и одной статейки Чичерина. В беллетристике нечем похвастать, кроме сладенького, нестерпимо-бездарного мачтетовского «Жида», да еще где-то за порогом художества красуется шедевр г. Чирикова. Те из нас, которые малым довольны, восторгаются еще «Судным днем» Короленко, ибо там доказано, что иной хохлацкий шинкарь еще прижимистее шинкаря-еврея. Лестно. Если за это полагается мерси, то у Лескова есть гораздо более обстоятельные рассказы на тему о том, что хотя жид и мошенник, но румын еще того хуже. а русский помещик, купец и мужичок тоже не промах по части вороватости... Но ничего настоящего, ничего такого, что если не по силе, то хоть по настроению, по проникновению в еврейскую душу могло бы стать рядом с «Натаном Мудрым» или с Шейлоком, русская литература не дала. Да и зачем такие высокие образцы: рядом у поляков есть Элиза Ожешко, есть знаменитый Янкель из «Пана Тадеуша», написанный Мицкевичем в то самое время, когда Пушкин малевал своего жида Соломона из «Скупого рыцаря»...

Не сомневаюсь: как всегда, найдется где-нибудь газетный пошляк, который во всем этом увидит нена-

висть к русской литературе. Если это случится, я возражать не буду – надоело спорить с пошляками, возиться с людьми внутренне недобросовестными, которые давно сами знают о своем банкротстве и еще все-таки зазывают бедную публику с ее нищенскими сбережениями к своему подгнившему прилавку. Между прочим, русскую литературу я очень ценю, включая и этого самого Гоголя, потому что литература должна быть прежде всего талантлива, и русская литература – далеко не в пример иным прочим отраслям русской национальной жизнедеятельности – этому условию удовлетворяет. Но вместе с тем надо помнить, что философию народа, его настоящую, коренную философию выражают не философы и публицисты, а художники, и в данном вопросе характер этой философии для всякого, кто не слеп и не глух, ясен без малейшей двусмысленности.

Может быть, мало на свете народов, в душе которых таятся такие глубокие зародыши национальной исключительности. Мы проглядели, что родоначальная страница русской классической драмы – «Горе от ума» – насквозь пропитана обостренным националистическим чувством, до краев полна протестом во имя национальной самобытности, выходками против французско-нижегородской ассимиляции, проповедью «премудрого незнания иноземцев». Мы прогля-

дели, что Пушкин в разгаре таланта написал потрясающее по энергии и силе стихотворение «Клеветникам России», где трепещет подлинный нерв того настроения, которое в Англии теперь называют джингоизмом. Мы проглядели, что в пресловутом, и нас захватившем культе «святой и чистой» русской интеллигенции, которая-де лучше всех заграничных и супротив которой немцы и французы просто мещане, – что во всем этом славословии о себе самих, решительно вздорном и курьезном, гулко звучала нота национального самообожания. И когда началось освободительное движение и со всех трибун понеслась декламация о том, что «мы» обгоним Европу, что Франция реакционна, Америка буржуазна, Англия аристократична, а вот именно «мы», во всеоружии нашей неграмотности, призваны утереть им нос и показать настоящее политическое зодчество, – наша близорукость и тут оплошала, мы и тут не поняли, что пред нами взрыв непомерно вздутого национального самолюбия, туманящий глаза, мешающий школьникам учиться уму-разуму у Европы, у Америки, у Австралии, у Японии, у всех, потому что все их обогнали...

Я говорю только о зародышах. Они еще надолго останутся зародышами. Несмотря на все призывы Струве, великорусскому национализму еще некуда и не во что развиваться, кроме как по черносотенной

тропинке, по которой серьезная часть интеллигенции, должно быть, не пойдет. В национальном смысле у великоросса ни в чем нет недостатка, а напротив – в колоссальных доходах, которые приносит ему его национальная культура, большую роль играют инородческие подати, особенно еврейская. Кто сочтет, в какой мере хотя бы нынешние модные книгоиздательства обязаны своим ростом руссифицированному инородческому потребителю, и в первую очередь еврею?...

Русскому национализму не за что бороться – никто русского поля не занял, а напротив: русская культура, бессознательно опираясь на казенное насилие, расположилась на чужих полях и пьет их материальные и нравственные соки. Для развития зародышей нет еще почвы, и она явится только в тот момент, когда среди народностей России подыметесь национальное движение всерьез, и борьба против руссификации проявится не на словах, как теперь, а в фактическом разрыве с великорусскою культурой. Мы тогда увидим, кто наши могучие соседи и есть ли у них национальная струнка, и тогда, может быть, лучше поймем некоторые забытые страницы из Некрасова, Пушкина и Гоголя.

1909 г.

Разговор между русским и евреем

(из статьи «обмен комплиментов»)

Это был разговор, беседа, causerie: я в ней не участвовал, а сидел сбоку и слушал, и потому не отвечаю ни за доводы, ни за выводы. Тему беседовавшим лицам дала нашумевшая статья А. столыпина о «низшей расе». Собеседников двое: один русский, другой еврей: оба мирно сидят за чаем и ласково беседуют о том, чья раса ниже.

– По-моему, – сказал еврей, – вообще нет высших и низших рас. У каждой есть свои особенности, своя физиономия, свой комплекс способностей, но я уверен, что если бы можно было найти абсолютную мерку и точно расценить прирожденные качества каждой расы, то в общем оказалось бы, что все они приблизительно равноценны.

– Как так? Чукчи и эллины равноценны?

– Я думаю. Поселите чукчей в условиях древней Эллады – и они, вероятно, дали бы миру свои ценности. Не те самые, какие дали миру греки, потому что у каждого народа свое, но все же ценности и, быть мо-

жет, равноценные с эллинскими. Доказать это, конечно, не в нашей власти: я вам только высказываю свое убеждение, но зато уж это – глубокое убеждение. Я не верю в то, будто есть высшие и низшие расы. Все одинаково по-своему хороши.

– Странно слышать это именно из уст еврея. Вы, которые исторически смотрели на себя, как на племя избранное...

– Да, да, знаю этот довод. Я вам и больше скажу: после разрушения второго храма Титом еврейские мудрецы больше всего убивались именно о том, что Бог предал их в руки «умма шефела». «Умма шефела» значит буквально низшее племя. Понимаете, в их глазах римляне, блестящие римляне эпохи принципата, уже впитавшие в себя, кроме собственной культуры, изысканную ценность эллинизма, – были все-таки низшей расой. Но это доказывает только одно: что те мудрецы были ослеплены. И точно так же все новые теории о низших расах – продукт ослепления.

– Нет, я с этим не согласен. Конечно, А. Столыпин пересолил; это объясняется его личным горем, которое именно ослепляет; надо это понять и простить³. Но все же и в другую сторону пересаливать нет надобности. Что все расы равноценны, это парадокс. Я

³ Незадолго перед тем был убит его отец, известный министр царя Петр Столыпин. – *Примеч. в. Жаботинского.*

мог бы сослаться на негров, которые живут в Америке рядом с белыми и все-таки не равны белым, на турок, которые устроили Стамбул на том самом месте, где арийцы создали Византию, и т. д. Но я считаю ваше общее положение, будто все расы равноценны, настолько парадоксальным, что даже не стану его опровергать. Вы не найдете пяти человек даже среди ваших единоверцев – вернее, особенно среди ваших единоверцев, – которые согласились бы с этим мнением. Оставим поэтому общий вопрос в стороне. Речь у нас шла о еврейской расе. Повторяю, Столыпин пересолил. Я не скажу, чтобы и с Чемберленом был вполне согласен, хотя это очень образованный и очень вдумчивый мыслитель. Я также не во всем согласен с вашим собственным Вейнингером, хотя и он приводит много поражающих, глубоких аргументов в подтверждение того, что еврейская раса, так сказать, неполноценна. Затем я читал кое-что и с вашей стороны – Гертца, который вообще отрицает расу, и нового писателя Цольшана, который считает еврейскую расу превосходной. Главное же, чем я интересуюсь, это жизнь, и вот вам общее впечатление, которое у меня осталось по этому вопросу из книг и из наблюдения жизни. Вы, несомненно, раса с какими-то крупными органическими духовными недочетами. (Вы понимаете, я не говорю об исключениях – есть очень по-

чтенные евреи, я сам знаю идеальных людей из вашей среды: впрочем, и эти исключения можно объяснить случайным смешением крови; но тут не о них идет речь, вы понимаете).

– Понимаю, понимаю, не стесняйтесь, мы привыкли.

– И вот мое общее впечатление: вы раса безусловно неполноценная. Полноценной я называю расу творческую и гармонично разностороннюю. Вы – ни то, ни другое. У вас нет и никогда не было собственно творчества. Доказано, что ваше единобожие и ваша суббота заимствованы; вы по отношению к этим идеям сыграли только роль популяризаторов, если позволите – даже коммивояжеров: к этой роли еврейская раса, действительно, весьма приспособлена. Зато еврейская душа неспособна ко многим восприятиям, ваша гамма ощущений крайне мала и не имеет хроматических оттенков: этим объясняется то, что у вас в лучшие времена вашей независимости не было никогда пластических искусств. Для постройки храма Соломону пришлось вызвать зодчего из-за границы. В вашей Библии – даже в «Песни песней» – нет, говорят, ни одного слова, означающего цвет, окраску. Только про Давида сказано, что он был рыжий, да Суламифь себя называет смуглой: но краски природы, неба, моря, листвы – все это игнорируется, точно не существу-

ет, не нужно, не интересно для сухого, расчетливого, монотонного еврейского духа. Сравните с этим Гомера, его *rhododactylos Eos* – зарю с розовыми пальчиками!..

– Позвольте, при чем тут раса? Из той же расы произошли потом Израэльс, Левитан... Да чуть ли не вся «русская» скульптура, простите, тоже произошла из этой расы – Антокольский. Гинцбург. Аронсон... Просто в древности не могло развиваться у евреев художество потому, что религия запрещала изображать то, что «на небе вверху и что на земле внизу»...

– Нет-с, это не довод. Религиозные верования не объясняют национального характера, они сами должны иметь свое объяснение в особенностях национального характера. Народ с художественными задатками никогда не принял бы антихудожественной религии. Но вы меня не прерывайте. Я иду дальше: и библейская этика ваша, которой вы так гордитесь, какая-то сухая, расчетливая, – не рыцарская, чтобы не сказать – просто неблагородная. Каждый параграф имеет ясную практическую санкцию, обязательство Господа Бога уплатить наличными: дать землю, текущую млеком и медом, продлить дни твои на земле... Библия не знает высших стимулов морали – ни идеи совершенства, ни приближения к божеству, ни загробной жизни. Вдумайтесь только в этот факт: народ, в

священных книгах которого нет ни слова о том, что будет с человеком после смерти!

Сравните это с арийцами, у которых вся религия-то началась с культа «отцов»! Ведь это разительное доказательство полного отсутствия интереса ко всему, что не имеет непосредственной практической цели. За пределами практических надобностей общежития у вас не только воля, но даже мысль не работала. Просто не интересовались. Неужели все это не дает права отрицать многогранность еврейской души? Неужели она равноценна с душой арийца, всестороннего, рыцарственного, мечтательного, гармонического? Поймите, я не хочу обидеть...

– Понимаю, понимаю. Пожалуйста.

– Да я кончил. Хотел только прибавить, что и в жизни не могу не видеть подтверждений этого взгляда. Распространяться на эту тему не хочу, но все-таки согласитесь, что если все, всюду, всегда ненавидят и презирают одну и ту же расу, то ведь нельзя это так просто объяснить одним тем, что все люди, мол, мерзавцы. Меняются предлоги вражды, меняется содержание обвинений, предъявляемых к евреям, но вражда и презрение вечны. Неужели вам самим в голову никогда не приходит, что, верно, есть в вас что-то такое неприемлемое, нестерпимое, раз всегда и повсюду вы наталкиваетесь на одно и то же отношение?

Возьмите только список выдающихся людей, которые терпеть не могли евреев: кого вы там только не найдете! Цицерон, Ювенал и Тацит, Джордано Бруно и Лютер; Шекспир, Вагнер, Дюринг, Гартман, в сущности и Ренан; Пушкин, Гоголь, Шевченко, Достоевский, Тургенев... Это даже не десятая доля полного списка.

Наконец, вот что я вам скажу. Вы, евреи, вообще мало встречаетесь с русскими, даже с юдофильствующими; а я среди них живу и знаю, как они к вам относятся, когда вас нет поблизости. Вы, господа, сами не знаете, сколько у вас врагов даже среди ваших друзей. Может быть, это не «вражда» в настоящем смысле, даже не презрение: это именно какое-то непреодолимое ощущение низшего существа, низшей расы. Это ощущение есть у всех, и если какой-нибудь Милюков или даже Плеханов станет меня уверять, будто оно ему не знакомо, я ему не поверю. А когда одно и то же чувство разделяют все, тогда то чувство – правда.

– Вы кончили?

– Кончил. Жду ваших возражений.

– Я не буду возражать.

– Вот как?

– Не буду. Разве укажу вам на две-три мелочи, которые мне больше запомнились. Например, о загробной жизни. В Библии о ней, действительно, не гово-

рится; тем не менее совершенно ясно, что верования о загробной жизни у древних евреев были. Саул в Эн-Доре вызывает тень пророка Самуила: Самуил «подымается» и спрашивает: «зачем ты меня потревожил?» Для всякого, кто привык разбираться в истории культуры, ясно, что такая легенда, такие выражения, вообще самая идея вызывания мертвецов может зародиться только там, где есть вера, что мертвец и за гробом продолжает жить. А другие выражения Библии, вроде того, что «Авраам присоединился к народу своему», иными словами – умер? Или та тщательность, с которой Авраам выбирает место, где похоронить Сарру? Всякий социолог скажет вам, что это явные черты народа, веровавшего в загробную жизнь. Прямого изложения этих верований в Библии не сохранилось, но не забудьте, что почти вся древнейшая литература евреев погибла, и Библия – только осколки ее. В книге Эсфири ни разу не упоминается имя Божие. Если бы уцелела только она, вы бы стали уверять, что евреи не знали идеи Бога...

Или вот, тоже о красках и вообще о художестве. Во-первых, кроме русого Давида и смуглой Суламифи, в Библии есть еще и «зеленеющие» деревья, и «красная» чечевичная похлебка, и «синяя» пряжа. Во-вторых, картины природы в «Песне песней», именно по богатству зрительных впечатлений, куда полнее Гомер

ра и его розовоперстой зари. В-третьих – почему вы напираете на отсутствие пластических искусств, а забываете о высоком развитии музыки у древних евреев? Книги Паралипоменон полны музыки даже чересчур – на каждом шагу музыка и пение. Это еще спорно, какое искусство глубже, какое искусство более артистично – пластическое или тоническое. А что касается до иностранных зодчих, то ведь и вам в России долгое время все лучшие храмы строили заморские архитекторы, однако вы себе не отказываете в художественной душе...

Но это все мелочи. По существу я с вами спорить не буду.

– Значит, согласны?

– Нет, это просто значит, что о вкусах не спорят. Из ваших слов ясно только одно: что мы вам не нравимся. Это дело эстетики. Объективного критерия тут быть не может. Вы считаете, что ждать награды в загробной жизни есть этика высшего качества, чем ждать награды в жизни земной, а я считаю, что наоборот. Вы считаете, будто учение о приближении к божеству выше учения о том, что надо время от времени прощать долговые обязательства, и во время жатвы оставлять край поля необраным – для бедняков; а я полагаю, что в этих простых правилах куда больше правды, и не земной, а божественной правды, прав-

ды, приближающей к божеству.

Вы считаете, что заимствовать элементы культуры у Вавилона значит быть коммивояжерами; а я считаю, что всякое творчество в мире опирается на заимствованные элементы, и что народ, который сумел, на самой заре своей жизни, собрать эти осколки золота и создать из них такой вечный храм, – что этот народ есть народ творчества *par excellence* среди всех народов земли.

Словом, дело вкуса. Я ведь не отрицатель рас, я не спорю против того, что есть арийское начало и есть еврейское и что они различны по содержанию. Я только считаю нелепостью всякую попытку расценить оба эти начала, установить, какое из них «высшее» и какое «низшее». Думаю, что перед лицом объективности оба равноценны и равно необходимы человечеству. А всякая оценка может исходить только из предвзятой нелюбви. Хотите, я вам покажу опыт?

– Какой?

– Я попробую проанализировать несколько моментов из русской истории. Буду при этом действовать так же, как вы: возьму в руки такую мерку, какая мне нравится, и буду ее прилагать к событиям, изложенным у Иловайского. Посмотрим, что получится. Хотите?

– Пожалуйста. Compliments за compliments.

– Именно. Начнем с мерки. По-вашему, мерка выс-

шей расы – это творчество и многогранность. Я мог бы поспорить и на ту тему, доказало ли русское племя в чем-нибудь свою творческую многогранность – дало ли оно миру хоть одно великое новое слово в области науки, религии, философии, законодательства, техники, художества... Но оставим это. Дело в том, что я выдвигаю другой критерий высшей расы: самосознание. В существе высшей породы, будь это ученый среди дикарей или аристократ среди плебеев, всегда живет неискоренимое, неподвластное его собственной воле сознание своей ценности. Внешне оно выражается в том, что мы называем разными именами – чаще всего гордостью. Это есть та черта, благодаря которой король Лир и в рубище остается королем: он признает себя королем, он не может отделаться от этого сознания. Это ощущение своей аристократичности есть первый и главный признак аристократичности. Конечно, иногда *parvenu* выдает себя за аристократа: с другой стороны, и у бушменов есть поверье, что остальные люди хуже их. Но достаточно выскочке встретиться лицом к лицу с настоящим баринном, и трещина в его сознании сразу вскрыется: он смутится, он собьется с тона – и он ощутит свою инфериорность. То же самое происходит с бушменом при столкновениях с белым человеком: в конце концов, белый ему все-таки импонирует. У обоих есть сознание своего превос-

ходства, но у белого оно уцелеет, а у бушмена расшатается и атрофируется, и белый получит над ним не только кулачную, но и моральную власть. Поэтому признаком высшей расы можно считать только такое сознание превосходства, которое оказалось способным выдержать в течение долгого времени сильные конфликты и не пошатнулось.

– А, я понимаю вашу мысль. Так как, мол, евреи три тысячи лет верят в свое превосходство, то они...

– Нет. Речь у нас не о евреях, а о вас, русских. Я только разъяснял, что понимаю под словом «самосознание» и почему считаю наличие такого самосознания главным признаком высшей расы (если, конечно, допустить, что есть высшая и низшая расы). Высшая раса должна обладать прежде всего самосознанием: ей присуща непоборимая гордость, выражающаяся, конечно, не в спеси, но в стойкой выдержке, в уважении к ценностям своего духа. Самая мысль о том, чтобы подчинить себя и свою душу чужому началу, должна быть органически неприемлема для такой расы.

Теперь возьмем Иловайского и начнем мерить этой меркой вашу русскую историю.

– Посмотрим.

– На заре этой истории мы встречаемся с призыванием варягов. Факт замечательный. Вы скажете мне,

что это басня, а не факт. Я знаю. Конечно, на самом-то деле оно произошло не так: вероятно, варяжские викинги просто-напросто захватили когда-то власть силой, и потом смутное воспоминание об этом событии превратилось в легенду. Но ведь легенда есть плод народного творчества, и в ней сказывается народная душа. Поэтому, если за «призвание варягов» русский народ не ответствен, то за легенду о призвании варягов он отвечает. Та идея, которая лежит в основе этой легенды, была, очевидно, вполне приемлема, совершенно естественна для русского народного самосознания, иначе легенда не сохранила бы этой идеи. А в чем эта идея? Что собрались вожди русской земли и решили поставить над собой вождя из-за границы. Не кто-нибудь, не простое мужичье, а воеводы собрались, и не нашлось у них достаточно самолюбия, чтобы додуматься до другого выхода из положения. Очевидно, народу, который создал эту легенду, который так объяснял себе факт воцарения чужеземцев, это казалось естественным: очевидно, его не шокировала мысль о том, что предки его сами управлять не могли и что единственным средством завести порядок было выписать начальника из-за границы. Чтобы понять всю соль этой басни, сравните ее с еврейской легендой о том, что произошло на заре еврейской истории. На заре еврейской истории Израиль уходит из-

под власти чужеземного царя и пускается через пустыню – завоевывает себе обетованную отчизну. Вам не кажется, что в этих двух легендах – две народные психологии?

– Нет, не кажется. Впрочем, я ведь не спорю, я слушаю.

– Перелистываем Иловайского дальше. Останавливаю ваше внимание на странице, где рассказывается, как весь народ при Владимире принимал новую веру. Стоят по горло в воде и принимают новую веру. В это же самое время они кричат Перуну, которого по княжьему приказу сбросили в воду: «выдыбай, боже!»

То есть Перун для них еще бог, который может выплыть. Я понимаю, народ меняет веру, когда старая расшатана. Но когда старая вера еще целехонька, когда она из глубины души народной кричит «выдыбай, боже!» – в это самое время лезть всем скопом в воду и принимать новую веру – это ясно говорит об одном: не было самосознания, не было гордого уважения к своему внутреннему достоянию, не было ощущения, что мне нельзя ничего навязать такого, чему нет корней в моей совести. Если есть расы высшие и низшие, то так не действует высшая.

– Одно замечание: у Иловайского приведена поговорка, объясняющая, почему пришлось лезть в воду. «Добрыня крестил мечом, а Путята огнем».

– Не сомневаюсь. Позвольте вам только напомнить для сравнения, что нас, евреев, крестили и огнем, и мечом; это у нас не поговорка, и вся наша история за 2000 лет этим полна – и, однако, ни Путята, ни Добрыня ничего с нами не поделали. Очевидно, мы такой народ, с которым нельзя разговаривать с палкой в руках...

Но я отвлекаюсь: вернемся к Иловайскому. Перед нами татарское иго. Это одно из самых странных политических явлений на свете. Оно почти беспрецедентно. Когда римляне завоевывали страну, они ставили там гарнизон, выводили туда римские или латинские колонии; это была оккупация, в той или иной форме. Тут было совершенно другое. После страшного разгрома татары отхлынули к себе в орду; они, собственно, эвакуировали Русь, и не фактическим постоем, а одним только угрожающим видом своим, издали держали ее в повиновении. Вам не кажется, что для этого нужен был ей какой-то особенный... талант повиновения? Конечно, разгром был ужасный, память об этом уроке изгладиться не могла; но, все-таки, есть характеры строптивые, жестоковейные, которые быстро забывают самый кровавый урок и дерутся, пока не обрубят им рук, – и есть другие характеры, помягче. Сравните опять-таки, ради параллели, отношение евреев к чужеземному владычеству над Палестиной.

Пока хоть горсть иудеев оставалась на святой земле, страна не покорилась. Не с ордою кочевников, а с великим Римом воевали Бар-Гиора и Бар-Кохба! Татары оставили удельной Руси полную автономию, и она смирялась и платила дань. Римлянам пришлось провести плуг по Иерусалиму, сравнять с землей цветущие города Галилеи, истребить и разогнать еврейское население чуть ли не до последнего человека, и только тогда Иудея подчинилась. Кровавая баня Тита была тоже страшным «уроком», но через 70 лет Бар-Кохба уже успел его забыть.

Очевидно, не все расы обладают счастливой способностью так свято помнить «уроки», чтобы достаточно было хорошенько «проучить» один раз, и повиновение гарантировано на 200 лет. Есть расы неукротимые, и есть поддающиеся укрощению. Какие «выше»?

– Дело вкуса, как вы сами сказали. Но я вас слушаю, продолжайте.

– Нет, признаться, мне уж надоело. Мы ведь не так интересуемся вашей историей, как вы, антисемиты, нашей. Разве еще укажу на одну маленькую деталь, относящуюся к той же странице Иловайского – о татарском иге. Там рассказывается, что ваши князья ездили в орду на поклон и становились на колени перед ханом. Я этого не осуждаю, это было очень благора-

зумно и патриотично. Но вот вам параллель – из романа «Камо грядеши», сочинение Сенкевича. К Нерону приходят разные лица и становятся на колени: только два раввина не преклоняют колен, и Нерон с этим мирится, ибо, очевидно, понимает, что тут ничего не поделаешь: евреи не станут на колени. Да, словом, есть расы и расы, и какая из них «выше» – трудно разоб-
раться...

– Знаете, что я вам на все это скажу? Вы еще боль-
ший русофоб, чем я антисемит.

– Это я самым решительным образом отрицаю. Для
меня все народы равноценны и равно хороши. Конечно,
свой народ я люблю больше всех других народов,
но не считаю его «выше». Но если начать меряться, то
все зависит от мерки, и я тогда буду настаивать между
прочим, и на своей мерке: выше тот, который непре-
клоннее, тот, кого можно истребить, но нельзя «про-
учить», тот, который никогда, даже в угнетении, не от-
дает своей внутренней независимости. Наша история
начинается со слова «народ жестоковыйный» – и те-
перь, через столько веков, мы еще боремся, мы еще
бунтуем, мы еще не сдались. Мы – раса неукротимая
во веки веков: я не знаю высшей аристократичности,
чем эта.

– Гм... – сказал русский. – Да, вы правы, это дело
вкуса. Я... остаюсь при моем вкусе.

1911 г.

О «ритуальных убийствах»

(из статьи «Вместо апологии»)

Если вникнуть как следует во вкус ритуального обвинения, возникает ощущение очень тяжелое, для впечатлительного человека нестерпимое. Вы вдумайтесь: ведь это про нас – про меня, вас, вашу мать! Каждый из нас, говоря с иноверцем, должен, значит, помнить, что тот, быть может, в эту самую минуту ежится и думает: «а кто тебя знает, не хлебнул ли когда-нибудь и ты из ритуальной рюмочки?» Попробуйте во все это вникнуть! В сущности, ведь это ужаснее, чем все остальное, что мы переносим в этой тюрьме. Я себе представляю, что впечатлительный человек, вдумавшись в это обвинение как следует, во всю глубину, может сойти с ума от обиды и отчаяния, или, по крайней мере, должен рыдать и рвать на себе волосы. Человек менее слаонервный, но зато наивный, должен выбежать на улицу, хватать там прохожих за полу или за пуговицу и доказывать им, пока не охрипнет горло, что это клевета, что мы ни в чем подобном не виноваты. Наконец, человек слепорожденный (среди нас таких очень много) поступит иначе. Он себя успо-

коит обычными успокоительными фразами: что в такую нелепость никто в сущности не верит; что сами обвинители в нее не верят; что это просто политический маневр; что вся благоразумная часть христианского населения (а таковая, конечно, в подавляющем большинстве) слушать не желает подобной клеветы, даже возмущена ею; что, словом, все обстоит благополучно и на Шипке спокойно.

Я не принадлежу ни к впечатлительным, которые охают, ни к наивным, которые оправдываются, ни к слепорожденным, которые не видят, что у них под носом происходит. Особенно резко должен отмежеваться от последней категории. Конечно, очень удобно и очень приятно вообразить, будто все твои враги просто мошенники и сознательные обманщики; но такое упрощенное понимание неприятельской психологии всегда в конечном итоге приводит к величайшим поражениям. Ибо оно неправильно и несправедливо. Среди наших врагов далеко не все лыком шиты и далеко не все сознательные лжецы. Очень советую одноплеменникам моим не заблуждаться на этот счет. Среди правых есть и вполне искренние люди. Эти люди совершенно искренно верят, что евреи действительно употребляют в пищу кровь христианских младенцев; по крайней мере, что среди евреев есть такая секта. Эти люди могут также совершенно искренно ду-

мать, что убийство Ющинского в этом смысле подозрительно и что надо его расследовать с особенной тщательностью, иначе богатые евреи подкупят отечественную Фемиду, и дело будет замазано. Они совершенно искренно считают евреев богатыми, а отечественную Фемиду покладистой. Поэтому отделаться от них будет не так легко и не так просто, как это думают многие из нас. Вообще все это дело гораздо сложнее.

Оно особенно сложно потому, что вера в ритуальные убийства распространена не только среди правых. В нейтральной, беспартийной массе, даже интеллигентной, тоже далеко еще не искоренилось это подозрение. Смешно и глупо замалчивать это обстоятельство. Мало ли раз всякий из нас, кому только приходилось встречаться с христианами, слышал от самых милых людей откровенные признания в этом сомнении? Конечно, милые люди выражают это сомнение не в такой грубой форме. Они обыкновенно говорят так: «Конечно, мы не сомневаемся, вы и ваши близкие об этом не знаете. Но... может быть, ваши раввины знают? Мало ли таких древних религий, в которых высшие таинства известны только немногим посвященным?». Другие еще добрее, они идут еще дальше по пути уступок и ставят вопрос так: «Может быть, это какая-нибудь особенная секта? Можете ли

вы поручиться, что знаете наперечет все секты в лоне еврейства и все тайны каждой секты? Вот и у нас есть изуверы – хлысты и скопцы – разве мы за них в ответе? Зачем же вам так волноваться и огулом отрицать то, что все-таки, быть может, имеется в действительности?»

Так говорят многие, очень многие из самых милых наших соседей, причем я их называю милыми без всякой иронии, а серьезно. Есть вполне порядочные, совершенно благожелательные люди, которые, однако, высказываются именно в этом смысле. Кто скажет, будто таких нет, тому я просто отвечу, что он говорит неправду. Они есть, и всякий из нас имел случай их видеть и слышать. А сколько таких, которые не высказывают вслух, но думают то же или еще хуже? И больше: спрошу: где гарантия, что это подозрение так цепко держится только в беспартийной, нейтральной среде? Неужели для того, чтобы стать кадетом, надо раньше искоренить в себе все предрассудки, даже взрощенные веками? Неужели в рядах трудовиков нет места человеку, который подписывается под всей партийной программой, но все-таки еще не может, положив руку на сердце, поручиться, что в Талмуде, который знать он не обязан, нет параграфа о ритуальном убийстве? Не хочу вести это рассуждение дальше налево, только напомню, что главный материал, из ко-

того строятся или должны бы строиться русские левые партии, это – или крестьянство или фабричные, вчера вышедшие из деревни. Наши слепорожденные горько ошибаются, и суждено им еще горько разочароваться.

Ошибаются во многом и наивные – те, что по всякому поводу становятся в позу и начинают защитительную речь. Их доводы так же однообразны, как обвинения противной стороны. Одно и то же из века в век. Сначала доказывается, что еврейская вера воспрещает употребление крови: затем идет доказательство, что самые знаменитые ритуальные процессы всегда кончались торжеством истины, оправданием невинных и посрамлением клеветников. И толпа этих доводов не слушает, и никто в толпе с ними не считается. На перечень оправдательных приговоров отвечают: жида подкупили суд. На перечень текстов, запрещающих употребление крови, отвечают: значит, есть еще один текст, который разрешает, и его-то вы нам не хотите процитировать. Вся аргументация пропадает даром, как вода в дырявой бочке. Я не вообще отрицаю полезность документальной защиты, но она полезна только в свое время и на своем месте. Место ей – на суде, место ей – в настоящем парламенте, но только в настоящем, где происходит действительно серьезное рассмотрение серьезных вопросов. Ко-

гда вместо парламента имеется митинг, чтобы не сказать хуже, – митинг, где с трибуны несутся ругательства, оскорбления, призывы «бей», где резонов никто не слушает и документами никто не интересуется, – тогда защитительное красноречие не имеет никакой ценности и никакого смысла. Двести раввинов (в который раз) печатно побожились, что евреи не пьют крови младенцев, – и никто этого не заметил, даже черносотенная пресса не огрызнулась как следует: просто прошла мимо, не оглянувшись. То же самое впечатление произвели и произведут все бывшие и будущие речи на эту тему еврейских депутатов. С документами и доводами считаются там, где собрались люди с намерением спокойно и беспристрастно исследовать. В атмосфере свалки, бешенства, битья чем попало – все оправдательные словеса неуместны, может быть, даже вредны.

Вот уже несколько лет, как евреи в России плотно сидят на скамье подсудимых. Это не их вина. Но вот что бесспорно их вина: они себя держат, как подсудимые. Мы все время и во все горло оправдываемся. Мы божимся, что мы совсем не революционеры, не уклоняемся от воинской повинности и не продавали Россию японцам. Выскочил Азеф – мы начинаем божиться, что мы не виноваты, что мы совсем не такие, как он. Выскочил Богров – и опять нас за шиворот та-

шут на скамью подсудимых, и опять мы входим в навязанную роль и начинаем оправдываться. Вместо того, чтобы повернуть обвинителям спину, ибо не в чем и не перед кем нам извиняться, мы опять божимся, что мы тут ни при чем, и для пущей убедительности начинаем усердно отплевываться от памяти Багрова, хотя над этим – каков бы он ни был – несчастным юношей, в час изумительной его кончины, и без нас достаточно надругались те десять хамов из выгребной ямы киевского черносотенства. Теперь подняли гвалт о ритуальном убийстве – и вот уже мы опять вошли в роль подсудимых, мы прижимаем руки к сердцу, перебираем дрожащими пальцами старые кипы оправдательных документов, которыми никто не интересуется, и божимся на все стороны, что мы этого питья не потребляем, отродясь ни капельки во рту не бывало, разрази меня Бог на этом месте... Доколе? Скажите, друзья мои, неужели вам эта канитель еще не надоела? И не время ли, в ответ на все эти и на все будущие обвинения, попреки, заподозривания, оговоры и доносы, просто скрестить руки на груди и громко, отчетливо, холодно и спокойно, в качестве единственного аргумента, который понятен и доступен этой публике, заявить: убирайтесь вы все к черту? Кто мы такие, чтобы пред ними оправдываться, кто они такие, чтобы нас допрашивать? Какой смысл во всей этой

комедии суда над целым народом, где приговор заранее известен? С какой радости нам по доброй воле участвовать в этой комедии, освящать гнусную процедуру издевательства нашими защитительными речами? Наша защита бесполезна и безнадежна, враги не поверят, равнодушные не вслушаются. Апологии отжили свой век.

Наша привычка постоянно и усердно отчитываться перед всяким сбродом принесла нам уже огромный вред и принесет еще больший. Население привыкло к этому, привыкло слышать из наших уст жалобный тон обвиняемого. Мы сами приучили соседей к мысли, что за всякого проворовавшегося еврея можно тащить к ответу целый древний народ, который законодательствовал уже в те времена, когда соседи еще и до лаптя не успели додуматься. Каждое обвинение вызывает среди нас такой переполох, что люди невольно думают: как они всего боятся! Видно, совесть нечиста. Именно потому, что мы согласны в любую минуту вытянуть руки но швам и принести присягу, развивается в населении неискоренимый взгляд на нас, как на какое-то специально вороватое племя. Мы думаем, будто наша постоянная готовность безропотно подвергнуться обыску и выворотить карманы, в конце концов убедит человечество в нашем благородстве: вот мы, мол, какие джентльмены – нам нечего прятать!

Но это грубая ошибка. Настоящие джентльмены – это те, которые никому и ни за что не позволят обыскать свою квартиру, свои карманы и свою душу. Только поднадзорные готовы к обыску во всякий час. И мы себя ставим именно в такое положение, не считаясь с самой ужасной опасностью: а что, если нам подбросят краденую вещь?

До сих пор ритуальные убийства подбрасывались нам почти всегда неумелыми, топорными руками. Но я считаю вполне возможным, чтобы и в этой области сказался однажды общий технический прогресс нашего времени. Может найтись виртуоз, который так умно и тщательно разработает план, учтет и предусмотрит все неожиданности, что эффект получится самый ослепительный. В этом предположении нет ничего невероятного. Среди антисемитов теперь есть очень культурные люди, а с другой стороны – очень богатые и могущественные люди, которым доступны самые верные средства фальсификации. Не так трудно теперь найти и еврейчика-лжесвидетеля: этого добра и в прежние времена было немало, а теперь особенно. В результате могут пред нами в один прекрасный день разыграть такую правдоподобную комедию ритуального убийства, что самый честный, самый беспристрастный судья поколеблется. Что же мы скажем тогда – мы, которые чуть не всю свою оборону

строим на том, что судьи нас по большей части оправдывали?

Но я считаю возможным, даже вполне вероятным и другой, гораздо более ужасный случай. Еврейство сильно изнервничалось; кажется, мы один из первых народов по количеству душевнобольных. В той атмосфере травли, которую создает вокруг нас басня о ритуальном убое, могут в конце концов у нас народиться и маньяки, помешавшиеся на этой басне. Если не ошибаюсь, в Падуе в XVI веке был такой случай: еврей Давид Морпурго впал в безумие и стал кричать, чтобы к нему привели 3-летнюю дочь соседа-католика – он ее зарежет и окропит ее кровью опреснок. Раввины связали его и выдали властям: но к счастью, безумие его оказалось очевидным, и дело не кончилось погромом. Но за 400 лет наши нервы сильно расшатались, и теперь не будет чудом, если явится более утонченный маньяк, который кричать не станет, а просто возьмет и сделает. Я считаю странным счастьем, что этого до сих пор не случилось. Не забудьте, среди какого кошмара мы живем, под каким ужасом воспитывается наша молодежь. Мы уже видели таких, которые помешались на революции, на терроре, на экспроприациях: в эпидемии самоубийств есть несомненная примесь психического расстройства: недавнее половое поветрие тоже выдвинуло заметный эле-

мент явных маньяков. И вот, если разразится такая беда, что мы скажем, какие тексты вытащим? Будем ждать реабилитации своего народного имени от суда и экспертов: если они признают, что это сумасшедший, то наша честь спасена: а если маньяк попадетя вроде Джека-потрошителя, трезвый и уравновешенный во всем, кроме своей мании, и покажется экспертам здоровым, тогда мы, значит, признаем себя обесчещенными навек? Ибо таков будет неотвратимый вывод из нашей мании – реагировать на каждый попрек, принимать всенародно ответственность за каждый проступок еврея, оправдываться перед кем попало – в том числе и черт знает перед кем.

Я считаю эту систему ложной до самого корня. Нас не любят не потому, что на нас возведены всяческие обвинения: на нас взводят обвинения потому, что не любят. Оттого этих обвинений так много, они так разнообразны и так противоречивы. Сегодня нам кричат, что мы эксплуатируем бедных, завтра кричат, что мы сеем социализм, ведем бедных против эксплуататоров. Одна польская газета на днях уверяла, что евреи расчленили Польшу и отдали ее России, а 100 русских газет уверяют, что евреи хотят расчленить Россию и восстановить Польшу. Итальянцы уверяют, что нападки на них во всей европейской прессе – дело евреев, а турецкая оппозиция утверждает, что на захват

Триполи подбили Италию евреи. Что же, на весь этот визг и лай со всех сторон надо откликаться, божиться, уверять, присягать? Немыслимо и бесполезно. Если даже опровергнем одно, родится другое. Человеческая злоба и глупость неистощимы. С оправданиями можно выступать только в редкие, исключительно важные моменты, когда есть полная уверенность, что сидящий пред тобою ареопаг действительно имеет справедливые намерения и надлежащую компетенцию. Но делать из апологии систему для каждого дня, выносить ее на улицы, на трибуну митинга, хотя бы и именуемого парламентом, на летучие столбцы газеты – это значит унижать себя до равенства с лающей псарней.

Нам не в чем извиняться. Мы народ, как все народы; не имеем никакого притязания быть лучше. В качестве одного из первых условий равноправия, требуем признать за нами право иметь своих мерзавцев, точно так же, как имеют их и другие народы. Да, есть у нас и провокаторы, и торговцы живым товаром, и уклоняющиеся от воинской повинности, есть, и даже странно, что их так мало при нынешних условиях. У других народов тоже много этого добра, а зато еще есть и казнокрады, и погромщики, и истязатели, – и, однако ничего, соседи живут и не стесняются. Нравимся мы или не нравимся, это нам, в конце концов,

совершенно безразлично.

Ритуального убийства у нас нет и никогда не было; но если они хотят непременно верить, что «есть такая секта» – пожалуйста, пусть верят, сколько влезет. Какое нам дело, с какой стати нам стесняться? Краснеют разве наши соседи за то, что христиане в Кишиневе вбивали гвозди в глаза еврейским младенцам? Нисколько: ходят, подняв голову, смотрят всем прямо в лицо, и совершенно правы, ибо так и надо, ибо особа народа царственна, не подлежит ответственности и не обязана оправдываться. Даже тогда, когда есть в чем оправдываться. С какой же радости лезть на скамью подсудимых нам, которые давным-давно слышали всю эту клевету, когда нынешних культурных народов еще не было на свете, и знаем цену ей, себе, им?

Никому мы не обязаны отчетом, ни перед кем не держим экзамена, и никто не дорос звать нас к ответу. Раньше их мы пришли и позже уйдем. Мы такие, как есть, для себя хороши, иными не будем и быть не хотим.

1911 г.

О «национальном государстве» в России

(из статьи «о языках и прочем»)

П. Б. Струве в январской книжке «Русской Мысли» (1911) затронул интересный и важный вопрос. Жаль только, что затронул мимоходом и аподиктически разрешил на 4 страничках. Этот спор об этнической природе государства российского, о том, считать или не считать малороссов и белоруссов за особые нации, о том, быть ли России «национальным государством» или же пути ее ведут к так называемому Nationalitätenstaat, – спор этот заслуживает самого серьезного, самого, если позволено так выразиться, увесистого обсуждения. И я глубоко убежден, что постепенно он и станет во всей серьезной российской публицистике предметом такого именно обсуждения. Ибо вопрос о национальностях есть для России кардинальный вопрос ее будущности, более важный, более основной, чем все другие политические и даже социальные проблемы, включая хотя бы самую аграрную реформу.

Пишу эти слова и, конечно, знаю, что лишь очень немногие с ними согласятся. И тем не менее, – оно все же так. Было время, когда и в Австрии думали, будто национальная проблема есть второстепенная мелочь, скромно отходящая на задний план, как только на сцену выступают «настоящие» интересы, особенно экономические. А жизнь доказала, что все бытие государства, точно вокруг оси, обречено вращаться вокруг проблемы национальностей, и под конец даже социал-демократия стала давать основательные трещины как раз по швам национальных разделений. От судьбы не ушла Австрия, от судьбы не уйдут и ее соседи.

Я тоже не имею в виду братья за «увесистое» рассмотрение вопроса, затронутого П. Б. Струве. Но хочу сделать несколько беглых замечаний по поводу одной из деталей этого вопроса: о том, куда зачислить малороссов и белоруссов. Вряд ли, впрочем, уместно тут слово «деталь»: это не деталь, а центр тяжести всего спора. В самом деле: если малороссов и белоруссов зачислить, как хочет П. Б. Струве, в состав единой русской нации, то нация эта возрастает до 65 процентов всего населения Империи, т. е. до громадного большинства в две трети: и тогда, пожалуй, картина действительно недалека от «национального государства». Наоборот, если малороссов и бе-

лоруссов считать за особые народности, то господствующая национальность сама оказывается в меньшинстве (43 проц.) против остального населения, а сообразно тому изменяются и все виды на будущее. Поэтому смело можно сказать, что разрешение спора о национальном характере России почти всецело зависит от позиции, которую займет тридцатимиллионный украинский народ. Согласится он обрусеть – Россия пойдет по одной дороге, не согласится – она волей-неволей пойдет по другому пути. Прекрасно поняли это правые в Государственной Думе. Когда решался вопрос о языках инородческой школы, они, смеху ради, голосовали даже за каких-то «шайтанов» и «казанских греков»; они даже не подняли рук против еврейского языка, очевидно, желая сделать весь законопроект ненавистным и неприемлемым для начальства; но когда речь зашла об украинском языке, они отбросили и паясничество, и хитроумные расчеты и просто подняли руки против, ибо почуяли, что тут самое опасное место, решительный шаг, при котором ни шутки шутить, ни лукаво мудрствовать не приходится.

Возражение П. Б. Струве вызвано следующими моими строками, напечатанными в той же «Русской Мысли»: «На этих страницах П. Б. Струве неоднократно высказывал, что считает Россию государством национально-русским. В этом очерке не место спорить

о таком сложном вопросе; но считаю нужным кратко оговорить, что стою на резко противоположной точке зрения. Примыкаю к тем, которые не закрывают глаз на статистику и помнят, что народность, язык которой называется русским, составляет, по несомненно преувеличенным данным переписи 1897 г., всего 43 процента населения Империи. Это много, но этого недостаточно для того, чтобы остальные, «инородцы», добровольно согласились на роль бесплатного приложения к великорусской народности. Относясь с глубочайшим уважением к этой народности и к ее могучей культуре, желая с ней жить и дальше в тесной близости духовного обмена, они, однако, полагают, что естественной вотчиной этой культуры являются пределы этнографической Великороссии, и если теперь оно не так, то причина, главным образом, в вековом насилии и несправедливости. Мы, «инородцы», предвидим только одну из двух возможностей: или в России никогда не будет свободы и права, или каждый из нас сознательно использует свободу и право прежде всего для развития своей самобытной национальной личности и для эмансипации от чужой культуры. Или Россия пойдет по пути национальной децентрализации, или в ней немислимо будет ни одно из оснований демократии, начиная со всеобщего избирательного права. Для России прогресс и Nationalitätenstaat

– синонимы, и всякая попытка перескочить через эту истину, утвердить в государстве прочный порядок наперекор воле и сознанию трех пятых населения – кончится крахом. Так полагают «инородческие» националисты, и не только они: а кто прав, ответит будущее».

«Изумительно прежде всего, – отвечает П. Б. Струве, – в какой мере политическая или иная тенденция способна слепить глаза и скрывать от зрения самые внушительные и непререкаемые объективные факты. Какая-то упорная традиция, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденцией, скрывает от некоторых людей огромный исторический факт: существование русской нации и русской культуры. Именно русской, а не великорусской. Ставя в один ряд этнографические «термины» – «великорусский», «малорусский», белорусский», автор забывает, что есть еще термин «русский» и что «русский» не есть какая-то отвлеченная «средняя» из тех трех «терминов», а живая культурная сила, великая, развивающаяся и растущая национальная стихия, творимая нация (nation in the making, как говорят о себе американцы)».

Прежде всего замечу, что П. Б. Струве не прав, полагая, будто я забываю о термине «русский». Напротив. Я даже совершенно согласен с г. Струве в том, что русская нация и культура «не есть какая-то отвле-

ченная средняя» из великороссов, малороссов и белоруссов. Конечно, не есть. Русским языком называется у людей язык одного только великорусского племени; ни украинского, ни белорусского языка этот термин не охватывает. А русской национальной культурой называется культура, созданная на этом языке. На языке великороссов и только великороссов, а не на каком-то отвлеченном «среднем» из трех языков. Ибо такого среднего и на свете нет. Следовательно, русская культура есть национальная культура великорусского племени. Малороссов и белоруссов можно заставить присоединиться к ней, или можно даже мечтать, что они к ней все добровольно присоединятся; но это будет именно присоединение к чужой (хотя бы и родственной) культуре, созданной не на природном языке присоединяющихся национальностей. Термины «русская культура» и «великорусская культура», взятые в чистом своем значении, совершенно совпадают, ибо русский язык и русская культура ни для кого, кроме великороссов, не являются природными. Я лично всегда охотнее употребляю термин «русский» вместо «великоросс»: если в данном случае отступил от этой привычки, то только во избежание неясности, так как знал, что есть – повторяю выражение П. Б. Струве – «какая-то упорная традиция» совершенно неточно смешивать под словом «русский» в одну кучу три на-

рода, отличных друг от друга по языку, по истории, по темпераменту, по физическому типу, по внутренней индивидуальности, по быту и общественному строю.

Есть «какая-то упорная традиция, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденцией», уверять самих себя и всех добрых людей, будто русская нация есть не «живая культурная сила», реальная, осязаемая и отграниченная, а именно «какая-то отвлеченная средняя», некая метафизическая сущность, сочетающая в своем единстве три различных начала. Это, конечно, чистейшая фантазия. Но, мне кажется, если кто заслуживает упрека в таком фантазировании, то уж никак не те, для кого русская нация сама по себе, и украинская или белорусская – тоже сама по себе, – а скорее те, которые не признают тождества «русской» культуры с «великорусской» и непременно хотят придать первому термину какое-то более широкое значение. Правда, сами украинские публицисты часто употребляют слово «русский» в другом значении, чисто этнографическом, и в этом смысле причисляют к «русскому племени» и украинскую народность. Если не ошибаюсь, такая формулировка родства между великороссами, малороссами и белоруссами освящена еще авторитетом Костомарова. В одной статье одного украинского националиста она была выражена так: «Я – славянин

по расе, русский по племени, украинец по национальности». Сомневаюсь, имеет ли эта сложная классификация какую-либо ценность с точки зрения этнологии, но во всяком случае за пределы этнологии и этнографии ее значение не простирается. Специфическую культуру создают не «расы» и не «племена» (да и вообще эти термины так неопределенны и расплывчаты, что теперь ими надо пользоваться только с величайшей осторожностью): культуры создаются национальностями, и каждая из национальностей ревниво бережет свою культуру и противится, когда сосед ей навязывает свою, хотя бы сосед этот числился ей двоюродным братом «по расе» и единоутробным «по племени». Хорваты и словенцы – и тесные соседи, и близкая родня по расе, племени, вере и т. д., и даже языки их куда ближе друг другу, чем русский с украинским; однако это две разные национальности с двумя разными культурами. Венгерские словаки – ближайшая родня чехам, настолько близкая, что словацкое население соседней Моравии считает своим национальным языком чешский: но словаки Венгрии считают себя словаками, ревниво берегут отличия в своем диалекте, охраняют свою литературную речь от чешских оборотов и, насколько это мыслимо при мерзостях мадьярского режима, творят свою словацкую, а не чешскую культуру. Ибо для этого творчества ни эт-

нология, ни даже филология не указ. Для него указ – национальное сознание. Кто «украинец по национальности», для того все остальное родство по племени, по расе и т. д. может иметь только побочное значение: при выборе культуры решающий голос принадлежит не «расе», не «племени», а осознанной национальности.

Еще одна оговорка. Обыкновенно, когда хотят доказать, что русская культура есть продукт тройственного взаимодействия, а не одних великороссов, на сцену вытаскивается Гоголь, а иногда, в последнее время, и Короленко. Вот, дескать, малороссы, участвовавшие в создании «общерусской» литературы. Убедительность этого доказательства под большим сомнением. Величайший венгерский поэт Шандор Петефи назывался в сущности Александр Петрович и был сыном словака; но никто в этом не видит доказательства, что мадьярская литература будто бы есть «общевенгерская». У немцев тоже был крупный поэт, даже с проблесками гениальности, но имени Шамиссо, а по происхождению француз; разве поэтому немецкая литература стала немецко-французской? Разве она стала из-за Гейне немецко-еврейской? Общий фон, общий характер данной культуры не изменяется от того, что случайно жизнь забросит и ее ряды человека другой крови, хотя бы даже гениального. Он или

целиком ассимилируется с окружающим фоном, как Петефи или Шамиссо, или только наполовину, как Гоголь, на чьих произведениях лежит сильнейшая печать украинского темперамента, или совсем не ассимилируется и остается бобылем, непризнанным изгоем, как Гейне, – но национальный характер данной культуры остается неприкосновенным, и инородные пятна только выделяют и подчеркивают ее основной цвет, подобно тому, как черные «мушки» оттеняют белизну кожи. Десять Гоголей и сто Короленко не сделают русскую литературу «общерусской»: она остается русской, т. е. великорусскою, а рядом с нею украинская народность, пробиваясь сквозь строй великих трудностей, создает свою литературу на своем языке.

Я написал, что если русская культура играет теперь неестественную роль культуры всероссийской, то «причина, главным образом, в вековом насилии и бесправии». П. Б. Струве с этим не согласен. Русская, мол, культура преобладает и в Киеве, и в Могилеве, и в Тифлисе, и в Ташкенте «вовсе не потому, что там обязательно тянут в участок расписаться в почтении перед русской культурой, а потому, что эта культура действительно есть внутренне властный факт самой реальной жизни всех частей Империи, кроме Царства Польского и Финляндии».

Тут уж П. Б. Струве безусловно несправедлив к

нашему благопопечительному российскому начальству. Как же можно отрицать его великие, неискоренимые из нашей памяти заслуги по части насаждения русской культуры за пределами Великороссии? П. Б. Струве с легким сердцем констатирует, что теперь в Киеве «нельзя быть участником культурной жизни, не зная русского языка», и думает, будто «участок» тут ни при чем, а между тем это великая ошибка. Напротив, все дело в участке и в его многовековом усердии. Вот как рассказывает об этом усердии известный украинский историк, проф. М. Грушевский: «Покончив с политической особностью Украины, правительство не удовлетворилось этим: оно решило стереть и уничтожить также и проявления ее национальной жизни, и даже особенности украинского национального типа. Начиная с Петра I для украинских изданий вводится цензура, имевшая целью привести их к единообразию в языке с изданиями великорусскими. Руссифицируются украинские школы. Вводится великорусское произношение в богослужении. Всякие проявления украинского патриотизма ревностно преследуются и подавляются».

Но зачем заглядывать так глубоко в старину! Вот перед нами новейшее время: с половины прошлого столетия замечается в России подъем украинского движения – и тотчас же начинается сверху ревност-

ная борьба против «хохломании» и «сепаратизма». В 1863 г. министр Валуев провозглашает: «Не было, нет и быть не может украинского языка» – а в 1876 г. издан был указ, просто-напросто воспретивший украинскую культуру. Отныне разрешалось печатать по-украински только беллетристику да стишки и разыгрывать пьесы в театре; что касается до газет, журналов, серьезных книг и статей, лекций, проповедей и т. п., – все это было воспрещено, а об украинской школе и говорить нечего. Что же удивительного, если на этом поле, на чисто опустошенном и распаханном усилиями урядника, с такой легкостью и вне всякой конкуренции взошли посевы той культуры, которую урядник, по крайней мере, терпел? И ничуть ее пышный расцвет в Киеве не доказывает, что дело исключительно в ее собственной мощи, что она и без помощи урядника все равно заглушила бы все соседние ростки и воцарилась единодержавно. Напротив. П. Б. Струве сам не будет спорить против того, что если бы вместо указа о воспрещении украинской культуры явился в 1876 г. указ о разрешении вести на украинском языке преподавание в школах и гимназиях, то уважаемому публицисту вряд ли пришлось бы теперь так победоносно констатировать, что в Киеве без русского языка нельзя быть культурным человеком.

Что в Киеве, то было и повсюду. Всюду на окра-

инах русская культура появилась только после того, как земский ярыжка расчистил ей дорогу, затоптав сапожищами всех ее конкурентов. На Литве с 1863 года были запрещены польские спектакли, польские газеты и даже польские вывески, а литовцам запретили печатать литовским алфавитом что бы то ни было, даже молитвенники. Воспрещены были спектакли на еврейском жаргоне (еврейских актеров заставляли играть «по-немецки»), и до начала этого века не разрешали ни одной газеты на жаргоне. То же или почти то же происходило на Кавказе, и только потому П. Б. Струве имеет ныне возможность записать и Тифлис в перечень городов, завоеванных русскою культурой. Точнее, куда точнее было бы сказать: «Завоеванных урядником для русской культуры». Это, конечно, не мешает нам всем высоко ценить и даже любить русскую культуру, которая многому хорошему нас научила и много высокого дала. Но зачем игнорировать историю и уверять, будто все обошлось без кулака и будто успехи русского языка на окраинах доказывают внутреннее бессилие инородческих культур? Ничего эти успехи не доказывают кроме той старой истины, что подкованными каблучищами можно втоптать в землю даже самый жизнеспособный цветок.

Дальше следует у г. Струве аргумент, который странно даже слышать из уст такого вдумчивого, со-

всем не шаблонного писателя и мыслителя: «Постановка в один ряд с русской культурой других, ей равноценных, создание в стране множества культур так сказать, одного роста, поглотит массу средств и сил, которые при других условиях пошли бы не на национальное размножение культур, а на подъем культуры вообще». Такое «размножение культур» будет «колоссальной растратой исторической энергии населения Российской Империи».

Это, да простит глубокоуважаемый автор, песня старая, петая, перепетая – и отпетая. Теперь от нее даже непрошибаемые социал-демократы отказались. Самое лучшее, самое прекрасное в мировой культуре – это именно ее многообразие. Каждая историческая нация внесла в нее свои особые, неподражаемо-своеобразные вклады, и в этом бесчисленном множестве форм, а не в количестве результатов и заключается главное богатство человеческой цивилизации. Если бы маленький двухмиллионный народ, населяющий Норвегию, послушался во время оное советов г. Струве и, вместо того чтобы «тратить» силы на создание собственной культуры, записался в немцы, – то в учебнике немецкой словесности числилось бы несколькими именами больше, но за то не было бы на свете того совершенно своеобразного, особенно благоухающего, индивидуально ценного божьего

букета, который называется норвежской литературой. Да и нельзя никак противопоставлять «размножение культур» «подъему культуры вообще». Ибо с равным правом (а по-моему с большим) можно сказать, что «культуры вообще» нет, что это абстракция, ибо конкретно существуют (если, конечно, не считать машин и прочей мертвой утвари) только отдельные культуры отдельных наций. И это значит, что отдельная личность, участвующая в создании культуры, будь это поэт, философ, ученый или политик, может наилучше развить и использовать свои творческие силы, наиболее полным образом *sich ausleben* только в родной среде, в родной обстановке и атмосфере, где все хотя не осязаемо, но ощутимо пропитано родными соками. В чужой обстановке значительная часть творческих сил уходит на преодоление какого-то естественного трения, хотя бы иногда неосязаемого, и потому результаты такого творчества меньше и беднее. С этой точки зрения стоит (даже в интересах «подъема культуры вообще») потратить много сил и много лет на создание особой бурятской или якутской культуры, чтобы создать обстановку, в которой потом бурятские и якутские таланты разовьются лучше, полнее и с большею пользой для человечества, чем развились бы в «общерусской» среде, созданной и пропитанной влиянием других наций. Раздробление сил, «растра-

та энергии» тут с лихвою будут возмещены впоследствии интенсификацией творчества в отдельных национальных коллективах. Если тут есть «обособление», то это обособление законное, необходимое: так «обособляется» художник, когда затворяется в своем кабинете, убранном по его вкусу, никого к себе не выпускает – и пишет прекрасное произведение на радость и пользу всем людям.

Но все это зады, которыми прилично было заниматься лет пять или шесть тому назад, когда «мы» все были еще очень наивны и верили, будто национальный вопрос выдуман злоумышленниками. Теперь, слава Богу, известно и признано, что право каждой народности на самобытную культуру определяется и доказывается не теориями, а ее собственной волей к национальному бытию. Наличие этой воли показали и малороссы, и белоруссы. и все остальные, несчетные и несметные народы Российского государства; а остальное доделает время.

1911 г.

Странное явление

Газеты одного крупного города черты оседлости, описывая тамошнюю попытку публичного чествования памяти Комиссаржевской, устроенную литературно-артистическим клубом, отметили, что русской публики на торжестве было мало, а зато было очень много публики еврейской. Это, действительно, любопытное явление; мне давно хотелось его отметить и побеседовать на эту тему, но не решался. Ни для кого не тайна, что литературные клубы в черте оседлости вообще на девять десятых посещаются евреями; огромное большинство членов – тоже евреи. Арийский элемент представлен обычно десятком-другим отдельных любителей слова и музыки; пусть это талантливые и симпатичные люди, но их мало. Остальная, массовая часть членов и посетителей состоит из евреев.

Читатель, вероятно, тут заспорит и скажет: «Позвольте, что же в этом дурного – напротив, очень хорошо, что евреи так отзывчивы, так интересуются – это делает им честь»... Честь или не честь, это другой вопрос; но займемся пока не евреями, а русскими. Где они? Отчего не приходят? Почему они так мало отзывчивы, почему они не интересуются, почему они

не хотят «делать себе честь»?

Странно, ведь арийская интеллигенция велика и обильна. Несомненно, есть же в том городе достаточно образованной русской публики, чтобы заполнить три таких зала, особенно, если присчитать учащуюся молодежь. Отчего же эти не ходят? Вот, оказывается, и в Петербурге их не было на вечере памяти Комиссаржевской. Петербург в этом отношении особенно характерен. Город русский, евреи там вряд ли составят и две сотых населения. Там тоже было, а может и теперь есть, литературное общество аналогичного типа, «объединяющее все национальности». И на рефератах этого общества очи видели ту же знакомую картину: 10–15 репрезентативных христиан из радикальной литературы, а в публике почти исключительно евреи. Что за притча? Где русская интеллигенция? Смешно ведь даже спрашивать, есть ли она в столице, интересуется ли делами культуры. Это ведь она создает русскую культуру, она создала все, что было ценного в русской литературе, она создала и Комиссаржевскую. В чем же дело?

Лучшим ответом на вопрос было бы узнать мнение самих отсутствующих – мнение тех самых русских интеллигентов, которые культуру-то создают, а на рефераты и вечера известного рода упорно не ходят. Но мне их взгляд совершенно неизвестен. Зато приходи-

лось часто говорить об этом «странном» явлении с их, так сказать, заместителями – с еврейскими ассимиляторами. Многие из них вообще не желают говорить на эту тему. Они не замечают. Но некоторые все же разговорились и разоткровенничались. У меня получилось от этой откровенности странное впечатление. Они мне говорили известные старые вещи: что евреи – прекрасный фермент, что их миссия – будить всюду интерес к идее и культуре, что они – авангард, увлекающий за собой неповоротливых домохозяев, и пр.

Я, как известно, грешник, считаю национальность альфой и омегой своей веры, дорожу ею больше, чем прогрессом, и т. д. Но, признаюсь, я совершенно не способен проникнуться этим взглядом на еврея, как на соль земли, без которой остальные вахлаки совсем бы закисли. Для меня совершенно ясно, что не только эллины в древности, но и многие народы в настоящее время, например, англичане и немцы, куда талантливее евреев во всем, решительно во всем, начиная с литературы и кончая банкирскими конторами. Я в этом не вижу никакой обиды для евреев, потому что не смотрю на них, как на народ, который всю жизнь держит перед кем-то экзамен и должен непременно получать все пятерки. Право народа на самобытность и равенство не нуждается ни в каких оправданиях. Конечно, раз мы тут по Европе околачиваем-

ся столько веков, мы естественно принесли ей много пользы, обогатили ее жизнь; иначе и быть не могло – ведь и мы же не лыком шиты, и если занимаем среди исторических наций не первое место, то и не последнее. Но смешно пересаливать. Не будь евреев, культурный мир тоже бы теперь не в лаптях ходил. В частности, русский народ свою литературу создал без всякой помощи евреев, так же, как и французский, и английский, и итальянский. Да будет позволено спросить: если бы в Петербурге и Одессе совсем не было евреев, неужели там и здесь так-таки никогда не возникли бы литературные клубы? Мое скромное мнение таково: не только возникли бы, но и процветали бы не меньше теперешнего, только публика была бы в них – русская.

Здесь я должен привести мнение одного известного журналиста, родом из евреев. Прошу читателя не принять эту ссылку за литературный прием: это был настоящий разговор с настоящим известным журналистом еврейского происхождения. Он живет в русском городе, русскими интересами, возвращается почти исключительно в русском обществе, следовательно, знает ту самую публику, которая «не ходит»: кроме того, сам пользуется репутацией умного, образованного и хладнокровного человека. Я всегда знал его за ассимилятора; впрочем, он не отрицал того, что ев-

рейство национализируется, но не сочувствовал этому процессу. Речь зашла о том самом «странном» явлении: что «они» «не ходят». Совершенно ручаюсь за точную передачу мысли моего собеседника.

– Я вот что здесь наблюдаю уже не в первый раз, – сказал он. – Возникает какое-нибудь общество или, скажем, литературный орган: основатели его – русские люди с именами. (Это не всегда бывает так, но я нарочно беру только те именно случаи, когда основатели – русские). Когда дело наладится и машина пущена в ход, первое время все идет нормально. Русская публика интересуется, участвует, посещает, читает и сама пишет. Но со второго или третьего месяца начинается наплыв евреев. Основатели радушно их принимают, даже очень рады – знаете, нет ведь ничего добродушнее и искреннее хорошего русского интеллигента; он, право, по большей части и не замечает, кто вы такой. Через несколько недель – ваша аудитория полна евреев. И тогда вы начинаете замечать странную вещь: по мере того, как прибывают евреи, убывают русские. Не только в смысле процента, но абсолютно. Где их прежде было 100, там их остается 20. Уходят. Не ругаются, не сердятся, не жалуются, вообще ничего не говорят, а просто отстраняются. Спросишь их: почему? Сами не умеют объяснить: «Да, да, вы правы, надо будет опять записаться, просто, знае-

те ли, вылетело из головы...»

Иногда я в этом чувствую привкус сознательной юдофобии; но, право, гораздо чаще ничего подобного не могу нащупать. А вижу только разительное падение интереса к делу именно с того момента, как им так ревностно заинтересовались евреи. Оно с этого мгновения как бы стало для русской публики чужим, ее туда уже больше не тянет, ей там больше неуютно и не занято, хотя сюжеты прений или статей остались те же.

Это повторяется и с обществами, и с газетами, — быть может и с партиями — и, говорю вам, не в первый раз. Чем это объяснить, я не знаю; но нельзя отрицать, что есть какое-то невидимое «отталкивание». И вот мой вывод: хорошо это или печально, но Россия должна будет пройти через полосу национально-размежевания точно так же, как проходит через нее Австрия. Придется взять эту линию и евреям, отмежеваться в обоих смыслах: политически и культурно. Я, конечно, исключаю тот десяток-другой евреев, которые для еврейства — отрезанные ломти, давно ушли, завязали новые связи и пустили корни в чужой среде. Но еврейское общество в целом должно будет отграничить себя от русского и в политике и в культуре. Этим оно окажет большую услугу и себе и русским: оно им даст, наконец, возможность организо-

ваться внутри себя, по-своему, без посторонних примесей, которые в таком количестве для них. очевидно, неприемлемы...

За точную передачу мысли, как уже сказано, я ручаюсь. Ручаться за правильность наблюдения и вывода, конечно, не мое дело. Я не знаю ни той публики, ни ее настроений. Но позволю себе напомнить тем, для которых эти щекотливые вопросы поневоле должны быть интересны, что «странное» явление все-таки должно иметь свою причину. И до тех пор, пока жива на свете логика, эта причина может быть только одна из двух. Она или в русской интеллигенции, или в еврейской. Или первая органически неспособна интересоваться, откликаться, реагировать и т. д., и только евреи, эти единственные ангелы-хранители русской культуры в Петербурге и на окраинах, еще спасают положение, держат знамя и прочее, и тогда остается только изумляться, откуда у этого равнодушного русского племени взялось столько творческого подъема, чтобы создать без всякой еврейской помощи Толстого или Комиссаржевскую. Или – их к евреям просто «не тянет», и когда они видят, что на их собственном празднике танцует слишком много евреев, то даже лучшие из них предпочитают праздновать у себя дома: и если это так, то евреям и дальше придется нести на себе лестную роль единственных музыкантов на

чужой свадьбе – с которой хозяева ушли.

1912 г.

На ложном пути

Заметка о «странном явлении» вызвала оживленный газетный спор, но спор этот, к сожалению, пошел по нелепой линии. Получилось такое впечатление, точно я в своей заметке спрашивал русских: почему вы, добрые люди, не ходите в собрания? Не потому ли, что вам не хочется якшаться с евреями? И вот, несколько почтенных русских сограждан удостоверили, что они, напротив, очень рады якшаться с евреями, да только как-то все не случилось, – и несколько почтенных еврейских коллег тоже откровенно признались, что настоящая русская интеллигенция чрезвычайно любит еврейскую.

Очень приятно, прочел с удовольствием. Но зачем это все было написано – не знаю. Я этого вопроса не ставил. Отчасти потому, что нет смысла наивничать и спрашивать «любишь ли ты меня?» там, где каждый ребенок на улице знает всю правду. А главным образом потому, что как раз я меньше всего этим вопросом интересуюсь. По-моему, он никакого отношения не имеет даже к спору о том, надо ли «размежеваться». Журналист еврейского происхождения, о котором я в той статье рассказывал, действительно дошел до мысли о необходимости «размежевания»

только потому, что заметил со стороны русских явное нежелание «якшаться». Но на то он ассимилятор. Для людей моего лагеря суть дела совершенно не в том, как относятся к евреям остальные народности. Если бы нас любили, обожали, звали в объятия, мы бы так же непреклонно требовали «размежевания». Ибо мы думаем, что миссия каждой нации – создать свою особую культуру: и мы думаем, что это достижимо только путем полюбовного размежевания. Какое нам дело с этой точки зрения до любви или антипатии соседей? Если они евреев не любят, мы об этом очень жалеем; если любят, будем очень рады и будем платить взаимностью, но наше отношение к ассимиляции от этого не зависит. Мы не желаем, чтобы евреи стали русскими, даже если русская интеллигенция начнет скопом ходить на вечера литературного клуба.

Моя заметка имела в виду совершенно другую цель. Интересует меня не отношение христиан к еврейской ассимиляции, а самочувствие еврейских ассимиляторов. Я считаю их позицию в основе и по существу ложной и стараюсь проследить и отметить те случаи, когда эта внутренняя ложь обнаруживается особенно выпукло, когда сама жизнь, так сказать, демонстрирует против ассимиляции. Такой случай, по-моему, теперь налицо, когда ассимилированные евреи в огромном городе вынуждены фигуриро-

вать в роли единственных носителей русской культуры – «единственных музыкантов на чужой свадьбе, с которой хозяева ушли». На эту ситуацию я хотел обратить внимание самих «музыкантов», предложить им обдумать ее и сделать выводы. Так как дискуссия вместо того направилась по совершенно постороннему фарватеру, то позволю себе вернуться к сути вопроса и сделать эти выводы так, как я их понимаю.

Совершенно неопровержимо установленным я считаю тот факт, что ассимилированные евреи в нашем городе действительно очутились в роли единственных публичных носителей и насаждателей русской культуры. Этого никто во всей дискуссии даже не пробовал отрицать, ибо это слишком яркая очевидность. Обсуждая и оценивая эту любопытную ситуацию, я прежде всего нахожу ее в высочайшей степени комичной.

Почему она комична – я доказать не умею. Смешное не доказывается, анекдот не требует аргументации. Комизм ощущается непосредственно, и баста. И я утверждаю, что этот комизм положения, когда евреям в полном одиночестве приходится чувствовать Пушкина и Комиссаржевскую, ощущается решительно всеми, прежде всего самими «музыкантами». Я часто встречаюсь со своими противниками, но не встретил еще ни одного, который не чувствовал бы этого

комизма. Иначе нельзя объяснить и переполоха, который вызвала именно эта моя заметка. Мне случилось уже писать, например, и о том, что много рядовых либеральных христиан в глубине души верят в ритуальную сказку; это похуже, поопаснее, чем нехождение на «четверги», и однако никто из ассимиляторов так не взволновался, как на сей раз. На сей раз было такое впечатление, словно людей вдруг обнажили, указали пальцем как раз на ту мозоль, за которую им в душе особенно неловко, и вот они изо всей силы стараются прикрыть ее чем попало. Очевидно, каждый в душе чувствует, что «ассимиляция», «слияние» с окружающей средой обязательно требует «рецепции», согласия окружающей среды: для того, чтобы обрусение не было унижительным, необходима тут же наличность большой русской толпы, в которой евреи могли бы рассыпаться, разместиться, растаять – и притом с ее хотя бы молчаливого согласия. Тогда бы в этой массе действительно все перемешалось; рядом с тремя русскими ораторами мог бы тогда выступить четвертым и еврей и тоже сказать «мы, русские» или «наша русская литература» – и это стерлось бы, утонуло бы в общем впечатлении. Но когда русской толпы нет и никак ее не заманишь и не притянешь, и на празднествах русской культуры в полумиллионном городе одни евреи, совершенно лишенные русского

прикрытия, бьют в барабан и кричат «ура» во славу «нашей литературы», – то эта ситуация комична, потому что комична.

Ассимиляция по природе своей требует незаметности, наглядной возможности утонуть в громаде ассимилирующего тела: где девять русских, там еврей еще кое-как может быть «десятым русским»; но когда пропорция обратная или того хуже – весь, как говорится по-еврейски, «миньян» состоит из великороссов еврейского происхождения, то это есть явление высочайшего и глубочайшего социального комизма.

Конечно, когда обнаруживается социальный комизм какой-нибудь ситуации, разные люди по-разному на это реагируют.

Одни, у которых более плоская душа и более толстая кожа на ланитах, продолжают выступать гоголем; о таких нечего разговаривать, так как это элемент, лишенный всякой культурной ценности. Но есть и в ассимилированном лагере люди более тонкой организации. Для таких увидеть себя в ситуации, полной такого органического комизма, есть болезненный удар в ту самую точку сердца, где хранится у человека его лучшее богатство – его гордость. Для таких людей комизм превращается в трагизм. Я уверен, переполох, вызванный в стане ассимиляторов дискуссией по поводу «странного явления», объясняется еще и тем,

что лучшие, наиболее чуткие и вдумчивые люди этого стана почувствовали не простую неловкость от комического положения, но и настоящую боль, укол в самое чувствительное место, и им на минуту стало жутко от мысли: а что, если все это правда? А быть может, я и сам давно все это подозревал, только не решался формулировать? И на минуту почудилось им, что, быть может, вся работа их жизни действительно прошла по ложной колее и завела их вместе с их паствой, куда не надо... Но, конечно, даже чуткий человек, если он уже затратил несколько десятков лет на данной черте, в конце концов прогонит черные мысли и даст себя успокоить обычными словесами. Остается только маленькая трещина в душе – и если она осталась, я очень рад: этого я добивался.

Но патологичность ситуации не только в ее комизме и даже не в трагическом привкусе этого комизма. Еще хуже другое. Хотя мы здесь «шумим, братец, шумим», а настоящие русские молчат, но тем не менее для всего мира ясно глубокое несоответствие между шумом и ценностью. Ни один серьезный зритель не сомневается, что хоть шумят на русских культурных праздниках евреи, а все-таки истинной, стихийно-нерушимой опорой и источником русской культуры служат не те, которые шумят, а те, которые молчат. Если судить по шуму, то выходит, будто русские 1-

го разряда, активные русские – это и есть ассимилированные евреи, тогда как люди настоящего русского происхождения – это как выражается Отто Бауэр, Hintersassen der Nation, русские 2-го сорта. Между тем ясно и неопровержимо, что это в сущности как раз наоборот. Именно с момента, когда еврей объявляет себя русским, он становится гражданином 2-го класса.

Я, националист, ни за что не признаю себя в России гражданином 2-го разряда. Я считаю себя принципиально таким же хозяином в этом государстве, как и русского: я желаю говорить, учиться, писать, судиться, управляться на моем национальном языке, ни к кому не намерен подлаживаться и приспособляться и требую, напротив, чтобы государство приспособлялось к моим национальным домогательствам точно так же, как оно должно приспособиться к домогательствам русских, украинцев, поляков, татар и т. д., гармонизировав эти все требования в общем «народо-союзном» строе. Покуда я так смотрю на свое место в России, я не выше других и не ниже других, мы все граждане одного ранга. Но если я захочу пролезть непременно в русские, то дело сразу меняется. Тут я попадаю в положение неофита. Чужая национальная сущность, чужая психика и ею пропитанная культура не могут быть по-настоящему усвоены даже за срок целого поколения, даже за срок нескольких поко-

лений. Сохраняется акцент в речи, и точно так же сохраняется особый «акцент» души. Могут ли эти оттенки совершенно исчезнуть впоследствии, через много-много лет, это вопрос другой, которого я здесь не касаюсь; но покуда они есть, до тех пор я обречен числиться не настоящим, неполным русским, кандидатом в русские, подмастерьем русско-культурного цеха. Меня могут любить или не любить, это к делу не относится: но совершенно ясно, что источник и оплот русской культуры не в неофите, а в той массе, с которой он еще только старается слиться. Когда людям понадобится настоящее русское творчество, они оттолкнут изделие неофита и скажут: может быть, это подделано очень мило, может быть, это и лучше, чем настоящее русское, – но извините, нам нужно не это, а настоящее русское.

Это и значит быть русскими 2-го разряда. Надо различать понятия: россиянин и русский. Россияне мы все от Амура до Днепра, русские только треть в этой массе. Еврей может быть россиянином первого ранга, но русским – только второго. Так на него в этой роли смотрят другие, и так на себя невольно смотрит он сам.

Здесь я не буду вновь поднимать спор о том, многим или малым обязана русская, немецкая, французская и пр. литературы ассимилированным евреям,

достаточно ли усвоили эти писатели из евреев соответствующий национальный «дух» и т. д. Спорить об этом трудно потому, что это вопрос чутья, ощупи, и еврейские судьи тут совершенно не компетентны. Сколько бы ни божился еврейский критик, что Гейне – подлинный немец по духу, вопрос этим не будет решен. Но я интересуюсь этим вопросом больше с политической стороны. Здесь дело яснее, здесь мы не бродим в потемках эстетических оценок, а имеем перед собой массовые факты. И эти факты ясно говорят, что ассимилированный еврей при первом серьезном испытании всегда и всюду оказывается таким же плохим «ассимилятором», как и плохим евреем. Он объявляет себя немцем, покуда господствуют немцы, и старается делать так, чтобы по виду его нельзя было отличить от настоящего немца. Но как только господство переходит к другой национальности, моментально обнаруживается различие: настоящие немцы остаются немцами, выдерживают борьбу и несут на себе все жертвы, между тем как тевтоны израильского происхождения с поразительной быстротой начинают отрясать прах немецкий и присоединяться к национальности нового хозяина. Я уже несколько раз вскользь упоминал об этих поразительных превращениях, но стоит еще раз на них остановиться, и подробно, ибо они гораздо яснее всех прочих доводов показывают

истинную внутреннюю прочность еврейской ассимиляции.

В 40-х годах прошлого столетия Австрия, включавшая тогда и Венгрию, была почти сплошь онемечена. По крайней мере, так должно было показаться туристу, который посетил бы города империи. Только на юго-западе, в итальянских провинциях, он нашел бы сильную итальянскую культуру – и то с большими немецкими заплатами; но Будапешт весь говорил по-немецки, мадьярская речь едва слышалась на задворках; в Праге и думать забыли о том, что где-то на свете есть чешская речь; и даже в Галиции немецкая речь на улицах, в официальных учреждениях, в университетах и на вывесках соперничала с польской, и большей частью победоносно соперничала. Словом, картина онемечения городской Австрии была полная.

Где-то в деревне прозябали чешские, словинские, русинские мужики, но с ними никому и в голову не приходило считаться: казалось совершенно ясным, ясным прежде всего для них самих, что их речь – мужицкая речь, для культурных целей непригодная, и для каждого порядочного человека просвещение – синоним германизации. Некоторые сомнения вызывали упрямые итальянцы, беспокойные мадьяры и крамольные поляки, но благоразумные люди надеялись, что и эти злоумышленники сами поймут свою ошиб-

ку. Ведь человечество должно сближаться, а не разделяться: это проповедывал еще мудрый император Иосиф II, начертавший в одном декрете: «Нет лучшего средства приучить граждан ко взаимной между собой любви, как дав им единый общий язык». И в доказательство сослался – на Российскую Империю. Но прав он был в том отношении, что внешняя культурная физиономия Австрии в его время и десятки лет после него была очень похожа на тогдашнюю или теперешнюю культурную физиономию России: и там, как тут, господствовали почти нераздельно язык и культура главного хозяина; и там, как тут, совершенно или почти совершенно забыли о существовании других народностей.

В этой обстановке началось пробуждение австрийского еврейства. Выйдя из гетто, сняв халаты, подрезав пейсы, его передовые сыны осмотрелись вокруг и увидели, что все приличное общество говорит по-немецки. Они тоже заговорили по-немецки; это им далось даже легче, благодаря жаргону, чем соседям. В Праге, во Львове, в Будапеште евреи начали считать себя немцами, были очень довольны таким повышением в чине и думали, что на этом можно и успокоиться.

Но вот они стали замечать, что, например, в г. Праге начинает твориться что-то странное. Какие-то ориги-

налы вдруг затеяли говорить по-мужицки, и не только у себя дома, но и на улице, и в театре, да нарочно так, чтобы все слышали. Сначала это смешно, потом начинает раздражать. Тем более, что эти оригиналы выдвигают еще в придачу какие-то претензии. – Мы, чехи, в этом крае большинство, – заявляют они, – а потому Прага должна быть наша в судах и школах и даже в университете должен господствовать наш язык, а немецкому достаточно места в Вене. – Слыша такие вздорные речи, немцы пожимают плечами: как смеют мечтать о таких вещах эти санкюлоты, у которых даже литературы еще нет? А они отвечают: у нас есть Ганка, Палацкий, Краледворская рукопись; начало есть, а продолжение будет. Немцы сначала отшучивались, а потом стали сердиться и отвечать возгласом: долой чехов!

И тут евреи попали в щекотливое положение. Раз они записались в немцы, то надо было показать себя хорошими немцами. А так как еще к тому же настоящие немцы немного косились на них и не вполне им еще доверяли, то надо было особенно постараться – так сказать, перекричать самого заправского немца. Кроме того, их и в самом деле раздражали претензии некультурного чеха. Как так? Значит, в Праге будет, например, в городском театре не немецкая, а чешская драма? В обществе придется вести светский

разговор не по-немецки, а по-чешски? Этим бедным людям с таким трудом дался немецкий язык, столько пришлось попотеть над устранением предательского акцента – и что же, все это насмарку? Начинать сначала учиться по-новому? Нет, не бывать тому! И вот, наравне с немцами и еще громче немцев начали евреи подпевать: долой чехов! Прага «наша», немецкая!

Но чехи не испугались ни немцев, ни евреев. Шаг за шагом, день за днем, напозлали из деревни в Прагу чешские муравьи, постепенно проникали во все щели и по крохам строили свою культуру. У них появились газеты, книжки, потом книги, потом целая литература, потом гимназия, потом университет. И вдруг, в один прекрасный день немцы Моисеева закона не узнали своей Праги. От немецкого всевластия остались одни огрызки. В городской думе ни одного немца, на улицах и в театре чешская речь, придешь в магазин – не желают тебе отвечать по-немецки, а если ты сам купец – изволь говорить с покупателем по-чешски, а то наденет шапку и уйдет в соседнюю лавку – к чеху. А в газетах, даже самых либеральных, очень недвусмысленно пишут, что евреям следовало бы поостеречься насчет немецкого рвения, потому что, ежели немцам мы его прощаем, то уж евреям не простим. И... евреи начали понемножку переписываться из немцев в чехи. Появились чехи Моисеева закона. Сначала мало,

потом больше, а теперь большинство. Но так как настоящие чехи кричат: «долой немцев», а еврей старается быть совсем как настоящий чех и даже еще лучше, то дети или младшие братья тех, что кричали когда то «долой чехов!» – тоже кричат вместе с новыми хозяевами: «Долой немца!»

То же самое было в Галиции. Известно, до какого раболепства дошел теперь на польской службе галицийский ассимилятор, знаменитый «Мошко». Он и туда, он и сюда, он за «польщизну» душу готов положить, он за польскую культуру согласен раздавить и русин, и евреев, а уж немцев, притесняющих «его братьев» в Познани, он ненавидит выше всякой меры. Но хотите знать историю этого польского энтузиазма? Ярким образчиком ее был покойный депутат Эмиль Бык, член польского коло и ярый полонизатор, умерший в 1906 г. Не далее, как в 1873 г. он еще состоял всей душой в немцах, разъезжал по Галиции и агитировал, чтобы все евреи записались в немецкую партию. Но потом, хорошенько осмотревшись и увидев, куда ветер дует, он «перестал быть» немцем и «сделался» поляком с той же легкостью, с какой человек из маклера становится сватом, и с тех пор не было у поляков в Галиции более верного лакея и у немцев более грозного врага. И эту эволюцию проделало все старшее поколение ассимиляторов. Когда-то они со-

стояли в немцах и ворчали на поляков: теперь они состоят в поляках и стараются делать все так, как делают настоящие поляки. Но настоящие поляки боятся теперь в Галиции не немца, а нового врага. На сцену все решительнее выдвигается новый претендент: русины. Их в Галиции 3 миллиона, а в восточной половине они составляют огромное большинство; Львов лежит в Восточной Галиции, а потому они заявляют на него самые категорические притязания. Это не Лемберг, говорят они, и не Львув, а Львив, столица австрийской Украины: город этот должен быть наш, в судах, в участке, в университете должен господствовать украинский язык, а для польского довольно места и в Кракове. Иными словами, повторяется история с Прагой... И духовные братья Эмиля Быка, с недалёковидностью, типичной для всех ренегатов, во все горло подхватывают лозунг «долгой гайдамаков!» – забывая, что через 30 лет эти «гайдамаки» неизбежно будут полными господами Восточной Галиции... Впрочем, что за беда? Мошко тогда перевернется в третью национальность.

Я теперь не спорю о том, хорошо это или дурно с нравственной точки зрения. Настаиваю только на одном: это факты, и эти факты неопровержимо доказывают одно: когда еврей воспринимает чужую культуру, превращается в немца, чеха или поляка, то каков

бы ни был его энтузиазм, нельзя полагаться на глубину и прочность этого превращения. Ассимилированный еврей не выдерживает первого натиска, отдает «воспринятую» культуру без всякого сопротивления, как только убедится, что ее господство прошло и хозяйское место переходит в другие руки. Он не может служить опорой для этой культуры: с каким бы он пылом о ней ни говорил, неглубокость и непрочность корней, которыми она связана с его душой, обнаруживается при первом серьезном испытании. К этому выводу приходят все авторитетные наблюдатели национальных отношений, самые серьезные, самые спокойные, как проф. Раухберг в своем капитальном труде о Богемии, как М. Hainisch в своей обстоятельной статистико-экономической монографии о перспективах австрийского развития. И даже социал-демократ Шпрингер, говоря о венгерских евреях, которые тоже 60 лет тому назад «были немцами», а теперь на каждом шагу поют гимны «нашей мадьярской культуре», – ставит им уничтожающий прогноз: «Они останутся мадьярами, покуда венгерским государством правят мадьяры, – ни минуты дольше». Но настоящие мадьяры, и потеряв владычество над инородцами, все же останутся мадьярами – и в этом, а не в шуме скажется различие между мадьярами первого и второго сорта...

Всем тем из стана ассимиляторов, которые не утратили еще прямого взгляда на вещи и самостоятельности мышления, я задаю вопрос: где доказательство, что здешние евреи сделаны из лучшей глины, чем евреи Будапешта, Лемберга, Праги? Те ведь тоже не были сознательными лицемерами, субъективно они были искренни и тогда, когда обожали все немецкое, и теперь, когда обожают чешскую или мадьярскую культуру. Следовательно, дело не в субъективном энтузиазме, который вовсе не доказывает глубины чувства, а дело в каких-то объективных моментах, которые создают действительную, кровную связь между человеком и его культурой, рожденной его предками и его братьями из его национальной души. У евреев ближнего запада этих моментов при испытании не оказалось. Почему мы забываем о том, что и нам, по-видимому, грозит точно такое же испытание? Главная масса евреев живет среди украинцев, поляков, белоруссов, литовцев: эти народы начинают теперь подымать головы так же точно, как 60 лет тому назад начали делать это чехи. Это происходит у нас на глазах, пройти мимо этого явления может только близорукий. Надо же иметь нам линию поведения не только на сегодняшний, но и на завтрашний день. Ведь одно из двух: или Россия останется в полицейских тисках, или все эти народности используют политическую свобо-

ду прежде всего для того, чтобы сделать из России большую Австрию: хотим мы этого или не хотим, это будет, и ни Струве, ни мы с вами не «уговорим» ни тридцатимиллионную массу малороссов, ни даже маленький литовский народ. Как же мы определим свою позицию к этому моменту? Какова будет наша роль в этой будущей России, где сто народов вокруг нас будут развиваться самобытно, создавая свои национальные ценности на своих языках? Останемся ли мы тогда в роли, на которую намеки есть уже и теперь – в роли единственных носителей руссификации на окраинах? Или пойдём по пути австрийских ассимиляторов, меняя национальность при каждом перемещении политических сил? Или, быть может, выберем третью дорогу, предоставим русским быть русскими, полякам поляками, а сами воздвигнем свои маяки?

Я прекрасно понимаю, что «ассимилятор» есть, чаще всего, продукт ассимиляции, и переделать себя он в известном возрасте уже не может. Он привык жить русской культурой, ему другая недоступна, и ему некуда уйти. Не обречь же себя на духовный голод. Это я понимаю. От каждого отдельного человека нельзя требовать личных жертв, да ещё таких длительных, на всю жизнь. Речь идет пока не о личном поведении того или иного еврейского интеллигента.

Речь идет о политической ориентации. Мы не толь-

ко лично живем, но мы и прокладываем линии для будущего. Если мы попали в тупик и известной части нашего поколения уже нет из него выхода, то ведь остается долг – направить завтрашние поколения по другой колее.

Созидание национальной культуры, борьба за ее гегемонию в еврейской душе – это задача и для того из нас, кому лично уже не суждено пить из ее родников. Пусть он строит для своего сына, пусть чертит план жизни для более счастливых. И главное, пусть громко признает, что его путь был ложный путь, и станет на пороге западни, куда сам попал, – станет на пороге, не пуская других.

1912 г.

Антисемитизм в Советской России

Видный русский социалист-революционер, бывший морской министр в правительстве Керенского Вл. Лебедев несколько месяцев тому назад нелегально побывал в Сов. России; благополучно вернувшись из своей рискованной поездки, он в «Воле России» делится впечатлениями о виденном и слышанном. Специальный очерк посвящает Вл. Лебедев антисемитизму в Сов. России. Вдумчивый наблюдатель, безукоризненный в своем отношении к еврейству, Вл. Лебедев зарисовывает характерные картинки обывательского антисемитизма.

«На рабочем собрании, в ожидании докладчика по китайскому вопросу:

– Слышали, слышали?

– Что слышали?

– В Палестине-то...

– Что?

– Как что? Не читали разве?... Погром, батенька! Самый настоящий погром. Арабы евреев бьют. Это тебе не Москва...

Помолчав немного:

– Дураки сионисты, а еще евреи! – поверили на слово... И кому? – англичанам...

– Да, это тебе не Москва...»

Что звучало в диалоге совслужащих? Торжество ли по поводу погрома евреев? Или удовлетворение? Ведь бьют сионистов. Гордость ли оттого, что в Москве погрома быть не может? Или сожаление о том, что Палестина не в Москве?

Коротенький диалог был богат, насыщен тонами. Как понять эти тона, ударения, музыку диалога? В нем умещалось целое исследование на жгучую тему.

Истинный смысл музыки был понятен только себе-себе. Радость или сожаление?

Или вот другая сценка.

«Сидит в «пивнушке» полупьяный прогоревший «частник», заказывает гармонисту то «Интернационал», то фокстрот, то комаринского, то, наконец, популярные «Бублички». Когда дошла очередь до пресловутого куплета: «И в ночь ненастную меня несчастную, торговку частную, ты пожалей...» – пьяный требовал, чтобы гармонист пел его в иной вариации: «Меня несчастного, торговца частного...»

– Говорят тебе, торговца частного. Ну, какая я торговка? Доказывать тебе, что ли?...

– Бывший частник, – шепнул мне приятель.

– Разорили, жида проклятые, – промолвил частник, когда замолкли последние звуки собранной гармонии.

Промолвил и оглянулся...»

Источники этой злобы многочисленны. В Москве до 200 000 евреев, все пришлый элемент. А возьмите, говорил Лебедеву его приятель, телефонную книжку и посмотрите, сколько в ней Певзнеров, Левиных, Рабиновичей и прочих, как говорят советские антисемиты, гишпанских фамилий. Телефон – это свидетельство: или достатка, или хорошего служебного положения. Списки служащих наркоминдела, внешторга, ВСНХ, управлений трестов, пестрят еврейскими фамилиями. Конечно, евреи переполнили также и Соловецкие острова, сибирскую и другие ссылки и дома заключения, но этого население не видит. Как не видит оно вымирающих ремесленников – евреев белорусских и украинских местечек. Печать старательно замалчивает бедственное положение евреев в бывшей черте оседлости. Москвич понятия даже не имеет о том, что еврею вообще живется так же плохо, как и всем остальным.

В Ленинграде зоркий глаз Вл. Лебедева замечает другие «мелочи», бьющие по нервам русского обывателя: переименование улиц именами покойных большевистских вождей еврейского происхождения.

«Урицкий, Володарский, Нахимсон... Три имени сопровождают вас в Петербурге повсюду. Они нагло лезут в глаза. Они назойливо звучат в ушах. Урицкий, Володарский, Нахимсон... Три ничтожества!

И надо же им было родиться евреями...

Вы на изумительнейшей площади города, перед Зимним дворцом, и площадь эта – площадь Урицкого.

Таврический дворец – какая страница истории! – дворец Урицкого.

Таврический сад – сад Урицкого...

Лигово – Урицкое...

Литейный проспект – проспект Володарского...

Шестая часть столицы – район Володарского!

Смоленское, за Александро-Невской Лаврой, – село Володарское...

Сергеево – Володарское...

Шлиссельбургское шоссе – проспект села Володарского... И неподалеку от Александро-Невской Лавры, у Невской заставы, бронзовый Володарский-оратор произносит речь... Здесь он был «убит социалистами революционерами».

Владимирский проспект – проспект Нахимсона...

Владимирская площадь – площадь Нахимсона... И собор Владимирской Богоматери – собор Нахимсона, – так острят ленинградцы».

Теперь их имена только – «бациллтрегеры». Бациллтрегеры – носители бацилл бытового большевистского антисемитизма. Урицкий, Володарский, Нахимсон...

И все же собеседники Вл. Лебедева не верят в ев-

рейские погромы при перемене политического строя России:

«– А громить не будут, Иван Яковлевич? – спросил я.

– Что вы, Семен Лукич, что вы... Мы и в царское время боролись против погрома и черной сотни. А кому же их теперь громить? И зачем? То все – прошлое.

– И я так думаю, Иван Яковлевич. Навеки прошлое».

1923 г.

Черная сотня

Еврейская печать, насколько я знаю, считает долгом относиться к большевикам с великой осторожностью. Их очень редко порицают; и даже когда порицают, то не во весь голос, а – как сказано в былине про Соловья Разбойника – в полсвиста. Причины тому разные: во-первых – корректное отношение советской власти к равноправию евреев; а также страх, что если большевики рассердятся, то выместят это на единомышленниках, или на родственниках, или на однофамильцах пишущего; а также некоторое уважение к партии, которая, как-никак, стоит за права трудовой бедноты.

Я этого отношения к большевикам не разделяю. За признание равноправности граждан независимо от веры и племени никакой благодарности не полагается, как не полагается ее за проведение телефонов, за поливку улиц и вообще за употребление носового платка. – То, что большевики на каждого еврея в России, особенно на каждого сиониста, смотрят как на заложника и вымещают на нем свою злобу, как только их кто-нибудь обидит за рубежом, – это, повидимому, правда. Но есть старая истина: поддаваться вымогательству значит поощрять вымогательство: если хо-

тите отбить у шантажиста охоту к его ремеслу, лучшее средство – послать его сами знаете куда. Сентиментальные люди на это не решаются: сердце болит за однофамильцев, которые без вины пострададут. Я не сентиментален: опыт и арифметика доказывают, что невинных жертв накопится, в конце концов, гораздо больше, если дать укрепиться шантажу; и сердце мое, как ни стыдно в этом признаться, считается с арифметикой.

Еще меньше действует на вашего покорного слугу третий довод: «все-таки это партия, стоящая за некую социальную правду». Каждая партия стоит за некую – в ее глазах – социальную правду. Дело не в идеалах, а в программе действия. Я имел честь вырасти и воспитаться в традициях и русского, и еврейского освободительного движения девяностых и девятисотых годов. Мы стояли за свободу печати, слова, союзов и собраний; за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право; за равенство граждан без различия происхождения не только национального, но и классового. Все это было в наших глазах свято; в моих осталось свято и по сей день. Власть, которая не признает этих принципов, есть власть реакционная, черная сотня, какие бы у нее там ни были идеалы. В искоренении этой черной сотни я не обязан активно участвовать по той же причине, почему не вмешиваюсь в

дела Мексики: мое «отечество» не там. Но искоренению этому, когда оно произойдет, буду очень рад, и буду считать его большим шагом вперед по пути прогресса политического и социального. А пока, в ожидании этого события, могу говорить о большевиках не только без благоговения, но и просто без уважения.

Поэтому спокойно сел писать эту заметку, хотя я в советских делах не начетчик. Знаю о том, что делается в России, главным образом по рассказам людей, оттуда спасшихся: правда, таких людей я перевидал много. Чтобы серьезно трактовать вопрос, этого мало; но я решительно не вижу, почему черную сотню обязательно полагается трактовать серьезно. Мера моего интереса к этой партии вполне исчерпывается формой фельетона.

От М. А. Осоргина я слышал раз меткое слово: «С 1905 года в России ничего замечательного не произошло». Это не только парадокс: в этой фразе есть существенная правда. Конечно, в России за последнее десятилетие произошло много больших и трагических событий. Но все эти события были копией таких же событий, происходивших уже много раз в других странах. Ничего по существу нового, никакого урока миру – вроде того, чем был 1789 год, – в этих происшествиях не было, и потому в высшем, «делающем эпоху» смысле ничего «замечательного» не слу-

чилось. Но большевики уверяют, что нечто новое произошло, а именно: не только переход политической власти в другие руки, но и заложение нового социального строя. А их противники утверждают, что это неправда, что по существу никаких признаков нового социального строя нет; внесен только беспорядок в старый социальный строй, что уже не раз бывало на свете, – а «замечательного» ничего не произошло. В этом споре я – насколько могу судить по моим скудным источникам – присоединяюсь к последнему мнению: в России произошла большая конфискация имущества, но социальной революции никакой не было.

Конечно, мои источники скудны. Но все-таки не советовал бы их недооценивать. Не проходит месяца, чтобы мы здесь не встречались с людьми, только что вырвавшимися из России. По большей части это люди нормальные, средней толковости и средней наблюдательности. Я бы даже не назвал их настроение одно-сторонним: напротив, они любят и похвалить большевиков – например, за хороший (особенно в столицах) полицейский порядок, и вообще за административную расторопность. Конечно, они все жалуются на политический гнет – но тут я их сам сейчас же останавливаю, ибо эта сторона дела всем известна, и большевики ее сами не оспаривают. Задаю же я этим собеседникам всегда одни и те же вопросы: о чертах со-

циального строя. Есть ли хотя бы зародыши, хотя бы проблески такого производства, которое можно было бы – без риторики – назвать социалистическим?

Мне скажут: вы ломитесь в открытую дверь, ответ заранее ясен – большевики сами признали, что социализма пока нет, сами создали нэп и неонэп, сами говорят о государственном капитализме. – Но беда та, что из ответов моих собеседников получается всегда картина, непохожая даже на «государственный» капитализм. Она гораздо больше похожа просто на капитализм, только на очень старинный – на первую, средневековую эпоху зарождения буржуазного государства, когда власть и хотела, и боялась развития частного предпринимательства; одной рукой поощряла промышленника, а другой грабила его, как только он немного обрстет шерсткой. Вот общее впечатление от скопившихся у меня в памяти свидетельских показаний. «Государственный» контроль национализированных предприятий – поскольку они взаправду нечто производят – все больше сбивает на фикцию. Действительный характер носит он только в тех отраслях, с которыми справлялась и старая власть – например, железные дороги. На фабриках и заводах «государство» – такая же комедия, как (цитирую одного из собеседников) «сюзеренитет турецкого султана в Египте при английской оккупации». Исключений ма-

ло, и с каждым годом становится меньше. Предприятия, поскольку они действительно живут, живут и движутся личным интересом предпринимателя. Новые предприятия возникают почти исключительно на капиталистической основе, под очень прозрачной маской словесной «государственности». То же самое, и еще ярче, во внутренней торговле. То же самое, с неудержимой «наглостью», начинает проступать наружу и в последней, бронированной отрасли – во внешней торговле. Есть богатые?

Есть, – «только они стараются не покупать дорогой мебели, чтобы не бросаться в глаза» (типичная черта из истории средневековой буржуазии). Есть нищие? Конечно, есть. Есть ли бытовое понятие «барин» и «простонародье»? Конечно, есть. Как относится – вне политической жизни – «простонародье» к «барину»? Снизу вверх, «как при царе Горохе». И т. д.

Очень трудно допустить, чтобы все эти десятки очевидцев проглядели главное и, наоборот, подметили то, чего нет. Я старый журналист; знаю по опыту, что десять очевидцев, если их толком выпросить, дадут гораздо более верную картину, чем триста газетных вырезок – особенно вырезок из поднадзорной печати, с которой считаться вообще нельзя. Но еще характернее ответов и рассказов был для меня самый облик, самый тип этих выходцев из советской России.

Конечно, все это «бывшая» буржуазия – и любопытно, что она осталась буржуазией в полном смысле этого слова. Те же вкусы, те же мысли, те же привычки, те же интересы, что были и раньше. Чувствуется, конечно, что люди вырвались из страны, где опасно было сказать слово или даже «купить мебель»; но чтобы люди приехали из страны, где жизнь пропитана другой социальной атмосферой, – этого совершенно не чувствуется. Более того: я видел, ясный отпечаток новой социальной среды на еврейской молодежи, прожившей 3–5 лет в Палестине; здесь, во Франции, на каждом шагу встречаешь русских беженцев, особенно из христиан, которые внутренне разбуржуазились – не в смысле убеждений, а в смысле психологии. Ибо эти люди действительно прожили несколько лет в обстановке пролетарского быта. Из России каждый день приезжают люди – кто навсегда, а кто и на время, – которые явно и несомненно до вчерашнего дня жили там в типично буржуазной бытовой обстановке. И они – особенно те, которые собираются ехать обратно – успокоительно клянутся, что этот буржуазный быт все больше консолидируется.

Еще любопытнее их дети. Я встречал молодежь 18–20 лет, значит такую, почти вся сознательная жизнь которой прошла в советской атмосфере. Но единственная существенная разница между этой мо-

лодежью и тою, какая была в России до войны, – это то, что теперешние еще слабее знакомы с гимназическим курсом. Вкусы, мысли, мечты, интересы у них те же, что были, типично буржуазные; особенно, по моим наблюдениям, у девушек – и гораздо правильнее было бы сказать о них: у барышень. Иногда эти барышни или их братья сообщают вам: «А вот кузен у нас большевик». В самом тоне сообщения чувствуется, что это редкость, нечто незаурядное: вроде как в наше время говорил нам почтенный портной, не то с гордостью, не то с недоумением: «Третий сын у меня пошел совсем в сторону – он в рисовальном училище».

Один заграничный почитатель советской власти, когда я это ему сказал, возразил мне, что «по дезертирам нельзя судить о духе армии, из которой они бежали». Он даже прибавил, что эта цитата из какой-то моей старой статьи. Возможно. Но ведь я этих беглецов и не расспрашивал о «духе», какой царит среди самих большевиков: и если они бы стали божиться, что дух этот идет на убыль, я бы сам усомнился в их компетентности. Когда приходилось на иорданском фронте допрашивать турецких дезертиров, мы их никогда не расспрашивали о «духе войск», а расспрашивали о фактах: как кормят, как обращаются? Но чаще всего не приходилось и спрашивать, ибо ответ был сам собой ясен: дезертиры были отощавшие, бросались на

похлебку с жадностью, платье в лохмотьях, и у некоторых были выбиты передние зубы. Беженец приносит с собой атмосферу. В данном случае тоже.

Повторяю: это не трактат о большевизме, а фельетон о впечатлениях не особенно заинтересованного чужака. Но впечатление мое настолько ярко, что я готов стоять за него горю. «Ничего замечательного не произошло». Даже государственного социализма на деле никакого нет. Поскольку Россия работает, она работает фактически на старых началах. Советская Россия есть такая же буржуазная страна, какой была Россия до 1917 года: страна с буржуазным характером производства торговли и быта, но под управлением олигархии – как прежде. Разница только в том, что буржуазный характер хозяйства еще не легализован, и поэтому нажившихся купцов официально грабят (это делалось в Моравии в XVI веке, а в Марокко еще недавно, до прихода французов), а заграничная торговля разрешается только на началах монополии (это было и в Европе 400 лет тому назад). Все остальное, по-видимому, риторика.

Отмечаю эти выводы без удовольствия. Существующий социальный строй не вызывает у меня никакого энтузиазма; за сохранение его я бы пальцем о палец не ударил; а разделение людей на бар и простецов мне и совсем ненавистно. Но мне никогда не вери-

лось, чтобы переворот во всех этих отношений можно было осуществить насильственно, при помощи черносотенных приемов действия. Так и оказалось, и полезно будет людям заучить этот урок наизусть.

Что касается до «духа», то тут автор сих строк даже для фельетона некомпетентен. Но одно должен сказать: вот уже больше года, как чувствуется на верхах коммунистической партии некая «мобилизация православных». В прошлом году неудобным оказался г. Троцкий; в этом году – г. г. Зиновьев, Каменев, Сокольников. Все евреи. Конечно, можно «утешаться» тем, что среди гонителей г. Троцкого главную роль играли те же г. г. Каменев и Зиновьев, а теперь на скамье подсудимых сидит и православная г-жа Крупская. Но эти мелочи не меняют основного тона событий: как только большой скандал и отлучение – главным отлученным оказывается еврей. Во главе ортодоксов теперь уже явно стоят православные – г. Бухарин, г. Сталин. Очень любопытно. Многие давно предсказывали наступление момента, когда большевизм, движение типично русское, родившееся в мозгу типичного русского сектанта Ленина, начнет освобождаться от своей – в широком смысле – еврейской секции. Похоже на то, что момент наступил. Будем ждать его развития, с улыбкой равнодушного любопытства.

Всего этого я бы не написал в «Рассвете» (что нам

до них за дело?), если бы советская власть сама не лезла из кожи вон, чтобы «заинтересовать» даже такое нейтральное движение, как сионизм. Ссылки сионистов в России продолжаются. Около года тому назад в нашем «Дневнике» высказано было мнение – довольно распространенное, – что виновниками облавы являются не сами большевики, а только их еврейская прислуга из (специальной) еврейской секции. Но приходится пересмотреть это утешение. Прислуга прислугой; но когда хозяевам уже сто раз жаловались на похождения челяди и все-таки поход продолжается, то, по-видимому, не в псаре только дело. Сионистскому обществу, быть может, придется поставить на очередь вопрос об отношении ко всей черной сотне, управляющей ныне Россией. Еврейская секция – мелочь; душат еврейскую молодежь большевики.

1928 г.

Евреи в Европе

Чужие. Очерки одного «счастливого» гетто

Выпуская эти письма о римском гетто, считаю нужным прибавить лишь несколько слов.

Я полагаю, что нет страны, где евреям жилось бы лучше, нежели в Италии. Здесь евреи достигли всего, о чем могут мечтать те из нашего племени, которые видят идеал нашего счастья не в создании самостоятельного нашего государства, а в полном равноправии на чужой земле. Итальянские евреи пользуются самым полным, самым идеальным равноправием.

Я попытался изучить это равноправие и счастливое гетто. Я думаю, что сделал это совершенно беспристрастно, не стараясь исказить правду ради предвзятых поводов; если бы я нашел, что тамошние евреи действительно счастливы в своей свободе, я бы заявил об этом совершенно открыто, ибо полагаю, что и без 40 тысяч итальянских евреев можно устроить еврейское государство в Палестине.

не.

Но, взглядываясь беспристрастно, я убедился, что тамошние евреи все-таки глубоко и мучительно сознают себя чужими среди чужого коренного населения. Поэтому я посвящаю свои очерки римского «счастливого» гетто «недрузгам сиона», зовущим нас к ассимиляции, и говорю им:

– Вот ваш идеал. Полюбуйтесь!

Собственно говоря, гетто уже не существует: оно снесено. До 1870 года это был целый городок у самого берега Тибра: грязный, зловонный, весь перепутанный узенькими извилистыми переулками, где толстому человеку трудно было пройти. Вступивши в Рим, итальянцы занялись его чисткой, потому что весь он был в грязи и пахуч, и прежде всего снесли гетто, хуже которого действительно не было места во всем городе. Теперь там, где был еврейский городок, осталась огромная невымощенная площадь, совершенно пустая. Только в одном углу ее достраивают новую синагогу, а в другом всегда, особенно под вечер, кишит и галдит еврейская беднота вокруг лотков с арбузами и жаровен с каштанами.

Однако и теперь еще можно составить себе понятие о том, что такое было старое, настоящее гетто. Для этого достаточно пройти по улицам, соеди-

няющим пустую площадь и центр города. Эти улицы несколько шире старых: одному толстому человеку здесь легко пройти, но двум все-таки трудно. Стены домов высокие, старые, точно насквозь чем-то пропоявшиеся. В стенах густо прорезаны лавочки, похожие на пещеры, и двери с узенькими лестницами, уходящими куда-то вверх. В замке св. Ангела я видел келью, где была заточена отцеубийца Беатриче Ченчи, и другую, где сидел волшебник Калиостро, и маленький каменный мешок, в который бросили еретика Джордано Бруно: в этой страшной тюрьме тоже узенькие и крутые лестницы. Но лесенки гетто уже, круче и темнее тех.

Солнце здесь не гостит: внуки гетто сами ходят к нему в гости на площадь. Но у их отцов не было этой площади, а была только густая путаница темных тропинок среди темных просырелых стен, и поэтому у нынешних детей на лице написано, что они выродки многих поколений, лишенных солнца. У этих людей, особенно у ребятишек, землистые, худосочные лица в веснушках; они часто до иллюзии похожи на тех зеленоватых еврейчиков из Литвы, которые приезжают в Одессу сдавать экзамен за шесть классов, и на их отцов. На их отцов особенно, потому что и здесь они промышляют тою же национальной индустрией – ходят по улицам и кричат хриплыми голосами:

– Robbi vecchi! Старые вещи!

Они же разносят маслину, они же продают на улице гребенки и запонки, дешевые платочки, галстуки и воротнички; они же ночью собирают по улицам тряпки и окурки сигар, и, в довершение сходства, римляне дали им прозвище «mordegá», и в гетто мне объяснили, что это есть не что иное, как оскверненное имя Мордехай. Совсем как в России:

– Эй, как тебя, Мордко! Поди-ка сюда, покажи свои товары! Я был несколько раз у них в синагоге (scuola) – не в новой, которая еще достраивается, а в старой, или, вернее, в старых, потому что их пять. Я видел две. Первую они называют minhag kastiliani, вторую minhag italki. Они делятся на две секты, вернее, на два толка (minhag) – итальянский и испанский. Разница, кажется, та, что «итальянцы» короче молятся. В верхней «школе» я слышал субботнее богослужение, с органом и невидимым хором, как в костелах. Женщины сидели между мужчинами: я подумал было, что это уступка духу времени, но потом узнал, что в старой «школе» хоры, отведенные для дам, слишком тесны, зато в новой синагоге овец отделят от козлиц.

Нижнюю школу, испанскую, мне показали днем. Она так же мала, как «итальянская», но гораздо красивее – потому, вероятно, что древнее: верхнюю недавно перестроили после пожара, а нижняя сохра-

нена без перемен, кажется, с самого XVI века.

Сакристан (шамаш), худосочный человечек с бородкой, и красивая полная молодая женщина с ребенком на руках и с толстыми кольцами на пальцах водили меня от колонны к колонне и объясняли достопримечательности.

– Как ваше имя? – спросил я у женщины.

– Арманда.

– Вы еврейка?

– Да, – сказала она и тотчас же, по обычаю римлян, прибавила сентенцию: – Кто в какой вере родился, той и должен следовать.

– Э! – вставил сакристан, – а то как же? Иегуди родился и иегуди живи.

– А вы сионист? – спросил я.

Он наморщил лоб и стал припоминать.

– Ах, да, вспомнил... Это в Триесте, кажется, есть такой кружок: они хотят завоевать Джерузалемме?

Женщина сказала решительно:

– Я никуда не поеду. Нигде нет города лучше Рима! – И прибавила сентенцию: – Я в Риме родилась и в Риме хочу умереть...

Выйдя из гетто, я задумался об этой женщине, которая родилась в Риме и в Риме хочет умереть.

Они здесь в Италии все таковы.

Я шел однажды с приятелем по улице, было около

полудня, и несколько старьевщиков, усевшись на ступенях церкви, завтракали какою-то дрянью.

– Знаешь, – сказал я приятелю, – видно все-таки по лицу, что это не итальянцы.

Мой спутник, природный итальянец и католик, посмотрел на меня вопросительно: он не понял.

– То есть как не итальянцы? – переспросил он. – А кто же они такие, по-твоему?

– Евреи.

– Так что же из того? Есть итальянцы-лютеране и методисты, и мало ли еще каких исповеданий, но они все итальянцы.

– Но разве евреи одного с вами племени?

Тогда он понял и ответил:

– В таком случае ты хотел, верно, сказать, что они не латинской крови. Это верно: не латины, но итальянцы.

Я встретил этот взгляд у всех, с кем мне здесь приходилось говорить о евреях, – и у самих евреев, и у коренных итальянцев. Они совершенно вычеркнули национальный момент из понятия «израэлит».

Только пятьдесят лет тому назад все это было иначе, по крайней мере, в Риме. Гетто на ночь запирали на цепь, и евреи не смели выходить оттуда до утра. Однажды – правда, уже давно, – когда в городе началась чума, гетто заперли на целый месяц и никого

не выпускали, чтобы чума в этом очаге заразы могла насытиться и сама собою прекратиться. На масляной евреев заставляли бежать вперегонки по Корсо, с голыми ногами и с мешком на голове. Еще в первой четверти века жил здесь маркиз дель-Грилло, который в травле евреев был виртуозом: легенда рассказывает, что когда папа запретил маркизу мучить бедных *mordegb*, тот выпросил себе позволение хоть пошвырять во врагов Христовых «фруктами»; папа разрешил, и маркиз выбрал – сосновые шишки.

Теперь все это переменялось. Теперь здесь возможен военный министр, генерал Отголенги – еврей; бывший министр финансов Воллембург – еврей; Сонино, предводитель консерваторов, который уже раз был президентом кабинета министров и, кажется, еще будет – еврей; Луиджи Луццатти, нынешний министр-казначей, влиятельный советчик короля, один из главных виновников нынешнего сближения между Францией и Италией – еврей; кавалер Мальвано, главный директор министерства иностранных дел и настоящий глава иностранной политики Италии при всех сменах министерств – еврей; среди судей, профессоров, сановников всякого рода, сенаторов и депутатов сплошь и рядом евреи; даже великий магистр итальянского масонства, синьор Натан – еврей.

Перемена огромная, что и говорить.

Итальянские евреи, впрочем, не задаром получили все это. Среди рук, построивших единую Италию, было очень много еврейских рук. Много евреев билось и полегло за независимость Италии. Но эта перемена в положении, хотя и нелегко заработанная, все-таки слишком громадна, чтобы не оказывать влияния на мировоззрение современного итальянского еврея. Он ассимилировался, до того ассимилировался, что даже и споры об ассимиляции здесь уже неуместны, среди этих людей с фамилиями вроде Della Seta, Piperno, Volterra, и только редко-редко Леви или Коэн.

Начните с простонародья: оно говорит на диалекте того города, где живет, без всякого акцента, хотя с особенной интонацией; оно, кроме религии, ни в чем как будто не видит разницы между собой и коренным населением; оно даже божится по-ихнему: *per la Madonna* [Клянусь Мадонной!]

И дойдите до верхушек интеллигенции, которая пишет книги и разглагольствует в парламенте: это националисты, сознательные и завзятые националисты, но итальянские. Депутат Барцилаи, родом из Триеста, – пламенный «ирредентист»: он хочет присоединить к Италии Триент и Триест; он восклицает: «мои бедные братья, поработанные австрийцами, ждут и надеются, что наша великая общая родина Италия вспомнит, наконец, о нас, о своих детях!»... Журна-

лист Примо Леви пишет под псевдонимом «L'italico» и говорит о сионизме так: кому угодно, пускай хлопочет о возрождении Израиля, но я лично потому только и рад своему еврейскому происхождению, что наша раса особенно склонна к патриотическим чувствам, так что в качестве еврея я особенно сильно чувствую себя итальянцем!

Силлогизм довольно замысловатый и даже... талмудический: видно, что этот итальянец – все-таки еврей...

Собственно говоря, все это очень понятно. Антисемитизма в Италии нет, *Judennot'a* [безвыходного положения евреев] нет, еврей признан гражданином не только на бумаге, но и *de facto*, на каждом шагу; дорога свободна, и если есть голова на плечах, то можно добраться куда угодно.

Правда, в стену старой синагоги вделан черный камень с библейской надписью:

«Если забуду тебя, Иерусалим, да отсохнет десница моя...»

Но камень был вделан давно, и с тех пор утекло столько воды; Иерусалим далеко, а чечевичная похlebка тут, перед носом. Нельзя винить людей, если они после долгого мучительного голода ради вкусной чечевичной похlebки поддались *diminution capitis* [умаление личности], отреклись от своей гордости.

Я их не виню. В конце концов, только среди тех, кому горько живется, и можно вербовать сторонников для какого бы то ни было движения. Никогда еще не бывало, чтобы войско идеи состояло из тех, кому живется хорошо.

Их нельзя винить, но, глядя на них, нельзя не подумать, что все это делает больше чести итальянцам, чем евреям; и нельзя не ощутить тяжелого чувства, видя этих людей, умных, талантливых, влиятельных – и все-таки живущих не своим, но чужим, отраженным самосознанием.

Так, верно, тяжело смотреть на ручного сокола, перед которым распахнули все окна, а он, дрессированный, сидит у себя на полочке и демонстративно воротит головку от окна, от родного неба и леса, точно хочет сказать наблюдающему хозяину:

– Не беспокойся. Я на полочке вырос и на полочке хочу умереть...

Один знакомый адвокат-еврей предложил познакомиться меня со здешним сионистом – почти единственным.

– А как вы думаете, – спросил я, – возможно в Риме крупное сионистское движение?...

– Гм... Как знать. Во всяком случает, это не особенно легко. Но для сионизма это имело бы, по-моему, известное моральное значение, если бы римская об-

щина примкнула к движению Исхода: ведь она древнейшая в Европе...

Я про себя подумал, что именно по этой причине и трудно ждать от римской общины присоединения к базельской программе.

Еврейская община в Риме ведет свое начало из самой глубины древности. Все государства Центральной Европы моложе ее. Первые данные о ней относятся к 160 году до Р. Х.

Первые еврейские поселенцы Рима были свободные иммигранты, осевшие в Вечном городе с торговыми и промышленными целями. Впоследствии римские полководцы, возвращаясь из Сирии и Палестины, стали приводить с собою пленных иудеев, которых отдавали римлянам в рабство. Но свободные римские евреи, следуя своему закону, систематически выкупали своих соплеменников из рабства. Таким образом еврейская колония Вечного города пополнялась вольноотпущенными. Внуки этих вольноотпущенников уже считались римскими гражданами, носили оружие и пользовались почти всеми правами коренных *cives romani*, в то же время не встречая никаких препятствий к сохранению своей веры. Еще за полвека до Р. Х. еврейская община пользовалась в Риме влиянием, против которого и тогда уже многие коренные римляне восставали.

Некто Валерий Флакк, управляя одной из малоазиатских провинций, обобрал, между прочим, иудейские храмы. Евреи пожаловались на него в Рим, и Цицерон взял на себя защиту Флакка. В этой речи pro Flacco – гл. 28 – есть такое место:

– Ты, Лелий, нарочно устроил так, чтобы этот суд происходил вблизи квартала, где живут иудеи, ибо ты хорошо знаешь, как они многочисленны, как тесно сплочены между собою и каким влиянием пользуются в народных собраниях.

Нынешние старьевщики гетто – прямые потомки этих обвинителей Флакка. Цезари то гарантировали их неприкосновенность, то воздвигали на них гонения; папы загнали их в гетто, гноили, грабили и истязали, только изредка и не надолго давая им вздохнуть, но они плотно держались друг за друга и продержались две тысячи лет.

Странная и почти невероятная, но несомненная истина: самые чистокровные римляне в настоящее время – это римские евреи. Коренные римляне-латины смешивались и с греками, и с готами, не говоря уже об этрусках и сицилийцах. В каждом из нынешних *roman* de Roma осталось очень мало крови тех, которые считаются его предками. Римским евреям их религия не позволяла смешиваться с иноплеменниками. Иноземные наваждения, много раз изменявшие состав ко-

ренного населения Вечного города, все прошли мимо этой небольшой общины, не посягнув на чистоту ее крови. Только в начале XVI века нахлынули изгнанные испанские евреи. Они смешались с коренными: я уже писал, что разделение на испанскую и итальянскую общины сохранилось до сего дня, но, без сомнения, браки между «испанцами» и коренными римскими евреями происходили всегда свободно. Это – единственная новая струя, введенная в кровь евреев Вечного города. Таким образом, и в их «римской» крови есть неримская примесь, но бесконечно меньшая, чем в крови римлян-латинов, которые скрещивались с иностранцами бесчисленное множество раз и до XVI века, и после. В жилах этих римлян-латинов есть, может быть, и капля еврейской крови. Известно, что в папские времена евреи-выкресты, получая все гражданские права, часто принимали фамилию крестного отца и входили в его семью. И так как выкресты всегда предпочитают крестных отцов из больших шишек и важных птиц, они вступали иногда в дома князей Колонна, князей Орсини, князей Торлониа.

Но еврейская масса, сохранив свою веру, сохранила и чистоту расы, насколько это было возможно. И теперь у этой массы на плечах два тысячелетия, прожитых в этом городе, так сказать, безвыездно. Два тысячелетия – слишком огромный промежуток, чтобы

теперь здешние евреи могли с легким сердцем признать:

– Рим для нас только временное убежище. Наша родина не здесь.

«Временное убежище» и два тысячелетия – это большой парадокс для того, чтобы с ним можно было без борьбы примириться – хотя бы даже под этим парадоксом крылась святая правда...

Мой адвокат привел меня в галантерейную лавку и познакомил с хозяином, синьором Изакко С. Это и был здешний сионист – единственный, но пламенный. Он присутствовал на последнем конгрессе в Базеле.

– Делегатом?

– Нет, для себя. Делегатом? От кого? Разве здесь можно собрать сто шекеледателей? Я, кажется, единственный человек в Риме, который платит шекель.

– Почему же?

– Почему? Да поймите, что мы, здешние евреи, избегаем слова «еврей». С тех пор, как мы из гетто разбрелись по всему городу, мы даже почти незнакомы друг с другом. Нам, прежде всего, необходимо сплотиться. Я говорю им так: «У тебя есть дочь, и ты, конечно, предпочел бы выдать ее за еврея. Но где же ты найдешь этого жениха, если мы, евреи, почти не встречаемся друг с другом?» Мне, может быть, удастся достигнуть некоторого сближения в среде общины,

и это уж будет много.

Я высказал изумление. Неужели та солидарность, которую констатировал еще убийца Катилины и которая 2000 лет верно прослужила цементом римской еврейской общины, могла вдруг за тридцать лет, протекшие со дня эмансипации, исчезнуть и смениться полной отчужденностью?

– Вот пример, – ответил мой собеседник. – У нас есть в Риме ассессор (член управы) Марко Алатри, один из самых популярных муниципальных деятелей в городе. Он – еврей; его отец, Самуэле Алатри, был всегда заступником бедняков гетто перед папами. Марко Алатри тоже добрый человек; если к нему обратится с какой-нибудь просьбой христианин, он сейчас, несмотря на свою старость, обойдет всех сильных мира сего и все устроит и уладит. Но когда к нему обращается еврей, он говорит: «Пойдите, ради Бога, к кому-нибудь другому. Я бы рад вам помочь, но ведь люди скажут: видите, каковы эти евреи? Они всегда друг другу протезируют!»

– Но скажите, – спросил я, – эта преувеличенная боязнь солидарности предполагает в неевреях уже готовое недоброжелательство, подозрительность, которой вы как будто боитесь дать пищу. Где же это недоброжелательство? Я никогда не замечал здесь ни намека на антисемитизм.

– Антисемитизма в Италии нет, – согласился синьор Изакко, но есть все-таки что-то неуловимое и... невыносимое. Есть то, что ваш собеседник – самый образованный и свободомыслящий господин, до сих пор разговаривавший с вами очень мило и задушевно – услышав, что вы еврей, непременно почувствует что-то вроде маленького разочарования, некоторое неприятное впечатление, которое сейчас же исчезнет, но уже навсегда оставит на вас в его глазах особенную, чуть заметную отметину. Есть то, что мне вчера в одной интеллигентной семье не захотели сдать в наем две комнаты, для меня с женою, когда узнали, что меня зовут Изакко такой-то. Отказали очень вежливо, под другим предлогом, но я понял...

Признаюсь, я слышал это в первый раз. Все, что я до сих пор знал о здешней жизни, оставило во мне, напротив, впечатление полного отсутствия антисемитской струнки в итальянском характере. Даже слушая синьора Изакко, я не мог не подумать, что он преувеличивает, что у него в этом отношении болезненно раздраженная чувствительность. Но в то же время мне казалось неоспоримым, что уже одно существование этой преувеличенной чувствительности в здешних евреях, от ассессора Алатри до моего галантерейщика, доказывает присутствие в атмосфере чего-то, может быть, очень легкого, почти незаметного,

но недружелюбного.

Словно угадывая мои мысли, синьор Изакко сказал:

– Это, понимаете, не антисемитизм. Это простой легкий оттенок пренебрежения. Но я уверяю вас, что он невыносим для человека с нервами и самолюбием. Большинство из нас предпочитает закрывать глаза и уверять самих себя, что все идет как следует. Но я лично предпочту, при первой возможности, копать землю в Палестине, в Уганде, где угодно, только бы не жить в этом воздухе пренебрежения.

Тут он замолчал, а я стал невольно копаться в своих собственных здешних воспоминаниях, выбирая из них то, что подходило к его словам. Я вспомнил, что меня на первых порах удивляло, почему здесь почти никогда не произносится слово «еврей», хотя евреи сплошь и рядом занимают здесь важные посты и играют видные роли. Я приписывал это ассимиляции. Но не было ли это скорее желанием евреев нарочно замолчать, запрятать особенность своего происхождения, чтобы не колоть ею глаза итальянцам; не было ли это своего рода системой «ниже тоненькой былиночки надо голову клонить»; не было ли это молчание евреев признаком вовсе не того, что они искренне забыли о своем особенном происхождении, а, напротив, того, что они день и ночь помнят о своем еврействе,

и боятся, и беспокоятся, и не могут отогнать мысли и опасения как-нибудь, не дай Бог, слишком намозолить глаза итальянцам и напомнить им о себе?

И я вспомнил о депутате Сальваторе Барцилаи, который так усердно «старается» на поприще ирредентизма и так охотно говорит о «своих» братьях – об итальянцах Триеста, поработченных Австрией. И в то же время я вспомнил, что Сальваторе – Спаситель – было бы очень странное имя для еврея, если бы под ним не скрывался библейский Иошуа; и что все Иошуа в Италии называют себя Сальваторе, и все Мордехаи – Анжело, и все Хаимы – Вито, и все Шабтаи – Сетти-мио, и все Авраамы – Альфредо.

Я вспомнил все это и не мог не сказать себе, что в этой игре в прятки со стороны людей, которые пользуются всеми правами политической свободы, есть много внутреннего рабства, много трусости, много ренегатства и мало сознания собственного достоинства. И что истинный и разумный друг еврейского народа скорее пожелает ему голодной, но гордой смерти, чем такого непочетного существования рыбы, которую выкинули на сушу и которая старается показать господам хозяевам, что ей очень весело на суше...

Я прожил почти три года в Риме, исходил его по всем закоулкам, познакомился с самыми разнообразными классами населения, знал все городские сплет-

ни, прозвища, остроты и двусмысленности. Но за эти три года мне не случилось узнать римских евреев, потому что они, как таковые, прятались и избегали вслух произносить имя своей народности. Я за эти три года буквально ни разу не встретил слова еbreо ни в печати, ни в разговоре, хотя теперь знаю, что и статьи, которые я читал, были часто написаны евреями, и среди господ, с которыми я беседовал, были евреи. Эти господа усердно старались игнорировать свое происхождение, и ни один из них, зная, что я из России, где живут пять или шесть миллионов их соплеменников, не отважился, хотя бы мимоходом, спросить у меня об их судьбе или быте; и мне оттого не могло придти в голову, что эти люди – евреи, и даже их курчавые волосы и кругло прорезанные глаза как-то проходили мимо моего внимания.

Узнав этот город, привыкнув к тому, что здесь все настежь, все выносится на улицу, обо всем говорится открыто и без жеманной стыдливости, мог ли я после этого вообразить, что тут же рядом есть восемь или десять тысяч людей, которые непременно хотят что-то такое спрятать, замолчать, утопить в забвении, как неприятную или позорную тайну?

По отношению ко мне здешние евреи вполне достигли того, что составляет, очевидно, их идеал: я их не заметил. И для того, чтобы заметить их, мне при-

шлось специально пойти за ними, разыскать их, расспросить, чуть ли не втереться в особое доверие.

Один студент сказал мне:

– Нам неудобно подчеркивать свое происхождение, хотя бы даже для того, чтобы выразить сочувствие нашим единове́рцам, когда их постигнет несчастье.

– Как так?

– Потому что, если мы будем слишком громко заявлять о себе, это легко может вызвать раздражение против нас самих со стороны окружающего населения.

Я внимательно посмотрел на него при этом, ибо мне показалось, что такую эгоистическую, невеликодушную фразу человек молодой и интеллигентный должен произнести с горечью и стыдом. Ничуть не бывало: он говорил очень просто и вразумительно, тем тоном, которым приятно излагать самые естественные и логичные соображения. И он был совершенно прав в том отношении, что говорил вещи, действительно, всем его здешним соплеменникам ясные и понятные, ибо я успел хорошо убедиться, что вся их масса думает и повторяет то же самое. Не он один, но все они сознают и в минуты откровенности говорят:

– Если мы будем громко заявлять о себе, мы рискуем вызвать раздражение.

И они предпочитают не «рисковать».

Но ведь для того, чтобы в здешних евреях до сих пор жила эта боязнь, эта потребность замолчать себя самих, не колоть глаз, для этого нужна почва: что-то такое должно иметься, или, по крайней мере, спать в настроении коренного населения, раз евреи так избегают малейшего шума, который мог бы разбудить. Что же это за таинственное «что-то»?

Я разговорился со знакомым итальянцем о римских евреях и о том, как относится к ним население. Он пожал плечами, говоря об антисемитизме.

– Мы прямо не понимаем этого термина, – сказал он, – для нас это слово лишено смысла. Мы, итальянцы, не антисемиты и не можем стать антисемитами.

Тогда я рассказал ему тот случай, о котором писал выше: как синьору Изакко в интеллигентной семье не пожелали отдать комнату в наем, когда узнали, что его зовут Изакко.

– Это не больше, как странное исключение, – ответил мой собеседник, – и, во всяком случае, даже такие исключения станут немислимыми, как только здешние евреи додумаются до одной простой вещи.

– Именно?

– Расселиться порознь. Большинство их еще живет вокруг старого гетто, и эта сплоченность невольно напоминает населению о том, что они евреи. Рим велик, а их, как вы говорите, здесь восемь тысяч, если бы

они разбрелись по всем кварталам, римляне положительно забыли бы об их существовании. Вот что надо им посоветовать!

Я не стал спорить о том, насколько это средство действительно, потому что меня не то занимало. Мне была интересна его внутренняя, бессознательная точка зрения. Сам римлянин, и хорошо зная римлян, он сказал, очень просто и доброжелательно, что евреям будет житься здесь совсем как дома, едва только римляне окончательно забудут об их еврействе. Это не антисемитизм, но это есть признание того, что, как-никак, а память о еврейском происхождении составляет некоторую помеху к полному братству, то есть, – делая строго логический вывод, – что для римлянина еврей все-таки не брат и становится братом только тогда, когда перестанет в его глазах быть евреем.

Я передал этот разговор нескольким евреям, и они сказали, что это – типичный взгляд итальянца. Я заговаривал об этом с другими итальянцами, и они все тоже повторяли, что для них антисемитизм есть нечто непостижимо странное, и что евреи в Италии могут чувствовать себя неевреями. И все это звучало так логично и доброжелательно, что у меня не осталось сомнений: да, типичный взгляд итальянца именно таков.

Наконец, одному из них я предложил вопрос о том, насколько было основательно опасение того студента:

– Если бы евреи громко заявили о себе как таковых, вызвало ли бы это в вашем населении неудовлетворение?

Он ответил:

– Гм... Приятного впечатления это не произвело бы. Сейчас же возник бы вопрос: чего им еще не достает?

Больше я не стал спрашивать. Я нашел в настроении одной стороны именно то, что вполне соответствовало опасениям другой стороны. Это совпадение ручалось за верность моих наблюдений.

И мне тогда пришло в голову еще одно обстоятельство. Три года тому назад мне случилось встретиться с секретарем здешнего албанского комитета, г-ном Бенничи. Этот албанский комитет не имел, вероятно, ничего общего с кровавыми событиями в Македонии. Дело просто в том, что в Италии живет испокон веку несколько тысяч албанских выходцев. Есть целые албанские деревни в Сицилии и, кажется, в Аbruццах. Все эти албанцы вполне ассимилировались: они католики, учатся в гимназиях и лицеях, выступают адвокатами. Франческо Криспи был итальянский албанец. Я, помню, спросил у г-на Бенничи:

– В чем ваша цель?

– Мы стремимся пробудить в итальянских албанцах национальное самосознание, чтобы они почувствовали себя братьями балканских албанцев, заинтересовались ими и их литературой, занялись разработкой албанского языка, просвещением Албании и, когда настанет время, помогли албанскому народу завоевать автономию.

– Автономию или присоединение к Италии?

– Только автономию. Мы не желаем, чтобы Албанией управляли чужие люди, кто бы они ни были.

Я не следил потом за деятельностью этих комитетов и не знаю, насколько они оказались серьезны и полезны, но это не важно. Важно то, что эти комитеты старались как можно больше шуметь о себе, печатали о себе в газетах, выпускали брошюры. Итальянские албанцы, очевидно, не опасались вызвать раздражение, заявив о себе как таковых. И итальянцы, со своей стороны, не обнаружили никакого неприятного чувства, и я знаю, что албанские комитеты пользовались здесь сочувствием и симпатией. А те же самые действия со стороны евреев произвели бы «неприятное впечатление»...

Сравнение само напрашивается, и вывод ясен.

Вот этот вывод.

В Италии нет антисемитизма, потому что характер итальянского народа не благоприятствует расо-

вой ненависти, а религиозный фанатизм отжил и, вероятно, не воскреснет; и также потому, что в Италии сорок тысяч евреев на 30 миллионов населения, т. е. совершенно незаметный процент, который не может вызвать опасения конкуренции. С другой стороны, евреи неопровержимо доказали свою любовь к Италии, приняв большое участие во всех войнах за независимость, и в патриотизме их, впрочем, здесь никому не приходит в голову сомневаться, тем более, что они сами с утра до вечера божатся и клянутся в нем.

И все-таки, если нет антисемизма, есть «что-то», какое-то неистребимое маленькое зернышко – не вражды, не ненависти, но розни, холодка, отчуждения, – и это зернышко, словно горошина в тюфяке, при всей своей крохотности не дает удобно и спокойно улечься. Здешние евреи это знают и стараются лежать смирно, чтобы горошина не очень чувствовалась, и хорошо понимают, что стоит им только зашевелиться, и горошина вырастет в нечто крупное. Поэтому здешние евреи, освобожденные, допускаемые во все почетные и выгодные двери, много и честно поработавшие для свободы своей страны и, вдобавок, немногочисленные, – все-таки должны помнить и остерегаться.

Им нельзя громко любить свое племя и громко вы-

ражать свое братское сочувствие далеким соплеменникам, ибо им нужно гарантировать себе братство коренного населения, а для этого необходимо, чтобы коренное население забыло об их еврействе.

Поэтому здешние евреи не ходят по земле своей родины гордо и звучно, как свободные граждане, которым нечего скрывать и нечего стыдиться, но они стараются скользить боком, без шума, с оглядкой, как ходят те люди, у которых заплатаны башмаки.

Тот, у кого заплатка на башмаке, сознает, конечно, что бедность не порок, но все-таки старается спрятать заплату и краснеет, когда ее заметят, и страдает муками самолюбия.

Так томятся и эти люди, у которых заплатка на душе. Имя «Израиль» значит «богоборец», и действительно люди этого племени всегда и всюду боролись со старыми богами и шли в первых рядах всякой благородной новизны. Но здесь, в Италии, им теперь надо быть смиренными, чтобы не вызывать неприятного чувства, и потому здесь наблюдается факт, которому вы почти не поверите: подавляющее большинство евреев, особенно студентов, принадлежит к реакционным партиям.

Тише воды, ниже травы – вот лозунг их быта в этой стране, где евреям живется вольнее, чем где бы то ни было; и так будет и дальше тащиться для них

это неполное, осторожное, прищемленное существование, пока все они не пропадут с лица земли, бесславною смертью помаленьку, или пока, наоборот, не встрепенутся, не поймут, что нельзя жить человеку без гордости, и не выступят на арену истории под венцом своего настоящего старого имени.

1903 г.

Германия

Когда пишу эти строки (начало второй недели гитлеровского царствования), у евреев имеется одно настроение. Когда строки эти появятся в печати, будет, вероятно, другое, а неделей позже – третье. Пока преобладает настроение № 1, и оно звучит оптимистически. Только что я слышал от знакомого, недавно приехавшего оттуда. Он говорит: «Я знаю – не так страшно. Во-первых, когда становятся канцлером, становятся умереннее. Во-вторых, вопрос еще, может ли такой человек, как, Гитлер оставаться долго канцлер. Он небольшой мудрец, не очень образован, вероятно, начнет скоро делать грубые ошибки, станет смешным, а потом невозможным. В-третьих, есть же старый Гиндербург. Он не допустит хулиганских актов против еврейского равноправия, и говорят, что как Гутенберг, так и даже фон Папен не антисемиты. В-четвертых, это совсем не верно, что антисемитизм играет такую большую роль в программе нации. В их агитации – да, это совсем другое дело. Но время агитации для них минуло, теперь надо что-нибудь сделать серьезное, и тут весь еврейский момент не так для них важен».

Очень приятно слышать, но я не уверен, насколько это все соответствует действительности. Возьмем,

например, утешение № 2: быть или не быть мудрецом. Очень сомнительно, действительно ли Гитлер такое существо, которое вскоре опозорится и станет смешным. Я когда-то взял на себя труд прочесть два тома его книги «Моя жизнь». Это произведение относится, бесспорно, к тому сорту литературы, которую можно обозначить словами: «простой товар» – бесталанливо, наивно, будничные «пехотные» мысли – все это доказывает, что он сам это написал, иначе он бы это заказал у Геббельса, который прекрасно пишет.

Но дураком его назвать нельзя. Гитлер обладает здравым смыслом, умеет аргументировать, может привести подходящие примеры из жизни и даже из той части мировой истории, которую преподают в народных школах.

Главное же это то, что он имеет друзей и советников далеко не глупых и хорошо образованных. Штрассер умен и образован. Геббельс – человек таланта. Годфрид Федер (автор социальной программы наци) интересный мыслитель. Каждому шефу советуют, чтобы там, где он не знает, что сказать, он бы советовался со своими специалистами, так и поступит Гитлер.

Вообще, сомнительно, нужно ли быть таким умным и образованным, чтобы быть канцлером или пре-

мьер-министром. В старое время, когда «сар» (сановник) многим из нас представлен легендарной фигурой, которую никогда не видали собственными глазами, у нас говаривали о «министерских головах».

В настоящее время министр везде обычный человек, его везде видели, везде слышали и ничего особенного. Гораздо труднее, может быть, создать собственную партию, которая бы притянула 12 миллионов и еще немцев, но и для этого не надо быть гением. Острый ум не такое уже качество для такого рода занятий. Управлять страной может почти всякий средний человек: имеются твердые обычаи, вкоренившиеся методы – одним словом, рутина.

К этому еще тысячи чиновников, которые тебе укажут, что надо делать. Правда, Гитлер не хочет управлять по рутине, он хочет быть реформатором. Но и для этого у него имеется готовый прототип – Бенито Муссолини, и без всякого сомнения он захочет его копировать или, по крайней мере, перевести его «по-немецки». Не легкая работа, но быть вторым Муссолини для этого не надо.

Не исключено, что царствование Гитлера будет кратковременным; мы видели, что лица покрупнее Гитлера канцлеровали недолго, например, фон Папен и Шлейхер. Это, возможно, но не доказано, и для оптимизма моего приятеля не вижу основания.

Также ссылка на то, что, когда становятся канцлером, становишься осторожнее – не вечная истина. Естественно, что в написанной программе находится все в каких-нибудь 10 листах, все вместе, и чтобы провести каждый пункт в жизнь, требуется значительное время. Поэтому мой оптимизм может себя утешить в течение нескольких месяцев тем, что обещанная антиеврейская программа не проводится.

Но кто знает, может быть и это будет? В истории мы видали разного сорта людей: и таких, которые прятали свой радикализм, когда приходили к власти, и таких, которые пробовали провести то, что они обещали массам. В особенности, когда взбудоражили 12 миллионов, когда нужно оправдать себя перед неслыханной массой молодежи, то уж вернее, что сугубо «осторожными» не будут...

На добродетели старого Гинденбурга и молодого фон Папена и всех других, которые «не антисемиты», я бы тоже не положился. Интересный факт: как мало говорят о евреях и об опасности для евреев во всех тех газетных статьях (и в немецких и в иностранных), в которых поднимают гвалт про победу Гитлера. Все ли эти корреспонденты антисемиты, которые радуются, что вот в Германии будут разорены евреи?

Я лично знаю некоторых из них тут во Франции и в Англии: они вовсе не юдофобы, некоторые да-

же наоборот, юдофилы. Но они просто забыли. Опасность для евреев, для них такая мелочь в сравнении с опасностью для экономических и политических интересов великих народов, в особенности, когда имеется еще опасность вооруженных авантюр. Для старого Гинденбурга и молодого фон Папена, также для Гугенберга (не знаю, стар или молод господин этот) опасность для пары сот тысяч немецких евреев выглядит мелочью. Весьма возможно, что им лично будет неприятно, если Германия станет страной погромов, даже бескровных.

Но из-за этого одного они не поссорятся с канцлером, имеющим 12 миллионов последователей, и из-за этого одного они не рискнут гражданской войной.

Можно сомневаться, дадут ли Гитлеру (даже с большинством в будущем парламенту) провести исключительные законы против евреев. Но кому это важно? С тех пор, что мир существует, главное был не закон, а как его интерпретируют. Искусство интерпретации – самый жесткий и самый гибкий слуга. Его достаточно, если только есть желание.

Остается последнее утешение: может быть вовсе нет желания. Может быть, только так говорится, будто хотят уничтожить евреев, может быть, это только было для агитации, на деле же у них самих это не играет роли, и теперь у них есть более серьезные заботы, и

не только мировая пресса, противница немецких расистов, забыла про нас, про нас забудут и сами расисты?

Я должен, к сожалению, повторить то же слово: сомнительно.

Разумеется, удивляет каждого, удивляет в особенности нас, евреев, как это такая малая группа людей, как евреи в Германии, может занимать такое важное место в психологии большой партии? Невозможно себе представить, чтобы 12 миллионов немецких граждан, умеющих читать и писать, верили, что все несчастье Германии и всего мира происходят от нас. Это – абсурд, это немыслимо. Это есть только средство уличной агитации, но это не может быть серьезным исходным пунктом коллективной психологии...

Однако, я боюсь, что это – действительно исходный пункт коллективной психологии и к тому еще важнейший пункт.

Программа наци состоит из 25 пунктов и согласно их статусу «нельзя их изменить», точно законы Персии и Мидии. 25 параграфов – книга не толстая, и было бы очень не трудно передать их содержание. И все-таки я бы отказался от такого задания.

Потому что как программа она не коротка, содержит массу противоречий, в особенности в важнейшей своей части, в социальной. Сначала это была программа

для бедняков-рабочих и мелких крестьян и явно против капиталистов и крупных аграриев. После, однако, когда тяжелая индустрия стала поддерживать гитлеровское движение, естественно, стали толковать «вечную» программу так, чтобы она была благоприятна и промышленным капиталам. Еще немного позже нашли поддержку и у юнкеров, и даже пара кронпринцев официально присоединилась к движению.

Тогда программа дала новое толкование, благоприятное и крупным земледельцам. Эта самая «эволюция» произошла и в отношении главного принципа экономической теории наци – «биржевого и процентного капитала». Это была любимая идея их теоретика Годфрида Федерера. Гитлер сам рассказывает, как в 1919 году, в Мюнхене, он случайно попал на доклад Федерера и процентном капитале, и это из него сделало национал-социалиста.

Учение это состоит в том, что не всякий капитал – трэф, как это проповедуют марксисты, только тот капитал, который живет в «разводе» со своим хозяином, базируется только на бирже и приносит хозяину проценты, которых он ни в коем случае не заслужил.

Только этот род капитала надо конфисковать, чтобы понятия: «биржа», «проценты», «спекуляция» исчезли со света. Вот это главная суть «вечной» программы, его главное украшение.

Однако после, когда со всех сторон посыпались неудобные вопросы, как же думают устроить экономическую жизнь без процентного капитала с одной стороны и без социализма с другой – теоретики наци стали давать новые толкования своей программе, где на каждом шагу встречается запрещенное слово: «проценты»...

Такую программу никто не в состоянии понять, наци это знают. Их ответ: не важно понимать за исключением одного пункта: экономическое спасение Германии и всего мира состоит в том, чтобы избавиться от евреев.

Представьте себе дискуссию с опытным агитатором наци, когда вы ему указываете на все недостатки и противоречия в их программе. Что он вам ответит?

– Я не отрицаю, что имеются противоречия, скажет он. Вообще, в нашей программе намечены только основные линии наших стремлений. Многого надо будет улучшить, многое приспособить к практике. При этом, может быть, окажется, что и современный хозяйственный порядок сам по себе не так уже плох. Может быть, благодаря ряду улучшений, он станет вполне хорошим. Может быть, современный порядок подобен человеческому организму, который сам по себе здоров, имеет руки, ноги, сердце, легкие и мозг, но он отравлен. В него впрыснули сильный яд, разгулива-

ющий по его сосудам и дающий себя чувствовать везде: и в сердце, и в дыхании, и в походке.

В немецком общественном организме яд этот – евреи. Не важно, что они составляют незначительное меньшинство. Яд не взвешивается килограммами, достаточно двух грамм, чтобы испортить функции всех органов. Кто знает: может быть, биржа вовсе уже не такой плохой орган в хозяйственном организме, может быть, и «процентное хозяйство» может считаться вполне хорошим и правильным. Но чтобы можно было судить об этом, надо раньше всего органы эти освободить от яда – передать из функции в настоящие немецкие руки, посмотреть, как они действуют при притоке настоящей, не фальшивой крови. Поймите меня: еврейский вопрос не придаток к другим пунктам нашей программы: он квинтэссенция нашей программы.

А суть дела не в том, что евреи эксплуатируют немецкий народ, как наивно говаривали в старину. Если бы евреи были добросердечны, как ангелы, если бы они отдали весь свой доход государству или немецким беднякам, это бы не изменило факта: в их природе лежит фальшь, все они делают не по-нашему, а иначе, криво и фальшиво, и каждая вещь, которая сама по себе может быть, и не новая, как биржа и проценты, в их руках превращается в кривду. Это

центральный пункт нашей программы. Если в вашей крови есть яд, не спрашивайте, почему у вас болит голова или почему выпадают зубы или почему глаз не видит, или язык заплетается, или же дети рождаются калеками: избавьтесь от яда.

Это, я верю, настоящий смысл гитлеровской идеологии. Немцы могут быть кем угодно, но они любят систему и не любят бестолочи. Когда мы видим, что у них вдруг произошло сильное движение по программе довольно бестолковой, мы должны понять, что под этим хаосом находится доля системности. Систему создают двумя путями: или ткнут планомерно сеть, черточек, где одна точно пригнана к другой, или же не заботятся о взаимной зависимости всех пунктов, а указывают на корень – корень всех бед и мук: для системы это достаточно.

Нет, так легко отделить юдофобство от остальной гитлеровской идеологии, уговорить себя, что может быть наци будут делать «свое дело» и забудут про нас – это значит: слишком много оптимизма. Вполне возможно, что Гитлер скоро падет – дай Бог – возможно, что не он, не его помощники, хотя они и не дураки, не обладают способностями формулировать, во всем ее гигантскую проблему, которую они возбудили. А проблема гигантская. Для нас, евреев, в первый раз так выпукло становится вопрос о нашей галутном суще-

СТВОВАНИИ: ВОЗМОЖНО ЛИ ОСУДИТЬ И УНИЧТОЖИТЬ НАШЕ
ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ.

1934 г.

Судьбы еврейства

Германский крестовый поход против евреев – самое важное и серьезное, что, произошло в нашей народной жизни за целый ряд поколений. Это так важно и так значительно для нашей мировой будущности, что вероятно изменятся позиции различных направлений еврейской общественности, и, прежде всего перемена произойдет в среде сионистского движения. Мы все ощущаем – некоторые еще пока несознательно – какими незначительными кажутся теперь различные наши проблемы, которые еще месяц тому назад стояли в центре дискуссии и могли бы занять первое место на ближайшем сионистском конгрессе. Все теперь отодвигается на задний план событиями в Германии.

Мне пишет друг из Парижа: «Нужно понять, что здесь идет речь не о германских евреях, а о борьбе в мировом масштабе за мировой принцип. Германское правительство, поддерживаемое половиною германского народа, в то время, как вторая половина хранит молчание, – хочет дать миру пример того, как можно в XX веке восстановить гетто в самом буквальном смысле этого слова, порожденного средневековьем. Если это ему удастся, то в центре цивилизованного

мира будет стоять великая держава, которая третирует евреев, как прокаженных, и при этом не теряет своего престижа в глазах мира, остается членом Лиги Наций и рассматривается всеми народами, как полноправный член этой Лиги. Какое магнетическое действие оказал бы такой перманентный пример на темные силы в других странах?

Если правительству Гитлера суждено остаться, то мировое еврейство обречено на гибель. Германские евреи – лишь маленькая деталь. Мы не должны требовать от германских евреев активного участия в войне с Гитлером. Даже если там их заставят кричать, что они всем довольны, что они просят нас, мировое еврейство, приостановить борьбу, – то к ним за это нельзя иметь никаких претензий: их просто не следует слушать. Их положение ведь то же самое, как положение немцев в России во время мировой войны. Что делалось у них в сердце, знают все, но их позиция не могла быть иною, чем патриотически-русская, и никакого влияния на волю Германии одержать победу над Россией с ее союзниками – она иметь не могла. Мы просто должны вычеркнуть из нашего военного актива всех тех евреев, которые не смогут бежать из Германии. Мы должны дать всеобщую «индальгенцию» им за все, что они сочтут нужным делать, даже если бы это нам казалось изменой или проявлением раб-

ской психологии. Они могут твердить, что они довольны тем, что их перевели в гетто, они могут прикрепить к своему платью желтый лоскуток и носить его даже на фраке. Одно лишь нужно дать понять гитлеровскому правительству: мы, мировое еврейство, абсолютно не будем считаться с голосом германских евреев, даже если они будут кричать до иступления «ура!».

Дело идет не о них! Если германское правительство верит на минуту, что оно сможет их использовать, как заложников, и принудить нас молчать угрозой погромов, то оно заблуждается. Пока в Германии будет режим, который рассматривает евреев, как хищных зверей, мы со своей стороны; будем рассматривать Германию, как опасность для нас всего мира и для всего человечества. И последними, у кого мы будем спрашивать совета, будут именно немецкие евреи. Наоборот, может быть мы им даже дадим совет, чтобы они держались лояльно, так же лояльно, как русские немцы во время мировой войны»

Так мне пишет друг. Правильная мысль, и жалко, что не везде у нас ее поняли. Я узнаю теперь из газет, что несколько почтенных германских евреев поехали в Лондон со специальной миссией «успокоить» еврейство и что у лондонских евреев теперь в головах хаос, так они не знают, как связать эту миротворческую миссию с аутентическими известиями из Герма-

нии о том, что евреев систематически вытесняют со всех экономических и социальных позиций. Этой делегации следовало бы ответить с величайшей вежливостью: «Ол райт, мы принимаем к сведению все, что вы говорите, и наши заверения, что вы довольны. Но дело идет о нас, а мы очень недовольны и мы будем действовать в соответствии с нашей позицией. Скажите Гитлеру, что мы защищаем не вас, а себя!»

Историческое значение главы нашей истории: «События в Германии» идет гораздо дальше нашей защиты самих себя от нового мирового гетто. Существо этих событий заключается в той роли, которую они отразят в истории сионизма. Катастрофа, постигшая германское еврейство, абсолютно беспрецедентна именно для судьбы сионизма. Она не имеет ничего общего ни с ограничительными законами царского времени, ни с украинскими погромами, ни с румынским «раем». Германия – страна, где ассимиляция еврейских граждан с окружающей обстановкой достигла высших ступеней. Даже в Англии еврейское участие в местной культуре никогда не было так огромно, как в Германии. Разгром вот этой-то ассимиляции, произведенный с энтузиазмом 17 миллионами германских граждан – величайшее разоблачение лжи галута, беспрецедентная ее демонстрация.

Более того: это – грандиозная манифестация в

пользу еврейского государства – не в пользу сионизма, – слово, которое, к сожалению, получило у нас гуманное значение, слово, которое может обозначать много или ничего. Это – манифестация именно в пользу еврейского государства. Во всем мире каждый спрашивает себя: ведь теперь-то и наступил момент, когда Палестина должна бы быть открыта для всех евреев! Почему же в нее не пускают? Почему там распоряжается правительство, которое держит двери закрытыми? Некоторые голоса идут даже дальше. Один видный английский государственный деятель, как раз тот, который всегда проповедовал умеренность, недавно публично заявил: теперь должно было бы быть еврейское государство, которое имело бы право и возможность официально развернуть весь вопрос перед Лигой Наций. Разум вот этого «гоя» – прямолинейный: он чувствует, что на мировую катастрофу нельзя отвечать налогом «заплаты» в виде нескольких тысяч сертификатов, а ответить можно лишь – созданием еврейского государства. Это будет самой горькой глупостью нашей истории, если мы упустим такой момент, когда всякий, кто слышит о нашей катастрофе, будь это друг или враг, ждет от нас ясных слов, а не намеков, – не заявлений о «конечной цели» сионизма, а требования конкретных мероприятий, которые отвечали бы грандиозным ката-

строфам, – требования реформ в мандатарном режиме Палестины, которые должны превратить Палестину в еврейское государство в минимально мыслимый срок. Своего рода «пятилетка», если вы не имеете страха перед этим выражением из популярного лексикона.

У нас теперь резвятся лозунги – «свободная иммиграция в Палестину». Но свободная иммиграция без политических реформ есть абсолютная невозможность. Пока остаются запрещения приобретать землю, силиться в Заиордании, создавать вооруженный аппарат самозащиты, – пока в силе нынешняя таможенная и налоговая система, ничего сделать нельзя. Теперь речь идет не о «конечной цели», достижения которой мы могли бы терпеливо дожидаться одно, два поколения. Еврейское государство становится единственно конкретным делом. Ведь другие страны, кроме Палестины, не приурочены к потребностям большой и скорой иммиграции. Если бы нам завтра дали право на свободную иммиграцию в Палестину, а при этом не провели бы аграрной и других реформ, то послезавтра мы вынуждены были бы сами закрыть двери. Колонизация в таком размере, как этого требует от нас нынешний момент, возможна лишь при колониционном режиме в стране. Лозунг «свободная иммиграция» – объективно есть лож! Един-

ственный лозунг, содержащий в себе истинную возможность большой и свободной иммиграции, это лозунг: «еврейское государство». Теперь требуется радикальное изменение всей системы управления Палестины, такое изменение, которое повторило бы в Палестине македонский пример 1925–1928 годов, когда греческое правительство проделало величайший колониционный опыт мировой истории, поселивши в одной провинции больше миллиона бесприютных. Наш пример должен быть проведен даже в большем объеме, ибо Палестина, включая Заиорданье, занимает гораздо больше пространство, чем Македония, – разразившаяся катастрофа значительнее по размерам, – и еврейский народ показал свои исключительные колонизаторские таланты.

То, что я говорю, звучит «по-мессиански», а у нас много людей, которые боятся «мессианских» лозунгов. Эти люди считают себя трезвыми государственными людьми, но это не государственный ум и не трезвость – придти на территорию, пострадавшую от землетрясения, и предложить для подкрепления... 20 бутылок содовой воды! Это было бы глупостью и преступным легкомыслием! Нельзя тушить пафос и отталкивать всех тех, в ком заговорила совесть, пробужденная германской катастрофой. Государственное искусство требует соответствия, пропорциональ-

ности лекарства – объему нужды. Если страдания приняли такой характер, то нельзя выставлять требования, которые не звучат, как мессианские. Нет сомнения, что мы пришли к важнейшему моменту жизни нашего поколения, а может быть и вообще всей галутной истории. Он отбрасывает на задний план все наши обычные распри, как бы серьезно ни было их содержание. Быть может, еще немножко преждевременно делать практические конкретные выводы относительно перемены внутренних отношений сионистского мирового лагеря, вызванной перемещением всех политических ценностей, но все испытывают ощущение, что сегодня не исключена радикальная перегруппировка направлений и создания фронта, объединенного лозунгом еврейского государства, не как конечной цели, а как идеала, осуществление которого мы увидим воочию, в дни наши.

1933 г.

Во власти хлороформа

На меня, приехавшего месяц тому назад с запада, еврейство Центральной и Восточной Европы произвело впечатление сборища захлороформированных пациентов. Это выражение мне пришлось употреблять несколько раз и, хотя оно мне не нравится своей неточностью, (ибо усыпленные больные, в конце концов, не смогли бы говорить и жестикулировать подобно моим Восточно-Центрально-Европейским собратьям), все же я не в силах подыскать более подходящее определение их состояния, их летаргии, их позиции – позиции «меня не касается».

Нужно, конечно, отметить появление некоторых изменений. Изредка, все же, встретишь человека выражающего «Боже, что будет?» Но проснувшись мало, процесс возвращения к активной жизни медленен, и огромный госпиталь, пропахшийся манящим запахом анестетического, переполнен от подвалов до чердака.

Что же с Вами приключилось, братья мои, избранные пасынки Всевышнего? Мир сегодняшнего дня не живет иллюзиями, не верит в чудеса, даров с небес ожидать не приходится и это спокойствие совершенно непонятно. По правде сказать, мне сперва показа-

лось, что они слепы и кто-то их убедил в приближении новой, светлой, безоблачной эры. Но вскоре я переменял свое мнение. Никто их не уговаривал, и они не рассчитывают на дары от местного неба. Пятнадцатиминутный разговор с зажиточным евреем в одной Прибалтийской стране показал, насколько глубоко я заблуждался. Он выслушал мои планы и заявил, что ни он, ни другие евреи в них не верят и мне не помогут; он не знает лучших проектов, не может додуматься до них сам и, вообще, не его дело искать ключи к спасению евреев. Но иллюзии? Он громко расхохотался. «Скоро», сказал он, «мой сын будет бар-мицве. И наилучшим подарком для него, для сына моего соседа, для всех еврейских мальчиков и девочек нашего города была бы виза».

«Куда?»

«Неважно, куда угодно».

Так мыслят все и все же, несмотря на это душа общины остается захлороформированной. Как перевести древнееврейское слово «хадалон»? Его корень – «хадал» – останавливать; «хадалон» нечто вроде «забастовки» всех способностей индивидуума думать, бороться, желать, даже стонать от боли.

Еще одна любопытная вещь: мне на это указывали, и мне пришлось убедиться на опыте – в глубине народной массы атрофии не замечается. В Галицийском

городке к моему автомобилю, застрявшему в уличном движении, подошел еврей хасид и, просунув голову в окошко, быстро прошептал:

«Послушайте, я не могу посетить вашу лекцию, но запомните, если Вы нас позовете, мы пойдем; только сообщите нам непосредственно, не обращайтесь к нашим «лидерам».

Серьезно и честно: он прав, его совет – золотой и, возможно, мне к нему придется прибегнуть. Воззвание, сделанное через головы вождей, принесло нам (в 1934 году) шестьсот тысяч подписей, в выборах на конгресс при основании Н. С. О. (1935 год, приняло участие 700 000 человек). Число меня разочаровало, но, все же, ни в одном еврейском плебисците не было зарегистрировано большее количество голосов. Но ведь это происходило 4–5 лет тому назад, когда еще не только мы одни несли знамена возрождения, когда наш официальный соперник имел мужество и распевал песни. Сегодня его там нет, ему нечего петь и нечего сказать. Под хлороформовой маской лежат массы, жаждущие капли надежды и все колодцы пусты, кроме вашего: со стратегической точки зрения преимущество наиболее важное для победы.

Но мне победа не нужна. Не помню, кто первый глубокомысленно заметил: «всегда приходится выбирать одно из двух – победу или же «тахлес». В побе-

де редко бывает «тахлес» – только, особенно теперь, когда, пожалуй, лучшим переводом этого слова является «единение». И если хлороформу не предписано рассеяться, я, безусловно, воспользуюсь советом головы хасида в моем окошке – я запомнил его лицо с глазами, похожими на очи наших пророков, воинов и мучеников, виденных нами на картинках в старых книгах. Сегодня у нас есть время ждать, мы только начинаем нашу работу и борьба за «тахлес» – наш священный долг. Отец небесный, неужели попытки вырвать народ из бездны суждено сделать «через головы вождей? Станет ли «вождь» синонимом запаха хлороформа.

Так надсмеемся же над гордостью и достоинством: я снимаю шляпу и стучусь у дверей всех «вождей» – знакомых мне, незнакомых друзей, полу-друзей, оппонентов и врагов. Откроют они мне дверь – мир станет свидетелем чуда, именуемого «единение». А если они меня оставят, стоящим на дороге со шляпой в руках – что же мне останется делать? Я обращаюсь к улице...

Еще живы мои коллеги, помнящие конгресс Уганды, Гельсингфорскую конференцию, борьбу за иврит, как за критерий образования и т. д. Большая часть их скитается с разбитыми сердцами. Тяжелый вагон, переехавший через наши упования и чаяния, доканал

их надтреснутые души. Их боль не была вызвана появлением Белой Книги. Она явилась результатом мучительных годов неудач и позора. Сквозь блеск золотого дождя и материального благополучия они видели вдали упадок и регресс, ведущий к политическому банкротству. Расщепление Старой организации раскололо их души. В течение многих лет они готовились ударить по столу, толкнуть ногой – потребовать конца, остановки, перемены, ревизии. Но у них не хватало мужества. И длинной чередой проходили конгрессы и митинги старо-сионистов, а они все не стучали, не требовали, чувствуя себя подобно человеку, испачкавшему руки и неспособного найти воды, чтобы их вымыть. Но теперь все испробовано, все испытано. Чего же вы ждете, современники мои, друзья добрых старых дней бедности? Во что еще верите? Как назвать и в какой книге найти убеждение, толкающее вас вперед, убеждение, заставляющее вас оставить человека, не потерявшего истинной веры, стоять на улице.

Прочтя эти строки, мои ближайшие друзья рассердятся на автора: где смысл, скажут они, обращаться к разбитым кораблям. Но для меня человек – величество; он может быть уничтоженным, обманутым. Может быть уничтоженным или презируемым – он может выглядеть подобно моим старым коллегам: для меня

он все-таки «величество», и когда наступит день ужасного горя, я приду к нему, постучусь в дверь и спрошу: «Дома ли ты, брат Король? Готов ли провести необходимые реформы в твоём королевстве?» Лишь в одном случае я соглашусь, что корабли поломаны и вычеркну имя в фамильной, генеалогической таблице: – в случае его самоличной капитуляции. И его постыдное молчание за дверью укажет мне на его моральную смерть.

Чем и на что Вы живете сегодня? Вчера еще Вы имели оправдания – Вы были лояльны по отношению к движению, пытающемуся действовать по заветам Герцля. Но где теперь вожди, которым Вы были верны? Клянусь, даже я ожидал от Вас большего. Я все же верил, что они постараются перестроить старый дом заново, увеличат его, откроют ворота, призовут свежие силы. Ничего подобного – полная атрофия. Вас старый дом в такую ответственную минуту даже не претендует на объединение и представительство миллионов обездоленных.

По их словам с ними молодежь. Простите меня, но это невозможно. «Молодежь» в конце концов, не арифметическая концепция, употребляемая лишь в негативном смысле – «не взрослые». Молодость – концепция позитивная, отдельный период жизни, как весна не только недоросшее что-то, но и совершен-

но сепаратное время года. Весна без цветов – не весна. Молодежь нашего времени не может сидеть сложа руки и спокойно избирать законы «верности» – в противном случае она попросту не существует. Нельзя утверждать, что человек «молод», если он перед лицом трагедии не задает себе вопросов: «Почему я живу? Какое право имею жить? Жив ли я вообще?» Такое утверждение явилось бы диффамацией человечества, мироздания, наконец, Самого Всевышнего.

Здесь в Польше я иногда читаю прессу на польском языке и встречаюсь с кругами, обслуживаемыми этими газетами. Какой необыкновенно богатый человеческий материал они собой предоставляют; правда, менее компетентный в еврейских делах, но зато не настолько изношенный. С крепкими нервами и более устойчивый на скользком льду нашей жизни. Положение тут на редкость любопытное: нигде в мире я не видел ассимилированного еврейства, отошедшего от своего языка и в то же время находящегося в сфере влияния чрезвычайно распространенной ежедневной еврейской прессы. И что же мы видим?

Не обижайтесь, мои коллеги, на мои резкие слова – к Вам обращается лицо, заслужившее право заниматься расспросами. Пресса не уголок эхо, как было показано на Парижской выставке, где в одном конце слышится сумятица тысячи выставочных шумов, а на

другом раздаётся тихий шум научного, синтетического эхо суммы криков толпы. Пресса всегда находится в поисках новых троп, во всяком случае, когда старые пути приходят в негодность. А что делаете Вы, дорогие коллеги? На какие пути указываете? О чем и для чего Вы пишете? Как звучат Ваши лозунги на завтра?

Журнал, в котором появятся эти строки, имеет веру, знает способ излечения. По его мнению, бедствие должно быть встречено единым сопротивлением. Он проповедует, что еще не все потеряно, что есть еще не испробованные еврейским народом средства и эти средства благородны, красивы и прекрасны. Они именуются: всеобщее голосование, парламент, национальное спасение через привлечение к работе масс. Дорогие коллеги, если в Вас есть хоть капля крови настоящего журналиста (я уже не говорю о патриотизме, ищущем подхода), то Вам придется просидеть много часов у редакционного стола, кусая ногти и напрягая мозги в тщетных попытках выставить контрлозунги, напоминающие наши по красоте и благородству, по крайней мере, не такие черствые и осточертелые, как Ваша верность и фонды.

Мне пришлось услышать интересное признание оппонента к человеку учившегося вместе со мной, я обещал ему не называть его имени – «Вы правы, – сказал он, – «у Сионистской организации, называемой вами

«старой» есть лишь один путь экспансии: покончить с шекелем, ввести всеобщее голосование и превратить Конгресс в Национальную Ассамблею. Возможно, Вы даже правы еще в одном. Особое положение Восточно-Европейского еврейства пожалуй, действительно, требует о немедленного безотлагательного создания тамошней Национальной Ассамблеи. В своей среде мы часто об этом рассуждаем. Но вы ведь знаете по-меху? Ваша организация предложила указанное мероприятие первой. И так ревизионисты кричат со всех крыш, что мы «носим Ваши брюки». Лидеры Всемирной Ассамблеи не могут открыто подпасть под Вашу демагогию.

Я с ним не согласен: в борьбе партий не останавливаются перед «кражей» чужих идей. Страх остаться меньшинством в таком парламенте и боязнь потерять финансовую монополию, мешают им ирывать «нашу пару брюк», но для моих коллег журналистов страх роли не играет, ибо они в своей партии, как видно сами – пасынки – монополизированного сионизма. Что же влияет на них, если мой прогноз, вынесенный оппозиции, к ним не подходит. Завидуя нам, они по какой-то таинственной причине прикусывают язык, не давая вырваться слову правды.

Есть еще одна дверь и у нее мне не только получится постучать, но и пожаловаться. Это дверь пат-

риархального еврейства. Жалоба не связана с какими-либо личными факторами: я, не имею общего прошлого с их лидерами, а большинство из них не встречал вообще. Я не уверен, что даже в будущем – хотя я ощущаю излучаемый ими магнетизм, притягивающий скрытые, неизвестные даже мне атомы моей души. Судьба приготовит крышу, позволяющую им чувствовать себя по-домашнему удобно вместе с моим и подобным моему интеллектам. Атмосфера моего воспитания в старой России и позднее в Италии, была строго рациональной. В результате, почти невольюно, у меня сложилось мнение о рационализме, как о системе способной открыть мне действительно великие планы – что делать, куда идти, как утолить жаждущий мою душу голод. В моем уме остался пробел и теперь уже слишком поздно для меня и моего поколения его заполнить. Но вместе с сознанием нецельности своей натуры, во мне продолжает жить вера в абсолютную гармонию духа образованных людей еврейского будущего, элиты правителей государства Израильского, неразрывно связанного с пульсом скрытых функций наших организмов, которые теперь начинают давать о себе знать.

Вот тогда я и почувствовал тот «магнит», стал приглядываться к людям, сохранившим это неразрывное звено. Сперва я был раздражен: люди, утрачи-

вающие области святости, связывают себя с такими прагматическими, земными пустяками, как например, ритуал. Но пришло время, и я сделал великое открытие. Я понял, что, истинная культура зиждется на ритуале и церемониале, что политическая свобода всецело зависит от ритуала суда и процедуры Парламента, и что вся общественная жизнь утонула бы в варварстве, если ее освободить от стальных оков древних церемоний и обычаев. Лишь после этого «открытия» я узнал, каким неисчерпаемым богатством святого упрямства должно обладать меньшинство, плывущее против течения.

И вот эта-то магическая сила духа привлекла меня к патриархальному еврейству. Различные жесты, различная одежда, но та же жизненная кровь. Неужели я, ошибся и здесь?

Я стучусь и прошу: откройте дверь, выйдите, если Вы существуете. Мне не нужно говорить, указывать на роль, сыгранную «церковью» в национальных движениях католических народов – как Ирландия – мы все знаем и это незачем повторять. Все причины и извинения излишни и известны: все вехи и пути будущего для нас ясны, как алфавит или как дважды два, каллиграфически выведенные на классной доске детской школы. Если возможно время, когда Всевышний прикажет нам действовать, то это время уже пришло. Так

проснитесь – или к длинному списку обанкротившихся фирм прибавится еще одно имя.

В заключении я хочу доверить Вам секрет. Ваш покорный слуга, автор этих строк, к сожалению, не имеет возможности бродить по улицам и стучать у дверей. Он написал приведенную статью и теперь спокойно останется дома. Если, поэтому кому-то в часы раздумий послышится стук, пусть знает, что это призыв к его совести. Ну, а если он стука не услышит, то, следовательно, и его совесть усыплена хлороформом.

1939 г.

Надейся, надейся, мой народ!

Вам может показаться странным, что в этот, казалось бы, критический для еврейства момент моя психология проникнута сегодня бодростью и в моих мыслях нет места для скорби и печали.

Я твердо верю в свою интуицию. Есть такая древняя традиция, принцип, выраженный знаменитыми словами: «На'хаму, на'хаму, амми!» (Надейся, надейся, мой народ!) призывающий евреев не теряться в минуту беспросветной тьмы: вера и убеждение в поворот к лучшему, являются секретом нашего извечного существования и нашего непреодолимого сопротивления. Должен признаться: – никогда еще горизонт не был таким мрачным. Я подразумеваю как внешний горизонт, так и внутренний.

Начну с состояния внешнего положения. Пожалуй, трезвые цифры будут красноречивее других объяснений. В одной только Польше страшный молот угрожает задавить сегодня три с половиной миллиона евреев. В другом государстве, чудом избегшем мгновенной катастрофы и избравшим путь медленных пыток – Румынии – живет один миллион. В третьей стране, подавшей в 1933 г. сигнал к уничтожению евреев, осталось еще треть миллиона. Прибавим к этому

числу 250 000 – в Австрии, 200 000 в Литве, 44 000 в Италии. По грубому подсчету дамоклов меч повис над 5 500 миллионами евреев. Не могу сказать, распространится ли антисемитизм и дальше или нет, но теперь уже трудно принимать меры для пресечения этой заразы.

С горечью думаю о том, что несколько лет тому назад сионистское движение упустило время для ликвидации этой болезни. Всем известен эпизод с одним мальчиком в Голландии, заметившим дыру в дамбе. Он закрыл это отверстие своей шляпой, и прибежавшие на его крик крестьяне смогли остановить течь. Щель была очень маленькой, но даже ребенок понял, что дамба легко могла быть прорвана и море затопило бы часть Голландии.

Сионизм мог забить отверстия и отремонтировать плотины. Мы предупреждали многократно об этом. Мы твердили: «Сделайте сионизм достаточно великим. Разъясните всем народам, что целью сионизма является не создание парка еврейской культуры в стране, именуемой Палестина. Сионизм может излечить мир от жуткого недуга путем эвакуации гетто, во имя спасения Вас от евреев и евреев от Вас».

Да, мы предупреждали, но к нашему мнению не прислушивались. Англия начала честно – великая нация, наивная и простодушная нация, нация любящая

широкие жесты; в 1917 году, когда она объявила Бальфурскую Декларацию, каждый сын Альбиона видел в ней прокламацию чего-то великого, чего-то грандиозного и достойного. Никто из них не допускал тогда мысли, что прокламация во имя Библии, во имя Бога, подписанная Британским Правительством в такое время, как 1917 год, была чем то мелким. Нет, это был очень красивый жест, которому было суждено оставить отчетливый след в мировой истории.

Но во что превратился великодушный порыв мощной державы? Старая Сионистская организация стала толковать величие этого порыва, старательно избегая слов «Еврейское Государство» и «разрешение еврейской проблемы». Когда же в ее рядах нашлись люди, настаивающие на необходимости создания Еврейского Государства, как на единственном способе спасения миллионов угнетаемых, старосионисты называли их максималистами до тех пор, пока не вбили в голову честного английского фермера, журналиста, ученого и чиновника, что сами же евреи были бы вполне удовлетворены превращением чего то громадного и великого в пустяковое начинание.

Таким образом, было довольно легко привести это поколение Британских политиков и государственных деятелей к убеждению, что, в конце концов, желание евреев можно разглядеть лишь под микроскопом.

В результате им заявили: «Вы можете успокоить себя, назвав Еврейским Государством нору, где нет места для дальнейшей, разумно обоснованной иммиграции».

Для главной цели сионистского движения – предоставления земли гонимым еврейским массам это решение было фатальным ударом. Больше того, рефлекс всего мира на постановление Англии был потрясающе ужасен для людей, оставшихся на своих местах, потому что им некуда было идти. Ведь если сегодня – еще существует какая-то преграда, удерживающая некоторые страны, содержащие более трех с половиной миллионов евреев, от последнего шага, то изгородь это ничто иное как разрешение наболевшего вопроса, предложенное сионизмом. Интересно отметить как при фальсификации принципа, бывшего ранее великой правдой, все его последствия превращаются в великую ложь. Возьмем, например, слова «Еврейское государство». Как мы мечтали о моменте, когда будет провозглашено: «мы отвоевали обширное Еврейское Государство. Еврейству пора подняться и гордо вернуться в него из стран рассеяния».

Но нам дали нору, в которой уже теперь плотность населения равна германской. Нам предоставили клочок земли, не могущий принять без ущерба для себя, даже минимального количества иммигрантов. И они

называют это юденштатом! Уясняете ли Вы, к чему привело бы это выражение, это Еврейское Государство в кавычках. Попросту новый аргумент прибавился бы к арсеналу антисемитов: «Убирайтесь в свою страну». Ведь даже самые честные юдофобы не обязаны разбираться в статистике и заниматься калькулированием плотностей населения.

К обрисованной черной туче на черном внешнем горизонте нужно прибавить рецидив арабских волнений в Палестине, выражавшихся, в актах неповиновения и терроризма. Считаю излишним напоминать Вам о бесчисленных нападениях на колонии, бомбах и о еврейской крови, обагрившей Эрец-Исраэль. Таково положение внешних дел. На нашем внутреннем горизонте, в самой Палестине, наблюдается экономический кризис, который отнюдь не является следствием беспорядков, как это могло бы показаться на первый взгляд. Наличие этой депрессии трудно объяснить. В маленькую страну за последние 20 лет влили сто миллионов фунтов стерлингов. Действительно 100 000 000 фунтов для населения, равного сегодня 430 000, сумма настолько значительная, что невольно себя спрашиваешь – в чем же кроется причина кризиса?

Была создана промышленность, были основаны колонии, апельсиновые рощи покрыли половину Па-

лестины. Что же случилось? Почему сегодня колеблется здание экономического благополучия, шатается экономическая структура Палестины? Почему каждая вторая фабрика функционирует лишь 4 дня, а в некоторых местностях даже 3 дня в неделю? Почему пять тысяч еврейских домов в Тель-Авиве оказались бы выброшенными на рынок, если бы ипотека была уничтожена?

Снова приходится напомнить С. С. О. о наших предупреждениях. Мы предостерегаем «Ло зе надерех» – вся экономия ишува и сионистского движения была ошибочна с начала до конца. Мы обращали их внимание на тот факт, что из 90 000 000 фунтов, инвестированных в Палестину, 80 000 000 ушло на оплату ввозной пошлины, превышающей нормальную по крайней мере на 40 %. К этому привела неправильная политика в отношении тарифов. Мы указывали, что из огромного количества импорта еврейских денег бесконечно малый процент был помещен в два самых жизненных фактора – в агрокультуру и в индустрию. Знаете ли Вы, что из ста миллионов фунтов стерлингов лишь 9 000 000 пошло на развитие промышленности? Можно ли назвать решением такой колонизации правильным принимая во внимание, что главным ресурсом страны является индустрия и подавляющее большинство рабочих (35 000) заняты на различных фабриках, заво-

дах, станциях и т. д. Были годы «просперити», когда только 4 % денег, ввезенных в Палестину, были помещены в промышленные предприятия и меньше 2–3% пошло на создание новых ферм. Все остальные средства истратили на спекулятивную постройку домов и на всевозможные начинания еще худшего характера.

В любой стране мира, если Вы предоставляете капитал на организацию индустриального предприятия, то его продукция, его нормальный стандарт равен при здоровых условиях двум рублям за каждый вложенный рубль. Теперь взгляните на Палестину: в 1928 году помещено 5 000 000 фунтов – продукция 5 000 000. Идентичное явление наблюдалось и в 1936/37 годах.

Наши предупреждения игнорировали. Это было вопросом энтузиазма «Не критикуйте. Собирайте деньги для Керен Гаесод и Керен Каемет», говорили нам. Между тем, все хозяйство, вся экономика управляемая этими фондами, совершенно бесплодная и непродуктивная. За наши раны нас наградили званием врагов Керен-Каемет и Керен-Гаесод, тогда как мы были врагами лишь человеческой глупости, человеческой слепоты и нежелания считаться с элементарной арифметикой. Сегодня мы видим результат: экономике Палестины грозит банкротство.

Вполне понятно, мои друзья, что в такую минуту хочется задать себе вопрос: «Имеет ли право претендо-

вать слово «на'хаму», «спокойствие», на место в нашем словаре». Я должен признаться, глядя на этот горизонт, затянутый грозными тучами, мне кажется, что я вижу свет, пробивающийся сквозь них. Шторм сам по себе не опасен для корабля, на борту которого написано «Сионизм». Все, конечно, зависит от рулевого, зависит от капитана, зависит от состояния парусов. Потомство сможет сказать, была ли молодая Новая Сионистская организация сильна или слаба. Через десять лет Вы прочтете в книге истории, кто в действительности чинил эти паруса, опускал и поднимал их, добавляя новые и уничтожая пришедшие в негодность в годы ужасных бурь, но сегодня я могу лишь заявить – мы сделали все возможное.

Мы говорили с королями, президентами и министрами, которые принимали нас и приглашали снова, чтобы послушать голос правды. И мы говорили им: «Правда ли, что Вы хотите втоптать Ваши честные имена в грязь? Неужели Вы, основавшие цитадели либеральной мысли в 19 столетии – Вы желаете испортить свою репутацию преследованием народа-скитальца? Почему бы Вам не попытаться найти какой-нибудь выход во имя лозунга, выброшенного во времена Польского Национального восстания 1865: «Для Вашей и нашей свободы». Идите по этому пути. Есть страна – Палестина – в которой, если она откры-

та, достаточно места для арабов, живущих в ней, для их детей, для миллионов евреев, для мира и благосостояния. Сторож, хранящий ключи, славный парень, но он не уяснил себе истинного положения дел и считает сионизм дуэтом его с евреями. Идите к нему и объясните, что это не дуэт и не диалог. Это разговор между всеми великими державами мира. Это наше дело. Это наша государственная проблема!

Да мы стучались в их двери, взывали к их совести до тех пор, пока в 1936 в Женеве на заседании Совета Лиги Наций, министр одного сильного государства не разбил все иллюзии, связанные с Палестиной. Он напомнил Совету под аплодисменты представителей шестнадцати других держав, что Палестина построена на деньги и людьми, прибывшими туда из многих стран, что мандат подписан 52 нациями; что страна мандатарная ответственна перед каждой из них в отдельности. Сегодня сионистская проблема не является более частным делом еврейского агентства и всемогущих чиновников Министерства колоний.

Ситуация меняется и это лишь начало. Близок тот час, когда наша инициатива созреет и найдет себе выражение в Интернациональной Конференции правительств, заинтересованных в судьбе еврейской эмиграции, на которой будут разбираться несколько проектов и где будут найден ответ на вопрос – способна

ли Палестина вместить достаточное количество людей для разрешения проблемы, из которой нет другого выхода.

И мы действуем на этом фронте. Мы регулируем наши паруса с таким расчетом, чтобы вихрь антисемитизма направил наш корабль в сторону, где лежит наше спасение и спасение мира.

Что касается раздела, то я хочу описать Вам течение этой болезни. 8 июля прошлого года. Гром! Голубая книга. Рапорт комиссии Пиля. Белая бумага, подписанная британским правительством:

«Мы решили разделить Палестину, предоставив евреям маленький уголок и отдав остальную часть арабам. Точка».

Немного позже дискуссия в палате общин, если не ошибаюсь, 18 июля. Речь Ормсби Гора, при которой присутствовал Невиль Чемберлен. Слухи: «Кабинет пришел к решению». Взрыв недовольства среди членов парламента. Палата общин настроена критически. Мы ожидали слова Премьера в защиту плана. Ничего подобного. Коллеги Ормби Гора постановили отправить очередную комиссию, техническую комиссию.

Я не являюсь чересчур горячим поклонником Британской политики, но признаю, что англичане никогда не станут настаивать на реализации какого-либо про-

екта, если им будет доказана его ошибочность. Ничто не спасет абсурдную схему раздела. Ничто. Они могут отрезать половину Галилеи и оставить «Еврейское Государство» в форме половины свастики или прибавить ломтик Негева, отделенного двумя коридорами, но раздел обречен на гибель.

Со временем люди забудут о схеме, но вряд ли вычеркнут из памяти позорный Цюрихский конгресс, именующий себя Конгрессом Сионистской Организации. Мы навсегда запомним его подозрительно туманную резолюцию в интерпретации исполнительных органов С. С. О, в таком виде в каком ее поняли все. Конечно, это маленькое дело: принять, забраковать, «йа загер», «нейн загер», но в истории такие решения играют кое-какую роль.

До Бальфурской Декларации христиане знали о Палестине и евреях всего две вещи. Во-первых, евреев силой изгнали из нее; во-вторых, они никогда не прекращали требовать возвращения им их родной страны. И единственным положительным фактором, превратившим их в наших союзников, была наша настойчивость, наша преданность родине, традициям и истории.

Сомнительная честь отречения принадлежит Цюрихскому конгрессу. Н. С. О. всеми силами старается доказать всем народам, что собрание в Цюрихе

не представляло еврейство. Мы готовимся к моменту ликвидации плана раздела. В этот момент безнадежная печаль охватит часть еврейства – отверженные, опозоренные: нечем гордиться; нет схемы, нет плана раздела – достижения старо-сионистов. Мы подготавливаемся к этой неизбежной минуте. Мы докажем, что сила евреев, говорящих «нет», превышает число «язагер». Есть план, есть альтернатива помимо раздела – десятилетний план превратит Палестину во что-то, способное спасти нас и мир. Вместо надломленного еврейства, мы выдвигаем идею национальной ассамблеи, избираемой всем народом Израильским, которая тесно сплотит наши ряды.

Сегодня мы куем новую нацию, сильную и великую, для того момента, когда разорвутся тучи. Скоро, очень скоро, будут готовы наши паруса, которым суждено направить корабль еврейства к берегам независимости и свободы.

1939 г.

Евреи на Ближнем востоке

Палестина

Предложение заселить Уганду сослужило сионизму большую службу. Это всем уже понятно, и трудно было бы поэтому выводу высказать что-нибудь новое. Надо только сделать одно замечание: противники восточно-африканского проекта охотно печатают сведения и даже слухи о непригодности этой страны для колонизации. Мне кажется, прежде всего, что раз есть комиссия и будет экспедиция, неудобно забегать вперед и пророчествовать в ту или другую сторону, да еще полагаясь на слухи или случайные справки. Но, кроме того, мне кажется, что такая тактика – стремление нарочно обесценить английское предложение – в высшей степени вредна. Это предложение нам дорого главным образом потому, что оно как раз навсегда уничтожает все малодушные возражения о практической неосуществимости евр. государства. Нам очень часто приходилось слышать: «Да ведь вам, прежде всего, земли не дадут!» После VI конгресса мы получили право отвечать: «Землю готова дать Англия, если только мы пожелаем взять». Неужели вы хотите,

чтобы нам на это с насмешкой возразили: «Да, вам предлагают заселить такую землю, которая... не годится для заселения!»

Я полагаю, что Уганда в конце концов окажется очень недурным участком земли – не без недостатков, конечно, да ведь и в Италии есть малярия и пеллагра. Я полагаю, что люди, которые некогда в будущем заселят эту страну, заживут там припеваючи, если, конечно, сумеют устроиться как следует. Я полагаю, кроме того, что предложение англичан сделано с искренним желанием помочь нам (и в то же время, конечно, заселить один из своих пустырей), а совсем не с расчетом бросить нам лицемерно такую кость, на которой нечего обглодать. Я полагаю, что если весть о новом предложении, исходящем от Бельгии и относящемся к заселению евреями Конго верна, то и это предложение сделано чистосердечно и добросовестно, в полном искреннем убеждении бельгийцев, что они предлагают нам такую вещь, которая выгодна и для нас. Я полагаю так потому именно, что считаю евреев силой, которая способна оживить и обогатить всякую землю, и думаю, что просвещенные и дельные люди, будь они англичане или бельгийцы, не могут не сознавать этого. Иными словами, в той сделке, которая в будущем даст нам собственный клочок земли, мы явимся в высшей степени выгодными контрагента-

ми для страны, с которой эта сделка будет заключена, а выгодному контрагенту ни один серьезный предприниматель не предложит таких условий, которые заведомо неприемлемы. Кто ценит по достоинству еврейскую народность, тот не может не понимать, что, предлагая нам землю, и англичане, и бельгийцы в их собственном интересе должны были искренне иметь в виду и наш интерес.

Тем не менее, я безусловный противник и Уганды, и Конго, и какого угодно Эдема, если это не Палестина. В ближайшем будущем я надеюсь развить достаточно эту точку зрения на роль Палестины, но и сегодня мне бы не хотелось ограничиться одним утверждением без всяких доводов.

Сионистское движение, как уже не раз указывалось, не есть реакция против внешних враждебных давлений. Оно возникает из инстинкта национально-го самосохранения: этот инстинкт так же могуч, естествен, универсален, как инстинкт личного самосохранения или продолжения рода. Антисемитизм, угрожая этому инстинкту национального самосохранения, заставил его пробудиться; таким образом, антисемитизм явился только поводом (крупным, но далеко не единственным) к возрождению национального чувства среди евреев, но не причиной и источником этого чувства, ибо источник его – в вечном и неистреби-

мом инстинкте, который каждая народность неугасимо носит в себе, пока живет, и который особенно у евреев проявляется с исключительной, почти невероятной мощью. Следовательно, для того, чтобы познать во всех подробностях истинную сущность сионизма, надо опуститься к источнику и проанализировать еврейский инстинкт национального самосохранения.

Инстинкт национального самосохранения есть стихийное стремление оградить свою национальную индивидуальность, со всеми ее особенностями, от изменения под влиянием посторонних давлений. Отсюда ясно, что инстинкт этот, в сознательной или бессознательной форме, неустанно требует для данной народности такой обстановки, к которой национальная индивидуальность этой группы была бы наиболее приспособлена, иными словами, в которой эта индивидуальность встретила бы наименьшее постороннее давление. Еврейская национальная индивидуальность, какую она представляется теперь, впитала в себя, конечно, немало новых особенностей за долгие века бродяжничества, но зерно ее, сущность ее, то, что ученые называют «духом юдаизма» и отпечаток чего находят на всех решительно созданиях еврейского ума в разные годы и в разных странах, — это «нечто» является совершенно чистым от посторонней пыли, приставшей к нашим подошвам во время ски-

тальчества; и из того, что в духовном складе Лассалья и Берне, живших в XIX веке этого скитальчества, ярко выделяются те черты, которые характеризуют духовный склад библейских пророков, росших еще на почве Палестины, явно вытекает, что сущность еврейской национальной индивидуальности есть именно палестинская индивидуальность. Это – психологически тот же вывод, к которому, изучая черепа, антропологически пришел г-н Юдт в книге «Iüdische Statistik [Еврейская статистика]»: «еврейский тип определился в Палестине».

Из этого логически следует, что наиболее приспособленная среда, которой требует инстинкт национального самосохранения, может быть дана только Палестиной. Только в Палестине сущность национального еврейского духа могла бы развиваться вполне свободно и самозаконно, не терпя ущерба от необходимости приспособляться в чужеродной обстановке. Поэтому, если и в другой стране евреям, может быть, будет житься привольно и сытно, то истинное еврейство как таковое в ней возродиться, естественно, не может.

Правда, на VI конгрессе сионистов у Макса Нордау вырвалась фраза: «Кто говорит, что мы должны спасти еврейство, а не евреев, тот пусть явится с этими взглядами на спиритический сеанс, а не на ба-

зельский конгресс». На эту довольно-таки циничную фразу мы могли бы ответить, что тому, кто из-за евреев забывает о еврействе, место в заседании благотворительного общества, а не на конгрессе возрождения. Но мы этого не скажем, ибо понимаем, что со стороны почтенного руководителя это не более как неудачный ораторский экспромт, и что всякий истинный сионист не постигает блага евреев иначе как в виде полного, всестороннего и свободного развития еврейства. Если бы нам не было никакого дела до еврейства, а только до евреев как людей, то гораздо проще и гуманнее было бы пропагандировать среди евреев идею всеобщего обращения хотя бы в лютеранство.

Сущность сионизма, который является выражением общееврейской заветной потребности, есть сохранение еврейства для полного, свободного, всестороннего развития. Такое развитие возможно только на почве Палестины. Вот почему Палестина не может быть вычеркнута из программы сионизма иначе как насильственно и противоестественно.

Это – чисто априорное обоснование роли Палестины, но, кроме того, всем известны, конечно, многочисленные практические соображения, хотя бы то, напр., что вряд ли масса в таком же количестве откликнется на призыв к простому переселению, в каком откликну-

лась бы на призыв к переселению в св. Землю.

Видя в Палестине неотъемлемую цель нашего движения, я не могу не видеть в Уганде или Конго серьезных помех. Я, конечно, тоже слышал все заверения на тему: «одно другому не мешает»; но не могу не сознаться, что все эти заверения оставили во мне впечатление или непродуманности, или неискренности. Если бы дело шло просто о рациональном переселении в Уганду тех тысяч евреев, которые теперь нерационально переселяются куда глаза глядят, тогда никто бы не встревожился и общество Иса охотно занялось бы этим проектом. Но речь идет о настоящем еврейском штате с собственным правительством и законодательством, т. е. о первом опыте еврейского государства. Я прямо не постигаю, как можно не понять, что такого рода первый опыт неминуемо поглотил бы все и духовные, и финансовые силы сионизма. Люди вокруг до сих пор сомневаются в том, что можно ли (как они выражаются, «искусственно») создать государство, а мы, кажется, уже мечтаем создать целых два государства сразу; причем одно, так сказать, по необходимости, а другое, так сказать, из принципа...

Наше движение, конечно, богато силами и будет еще богаче со временем, но и нам не следует чересчур уже смешить публику. Или государство в Уганде, или государство в Палестине; если в Уганде, то забу-

дем о Палестине. Уганда безусловно угрожает убить Палестину.

Истинный победитель в затруднениях жизни есть тот, кто умеет использовать во благо себе самое затруднительное положение. Мы должны сделать то же самое с Угандой и Конго (если Конго не сказка) и вообще со всяким предложением рая земного вне св. Земли. Мы должны устроить так, чтобы все эти предложения, грозящие навеки удалить нас от Палестины, послужили нам, напротив, козырем для достижения Палестины.

Я считаю эту мысль достаточно ясной. Если такое государство, как Англия, нашло для себя выгодным предложить евреям Уганду, то в умелых руках это предложение может послужить очень убедительным и заманчивым аргументом для Турции. Финансы Турции плохи, в будущем году они станут еще плоше. Кроме того, если Турция медлила до сих пор, она ничем не рисковала. Но медлить теперь, когда явились сильные конкуренты, значит рисковать полной и вечной потерей удобного случая заселить пустынную страну и превратить солидный хронический убыток в еще более солидный и постоянный доход. Все это ясно и уже многими высказывалось.

Таким образом, нет недостатка, выражаясь по-американски, в «платформе» для новых, более плодо-

творных переговоров с турецким правительством. Но ведутся ли переговоры? Желают ли вести эти переговоры те лица, от которых это зависит? Не решили ли они махнуть на все рукой?

Прискорбно, конечно, то, что в этом огромном движении столь многое зависит от настроения одной личности, но раз это уже так, было бы лишней потерей времени ограничиться сетованием. Надо не сетовать, а действовать. Надо нам, еще желающим, еще не махнувшим рукой, сделать так, чтобы принудить наших официальных представителей снова и с новой энергией начать турецкую кампанию, именно теперь, когда случай так благоприятен. Вместо того, чтобы растерянно смотреть по сторонам, декламировать или ругаться. Мы, еще не махнувшие рукой, должны активно доказать наше твердое желание, чтобы борьба за Палестину продолжалась, мы должны ясно выраженным массовым заявлением напомнить нашим представителям, что имя св. Земли еще не вычеркнуто из базельской программы, и потребовать от них немедленных действий в этом направлении.

Я писал из Базеля и сохранил до сегодня это убеждение, что наши представители сами тоже остались внутренне верными девизу Палестины. Я даже допускаю, что в эту самую минуту, когда я пишу, д-р Герцль ведет с падишахом переговоры – под покровом обыч-

ной и неизвестно для чего нужной таинственности. И если это так, то массовое заявление нашей воли только должно его порадовать как доказательство того, что он угадал и опередил заветные желания своих верителей. Но если это не так, если под затишьем действительно кроется отказ от Палестины, то массовое заявление верности Палестине с нашей стороны и категорическое требование, чтобы и наши верхние представители оставались ей верны и снова направили все свои усилия на св. Землю, является нашим долгом, и нам придется, быть может, горько потом каяться, если мы этого теперь не сделаем. Мы должны напомнить. Если напоминание подействует, тем лучше. Если бы напоминание не подействовало, тогда мы, по крайней мере, будем ясно знать, кто с нами и кто против нас, и сможем ясно показать это на будущем конгрессе не только в прениях, но и в выборах. Ибо люди, которыми мы дорожим, дороги нам как борцы за Палестину, без которой немислимо наше полное возрождение. Если эти люди захотят перешагнуть через Палестину, мы должны твердо перешагнуть через них, с сожалением, но без малодушия, без колебания, согласно первому и последнему нашему правилу: во что бы то ни стало.

1903 г.

Вторая услуга

Как известно, предложение заселить Уганду вызвало среди сионистов большие споры. Начались эти споры еще на VI конгрессе, а в последнее время приняли особенно острый характер. Часть сионистов видела в этом проекте опасность, находя, что его осуществление надолго затормозит, а может быть, и совсем погубит главную цель сионизма: создание еврейского центра в Палестине. Другая же часть, несколько не отрицая того, что основной целью движения остается Св. Земля, находила, однако, что Уганда не помешает. Таким образом, безусловно сходясь в своих взглядах на Палестину, спорящие никак не могли сойтись во взгляде на Уганду. Противники последней, все более и более проникаясь убеждением, что Уганда погубит сионистское движение, подумывали уже об открытой и непримиримой борьбе с этим проектом. Все это могло кончиться настоящим расколом внутри движения, т. е. почти крахом, который поверг бы в глубокое горе огромные еврейские массы.

Теперь Уганда ликвидирована. Английское правительство взяло назад свое предложение. Многие, конечно, пожалуют о том, что исчезает возможность устроить, как они рассчитывали, временное убежище

для тех из евреев, которым уже не вмогуту ждать. Но все сионисты, без сомнения, порадуются тому, что теперь устранена опасность раскола в партии, который был бы настоящей гибелью дела.

И поэтому можно не сомневаться, что все сионисты сумеют единодушно оценить по достоинству дружественную и благородную тактику английского правительства. Предлагая по собственной инициативе еврейскому народу заселить на началах полной автономии безусловно прекрасную и плодородную местность, английское правительство оказало нам этим огромную моральную услугу. Это было первым за много веков официальным признанием национально-го единства еврейского народа и вместе с тем авторитетным выражением веры в его способность создать из дикого края культурную, благоустроенную страну. Обо всем этом благодарный еврейский народ никогда не забудет.

Но теперь, взяв назад свое предложение именно в тот момент, когда напряжение умов дошло в среде сионистов до крайнего предела, – теперь английское правительство оказало еврейскому народу вторую огромную услугу и проявило редкий и драгоценный такт. Англия, несомненно, ясно поняла, что конфликт должен был привести к одному из двух результатов: или будущий конгресс отклонил бы окончатель-

но проект заселения Уганды, или сионизм раскололся бы надвое. На третий выход из этого положения вряд ли кто-нибудь мог бы серьезно надеяться. Первый результат – отклонение проекта – был бы неприятен для Англии; второй – раскол в сионизме – был бы тяжелым ударом для еврейских масс. Сознывая все это, и сторонники, и противники Уганды в последнее время мучительно боялись за будущее и чувствовали, что «надежда», о которой поется в гимне сионистов, грозит ускользнуть из глаз.

Именно в эту тяжелую минуту Англия берет свое предложение назад. Этим сразу устраняется причина междоусобицы, которая, может быть, едва не погубила единственную в своем роде организацию, созданную за такое короткое время с такими жертвами и такими усилиями. Держава, четыре месяца тому назад громко признавая за нашим рассеянным народом национальное единство, теперь своим новым шагом спасает единство нашего глубоко народного движения. Если за первую услугу конгресс от лица и сторонников, и противников Уганды выразил британскому правительству глубокую благодарность, то теперь, думается мне, все сочувствующие сионизму должны громко произнести свое массовое спасибо этой благородной стране, спасающей нас в очень критический момент. Было бы вполне своевременно, чтобы при-

знательность, уже 4 месяца волнующая еврейские массы, именно теперь выразилась в форме торжественного послания, под которым с радостью подпишут свои имена десятки тысяч.

Итак, туча рассеялась. Под ее влиянием уже остановилась была нормальная работа сионистов: из-за споров об Уганде почти забыли о главных задачах. А между тем впереди столько дел: столько еще есть необращенных, которых надо обратить, на колоссальное дело национального фонда собраны только ничтожные гроши, литература движения все еще не стоит на высоте призвания. Теперь, когда туча рассеялась, пора встряхнуться от нехорошего сна, забыть все нелепые счета и взяться, наконец, за настоящее и важное дело укрепления и объединения народа вокруг его древней и вечной цели.

Как люди, только что пережившие ужасную, мучительную тревогу, потом, когда опасность прошла, вдруг глубоко постигают всю суетность своих мелочных обид и раздоров и подают друг другу руки, так пусть поступят теперь друзья сионистского дела и от всего сердца пусть друг другу скажут древнее национальное приветствие: мир вам...

1903 г.

О железной стене

Вопреки доброму правилу – начинать статью с существа – приходится начать эту с предисловия, причем еще личного. Автора этих строк считают недругом арабов, сторонником вытеснения и т. д. Это неправда. Эмоциональное мое отношение к арабам – то же, что и ко всем другим народам: учтливое равнодушие. Политическое отношение – определяет двумя принципами. Впервых, вытеснение арабов Палестины, в какой бы то ни было форме, считаю, абсолютно невозможным; в Палестине всегда будет два народа. Вторых, горжусь принадлежностью к той группе, которая формулировала Гельсингфорсскую программу. Мы ее формулировали не для евреев только, а для всех народов; и основа ее – равноправие наций. Как и все, я готов присягнуть за нас и потомков наших, что мы никогда этого равноправия не нарушим и на вытеснение или притеснение не покусимся.

Credo, как видит читатель, вполне мирное. Но совершенно в другой плоскости лежит вопрос о том, можно ли добиться осуществления мирных замыслов мирными путями. Ибо это зависит не от нашего отношения к арабам, а исключительно от отношения арабов к сионизму.

После этого предисловия перейдем к существу.

О добровольном примирении между палестинскими арабами и нами не может быть никакой речи ни теперь, ни в пределах обозримого будущего. Высказываю это убеждение в такой резкой форме не потому, что мне нравится огорчать добрых людей, а просто потому, что они не огорчатся: все эти добрые люди, за исключением слепорожденных, уже давно сами поняли полную невозможность получить добровольное согласие арабов Палестины на превращение этой самой Палестины из арабской страны в страну с еврейским большинством.

Каждый читатель имеет некоторое общее понятие об истории колонизации других стран. Предлагаю ему вспомнить все известные примеры; и пусть, перебрав весь список, он попытается найти хотя бы один случай, когда колонизация происходила с согласия туземцев. Такого случая не было. Туземцы – все равно, культурные или некультурные, – всегда упрямо боролись против колонизаторов – все равно, культурных или некультурных. При этом образ действий колонизатора нисколько не влиял на отношение к нему туземца. Сподвижники Кортеса и Писарро или, допустим, наши предки во дни Иисуса Навина вели себя, как разбойники; но английские и шотландские «отцы-странники», первые настоящие пионеры Север-

ной Америки, были на подбор люди высокого нравственного пафоса, которые не то что краснокожего, но и мухи не хотели обидеть и искренне верили, что в прерии достаточно места и для белых, и для красных. Но туземец с одинаковой свирепостью воевал и против злых, и против добрых колонизаторов. Никакой роли при этом не играл и вопрос о том, много ли в той стране свободной земли. На территории Соединенных Штатов в 1921 году считалось 340 тысяч краснокожих; но и в лучшие времена их было не больше 3/4 миллиона на всем колоссальном пространстве от Лабрадора до Рио-Гранде. Не было тогда на свете человека с такой сильной фантазией, чтобы всерьез предвидеть опасность настоящего «вытеснения» туземцев пришельцами. Туземцы боролись не потому, что сознательно и определенно боялись вытеснения, а просто потому, что никакая колонизация нигде никогда и ни для какого туземца не может быть приемлемой.

Каждый туземный народ, все равно, цивилизованный или дикий, смотрит на свою страну как на свой национальный дом, где он хочет быть и навсегда остаться полным хозяином; не только новых хозяев, но и новых соучастников или партнеров по хозяйству он добровольно не допустит.

Это относится и к арабам. Примирители в нашей

среде пытаются уговорить нас, будто арабы – или глупцы, которых можно обмануть «смягченной» формулировкой наших истинных целей, или продажное племя, которое уступит нам свое первенство в Палестине за культурные и экономические выгоды. Отказываюсь наотрез принять этот взгляд на палестинских арабов. Культурно они отстали от нас на 500 лет, в духовном отношении они не обладают ни нашей выносливостью, ни нашей силой воли; но этим вся внутренняя разница и исчерпывается. Они такие же тонкие психологи, как и мы, и так же точно, как и мы, воспитаны на столетиях хитроумного пилпула: что бы мы им ни рассказывали, они так же хорошо понимают глубину нашей души, как мы понимаем глубину их души. И к Палестине они относятся по крайней мере с той же инстинктивной любовью и органической ревностью, с какой ацтеки относились к своей! Мексике или сиуксы к своей прерии. Фантазия о том, что они добровольно согласятся на осуществление сионизма в обмен за культурные или материальные удобства, которые принесет им еврейский колонизатор, – эта детская фантазия вытекает у наших «арабофилов» из какого-то предвзятого презрения к арабскому народу, из какого-то огульного представления об этой расе как о сброде подкупном, готовом уступить свою родину за хорошую сеть железных дорог. Такое представле-

ние ни на чем не основано. Говорят, что отдельные арабы часто подкупны, но отсюда не следует, что палестинское арабство в целом способно продать свой ревнивый патриотизм, которого даже папуасы не продали. Каждый народ борется против колонизаторов, пока есть хоть искра надежды избавиться от колониационной опасности. Так поступают и так будут поступать и палестинские арабы, пока есть хоть искра надежды...

Многие у нас все еще наивно думают, будто произошло какое-то недоразумение, арабы нас не поняли, и только потому они против нас; а вот если бы им можно было растолковать про то, какие у нас скромные намерения, то они протянули бы нам руку. Это ошибка, уже неоднократно доказанная. Напомню один случай из множества. Года три тому назад г-н Соколов, будучи в Палестине, произнес там большую речь об этом самом недоразумении. Он ясно доказал, что жестоко арабы ошибаются, если думают, будто мы хотим отнять у них их собственность, или выселить их, или угнетать их; мы даже не хотим еврейского правительства, мы хотим только правительства, представляющего Лигу Наций. На эту речь арабская газета «Кармель» ответила тогда передовицей, смысл которой передаю на память, но точно. Сионисты напрасно волнуются: никакого недоразумения нет. Г-н Соко-

лов говорит правду, но арабы ее и без него прекрасно понимают. Конечно, сионисты теперь не мечтают ни о выселении арабов, ни об угнетении арабов, ни об еврейском правительстве; конечно, они в данный момент хотят только одного – чтобы арабы им не мешали иммигрировать. Сионисты уверяют, что они будут иммигрировать лишь в таких количествах, какие допускаются экономической емкостью Палестины. Но арабы и в этом никогда не сомневались: ведь это трюизм, иначе и неммыслимо иммигрировать. Арабский редактор готов даже охотно допустить, что потенциальная емкость Палестины очень велика, т. е. что в стране можно поселить сколько угодно евреев, не вытеснив ни одного араба. «Только этого» сионисты и хотят – и именно этого арабы не хотят. Потому что тогда евреи станут большинством, и тогда само собой получится еврейское правительство, и тогда судьба арабского меньшинства будет зависеть от доброй воли евреев; а что меньшинством быть неудобно, про то сами евреи очень красноречиво рассказывают. Поэтому никакого недоразумения нет. Евреи хотят максимального развития иммиграции, а арабы именно еврейской иммиграции не хотят.

Это рассуждение арабского редактора так просто и ясно, что его следовало бы заучить наизусть и положить в основу всех наших дальнейших размышле-

ний по арабскому вопросу. Дело вовсе не в том, какие слова – герцлевские или сэмюэлевские – будем мы говорить в объяснение наших колонизаторскими усилий. Колонизация сама в себе несет свое объяснение, единственное, неотъемлемое и понятное каждому здоровому еврею и каждому здоровому арабу. Колонизация может иметь только одну цель; для палестинских арабов эта цель неприемлема; все это природе вещей, и изменить эту природу нельзя.

Многим кажется очень заманчивым следующий план: получить согласие на сионизм не от палестинских арабов, раз это невозможно, но от остального арабского мира, включая Сирию, Месопотамию, Геджас и чуть ли не Египет. Если бы это и было мыслимо, то и это не изменило бы основного положения: в самой Палестине настроение арабов по отношению к нам осталось бы то же самое. Объединение Италии было в свое время куплено той ценой, что, между прочим, Тренто и Триест остались под австрийской властью; но итальянские жители Тренто и Триеста не только не примирились с этим, а, напротив, с утроенной энергией продолжали бороться против Австрии. Если бы даже можно было (в чем сомневаюсь) уговорить арабов Багдада и Мекки, будто для них Палестина только маленькая, несущественная окраина, то и тогда для палестинских арабов Палестина осталась

бы не окраиной, а их единственной родиной, центром и опорой их собственного национального существования. Поэтому и тогда колонизацию пришлось бы вести против согласия палестинских арабов, т. е. в тех же условиях, что и теперь.

Но и соглашение с непалестинскими арабами есть тоже фантазия неосуществимая. Для того, чтобы арабские националисты Багдада, Мекки, Дамаска согласились уплатить нам такую серьезную цену, какой был бы для них отказ от сохранения арабского характера Палестины, т. е. страны, которая лежит в самом центре «федерации» и режет ее пополам, — мы должны предложить им чрезвычайно крупный эквивалент. Ясно, что есть только две мыслимые формы такого эквивалента: или деньги, или политическая помощь, или то и другое вместе. Но мы не можем им предложить ни того, ни другого. Что касается до денег, то смешно даже думать о том, будто мы сможем финансировать Месопотамию или Геджас, когда у нас и на Палестину не хватает. Для ребенка ясно, что эти страны, с их дешевым трудом, найдут капиталы просто на рынке, найдут гораздо легче, чем мы их найдем для Палестины. Всякие разговоры на эту тему о материальной поддержке суть или ребяческий самообман, или недобросовестное легкомыслие. И уже совсем недобросовестно с нашей стороны было бы

всерьез говорить о политической поддержке арабского национализма. Арабский национализм стремится к тому же, к чему стремился, скажем, итальянский до 1870 года: к объединению и государственной независимости. В переводе на простой язык это означает изгнание Англии из Месопотамии и Египта, изгнание Франции из Сирии, а потом, быть может, также из Туниса, Алжира и Марокко. С нашей стороны хотя бы отдаленно помогать этому было бы и самоубийством, и предательством. Мы опираемся на английский мандат; под декларацией Бальфура в Сан-Ремо подписалась Франция. Мы не можем участвовать в политической интриге, цель которой отогнать Англию от Суэцкого канала и Персидского залива, а Францию совершенно уничтожить как колониальную державу. Такую двойную игру не только нельзя играть: о ней даже и думать не полагается. Нас раздавят – и с заслуженным позором – прежде чем мы успеем шевельнуться в этом направлении.

Вывод: ни палестинским, ни остальным арабам мы никакой компенсации за Палестину предложить не можем. Поэтому добровольное соглашение немислимо. Поэтому люди, которые считают такое соглашение за *conditio sine qua non* сионизма, могут уже теперь сказать *non* и отказаться от сионизма. Наша колонизация или должна прекратиться, или должна про-

должаться наперекор воле туземного населения. А поэтому она может продолжаться и развиваться только под защитой силы, не зависящей от местного населения – железной стены, которую местное население не в силах прошибить.

В этом и заключается вся наша арабская политика: не только «должна заключаться», но и на самом деле заключается, сколько бы мы ни лицемерили. Для чего декларация Бальфура? Для чего мандат? Смысл их для нас в том, что внешняя сила приняла на себя обязательство создать в стране такие условия управы и охраны, при которых местное население, сколько бы оно того ни желало, было бы лишено возможности мешать нашей колонизации административно или физически. И мы все, все без исключения, каждый день по-нукаем эту внешнюю силу, чтобы она эту свою роль исполняла твердо и без поблажек. В этом отношении между нашими «милитаристами» и нашими «вегетарианцами» никакой существенной разницы нет. Одни предпочитают стену из еврейских штыков, другие из ирландских; третьи, сторонники соглашения с Багдадом, готовы удовлетвориться багдадскими штыками (вкус странный и рискованный); но все мы хлопочем денно и нощно о железной стене. Но при этом мы же сами зачем-то портим свое дело декларацией о соглашении, внушая мандатной державе, будто дело

не в железной стене, а в еще новых и новых разговорах. Эта декларация губит наше дело; поэтому дискредитировать ее, показать и ее фантастичность, и ее неискренность – это есть не только удовольствие, но и долг.

Считаю нужным здесь же вкратце сделать еще два замечания.

Во-первых: на избитый упрек, будто вышеизложенная точка зрения неэтична, отвечаю: неправда. Одно из двух: или сионизм морален, или он не морален. Этот вопрос мы должны были сами для себя решить раньше, чем взяли первый шекель, и решили положительно. А если сионизм морален, т. е. справедлив, то справедливость должна быть проведена в жизнь, независимо от чьего бы то ни было согласия или несогласия. И если А, В или С хотят силой помешать осуществлению справедливости, ибо находят ее для себя невыгодной, то нужно им в этом помешать, опять-таки силой. Это этика; никакой другой этики нет.

Во-вторых, все это не значит, что с палестинскими арабами немыслимо никакое соглашение. Невозможно только соглашение добровольное. Покуда есть у арабов хоть искра надежды избавиться от нас, они этой надежды не продадут ни за какие сладкие слова и ни за какие питательные бутерброды, именно потому, что они не сброд, а народ, хотя бы и отсталый, но

живой. Живой народ идет на уступки в таких огромных, фатальных вопросах только тогда, когда никакой надежды не осталось, когда в железной стене не видно больше ни одной лазейки. Только тогда крайние группы, лозунг которых «ни за что», теряют свое обаяние, и влияние переходит к группам умеренным. Только тогда придут эти умеренные к нам с предложением взаимных уступок; только тогда станут они с нами честно торговаться по практическим вопросам, как гарантия против вытеснения, или равноправие, или национальная самобытность; и верю, и надеюсь, что тогда мы сумеем дать им такие гарантии, которые их успокоят, и оба народа смогут жить бок о бок мирно и прилично. Но единственнь путь к такому соглашению есть железная стена, т. е. укрепление в Палестине власти, недоступной никаким арабским влияниям, т. е. именно то, против чего арабы борются. Иными словами, для нас единственный путь к соглашению в будущем есть абсолютный отказ от всяких попыток к соглашению в настоящем.

1924 г.

«Круглый стол» с арабами

Судя по беседе Х. Е. Вейцмана с сотрудником лондонской еврейской газеты «Цейт», д-р Вейцман собирается по случаю поездки своей в Палестину попытаться наладить соглашение с тамошними арабами. А судя по тамошним арабским газетам в передаче ЕТА, арабские руководители, именно муфтии и другие важные у них деятели, заранее отказываются вести какие бы то ни было переговоры с сионистами. Поэтому приходится считать еще недоказанным, что переговоры состоятся. Но одно можно считать доказанным: если и состоялись бы и если бы при этом, как мы все же надеемся, сионистские представители не согласились бы отречься от сионизма, то переговоры ни к чему доброму не могли бы привести.

Мира с арабами желаем мы все. Доказывать кому-либо из евреев, что такой мир желателен, значит ломиться в открытую дверь. Вопрос не в нас, а в палестинских арабах.

Мы все не только желаем мира: мы все, все евреи и сионисты всех толков, желаем блага палестинских арабов. Мы не желаем вытеснить ни одного араба ни с левого, ни с правого берега Иордана. Мы желаем, чтобы они росли и в экономическом, и в культурном

отношении. Будущий строй еврейской Палестины мы все представляем себе так: большинство населения будет еврейское, но равноправие всех граждан будет не только обеспечено, но и проведено в жизнь; оба языка и все религии будут равноправны, и каждая национальность получит широкие права культурного самоуправления. Но вопрос в том, достаточно ли это для арабов. И даже не «вопрос».

Нелепо закрывать глаза, когда пред нами большие и глубокие психологические факты. У палестинских арабов есть три политических лозунга; формулировать их, конечно, умеют только немногие (руководители, интеллигенция), но масса в этом с ними согласна. Вот эти лозунги, с необходимыми пояснениями, на основании аутентичных заявлений, сотни раз печатавшихся:

1. Арабы требуют для себя права контролировать еврейскую иммиграцию. Это не значит непременно, что они хотят выгнать из Палестины евреев, уже там поселившихся, или никого больше туда не впускать. Вполне возможно, что они согласились бы даже на продолжение еврейской иммиграции и впредь. Но они требуют, чтобы размеры этой иммиграции определялись ими, арабами, согласно их воле и их интересам; и для того им, главным образом, и нужен парламент и ответственное правительство.

2. Арабы требуют создания большой арабской федерации с единым федеральным парламентом и правительством: вроде Германии до войны, или вроде Соед. Штатов. В федерацию должны войти обе половины Палестины, Сирия и Месопотамия: многие мечтают и о Египте; а в будущем войдут в нее постепенно и остальные земли, арабские по расе или по языку. Чтобы понять, что это значит для нас, представим себе такое, сравнительно уже благоприятное положение: что нас в Палестине не 160 тысяч, а почти вдвое больше – 300 000. Тогда мы в Палестине – треть населения. В федерации с Сирией и Месопотамией – только около пяти процентов; с Египтом – полтора процента; и т. д.

3. Арабы хотят освободиться от европейского владычества. Это значит: чтобы Англия начисто ушла не только из Палестины, но также из Египта. Судана и Месопотамии; чтобы Франция начисто ушла из Сирии, Туниса, Алжира и Марокко; чтобы Италия ушла из Триполитании и Киренаики. Это свое требование они высказывают, где могут (в том числе в Палестине) совершенно открыто. Я теперь не обсуждаю его по существу: хочу только напомнить, что в глазах огромного большинства французов, итальянцев и даже англичан такая ликвидация их колониальных позиций на Средиземном море и на Среднем была бы нацио-

нальной катастрофой. Притом на еще отметить, что этот третий лозунг неотделим второго, т. е. федерация немыслима без изгнания Европы.

Если мы хотим мира с арабами, то мы должны быть готовы сделать им уступки в том, что их интересует. Есть, правда, у нас мечтатели, которым кажется, будто палестинских арабов можно «склонить при помощи выгод экономического характера; (уж не касаясь того, откуда мы возьмем эти экономические выгоды для них, когда у нас и для себя не хватает) эта мечта вытекает из бездонного неуважения к арабской душе, для которого у нас никаких оснований нет. Отдельных арабов можно купить, но целую народность никто не уговорит добровольно отказаться от национальных замыслов за «экономические выгоды». Чтобы добиться у арабов сдвига национальной их позиции в нашу пользу, мы должны предложить им наше содействие именно в области их собственных национальных стремлений, т. е. в области вышеуказанных трех лозунгов; иначе и разговривать не о чем.

Интересно поэтому знать, который из этих арабских лозунгов согласны наши присяжные миролюбиво поддерживать.

Первый? То есть согласиться на то, чтобы определение размера еврейской колонизации зависело от воли наших арабских соседей? Или, скажем, заранее

сговориться с ними на том, чтобы наша иммиграция никогда не возросла выше известного предела, дабы арабы навсегда остались в Палестине большинством а мы меньшинством?

Или второй? То есть согласиться не просто на федерацию арабских стран (это их дело, а не наше), но и на вступление в эту федерацию Палестины, т. е. на превращение нашего «национального дома» в одно и самых мелких гетто на свете?

Или третий? То есть объявить войну Англии, Франции и Италии, превратить сионистское движение в союз агитаторов против колониальной позиции этих держав, стать в каждой из этих стран врагами государства, а в Европе вообще – соратниками третьего интернационала?

Достаточно поставить эти совершенно логичные вопросы, дабы увидеть, что о соглашении тут не может быть речи. Это печально, но это есть объективный факт.

И именно потому, что невозможность соглашения с палестинскими арабами есть объективный факт, – именно потому оно до сих пор еще не состоялось. Вот уже семь лет и больше, как сионистским движением совершенно беспримесно управляют самые горячие сторонники еврейско-арабского сближения. И экзекутива в Лондоне, и экзекутива в Иерусалиме, и си-

онистское чиновничество, и заправилы «университета», и заправилы «левых» – все это почти поголовно люди, мечтающие о «сближении». Есть, наконец, специальная партия Берит-Шалом. И огромное большинство этого круга живет в Палестине, бок о бок с арабами. Тем не менее до сих пор они все вместе не решились даже хотя бы начать переговоры, хотя бы просто сесть за тот самый «круглый стол». Единственную попытку сделали, кажется, главари Берит-Шалом; но им арабы ответили, устами газеты «Фелестин», что и «сионизм» в духе гг. Магнеса и Лурье для них, арабов, неприемлем. Остальные же еврейские миролюбцы и вообще не решились до сих пор на пробу. Почему? Дело ясное: каковы бы ни были их заблуждения, некоторое чутье реальностей у них все же осталось, и они ясно видели, что круглый стол не даст ничего, кроме круглого нуля.

Но есть опасение, что все эти разговоры о круглом столе суть разговоры не только праздные, а еще и вредные. Самое опасное место в недавнем письме г. Макдональда есть то, где он заявляет, что «не может быть полного решения проблемы без еврейско-арабского соглашения». Это значит: если арабы не согласятся на сионизм, Англия умывает руки. Против такого толкования мандатных обязательств я против признания за арабами права «вето» над всеми приняты-

ми Англией обязательствами перед еврейским народом – надо бороться всеми силами; иначе наше дело станет уже действительно безнадежным. Мы должны раз навсегда поставить на вид державе – мандатарю, что в мандате есть оговорки о «гражданских и религиозных правах» арабов, но нет оговорки об их «согласии»; и что обязательства Англии обязательны для Англии независимо от местных настроений. Вместо того (и еще в данный момент, т. е. как бы прямо в ответ на письмо г. Мандональда!) мы как бы отвечаем: «вы правы, сэр, слушаемся» – сами поднимаем вопрос о соглашении, т. е. опять, имени сионизма, нравственно санкционируем такое толкование мандата, которое для сионизма губительно.

Мир в Палестине будет, но будет тогда, когда евреи станут большинством или когда арабы убедятся в неизбежности такого исхода: т. е. именно тогда, когда им станет ясно, что «решение проблемы» не зависит от их согласия. Тогда, как народ разумный они возьмут на себя инициативу переговоров; и тогда, не сомневаюсь, они встретят у сионистов полную готовность обеспечить за ними все права, кроме одного права: кроме права мешать еврейской иммиграции. До тех пор – все попытки переговоров с еврейско-арабском политическом соглашении тщетны и вредны.

1925 г.

АМИНЬ ⁴

...Во многих палестинских газетах, а также и в диаспоре, появился ряд статей, осуждающих еврейский контртеррор в Палестине, очень усилившийся за последнее время. Вкусив плоды агитации наших противников, я беру на себя смелость сказать, что они очень слабы, написаны без какого-либо подъема духа, без настоящей злобы, написаны просто от нечего делать.

Нет никакого сравнения с тем энтузиазмом, с которым эти же писаки боролись за «чудеса» хавлаги (непротивления) еще год тому назад.

Читая эти статьи сегодня, вы сразу же чувствуете их неискренность, как видно, авторы считают всех своих собратьев, а прежде всего самих себя, лжецами. В конце то концов, раскрывая утреннюю газету, они ищут не простые новости из Палестины, а новости специфического характера и содержания – не найдя таковых они разочаровываются. Такое ожидание «этого самого» характерно для евреев всех стран. Сведения о чем-то особенном, чрезвычайном, происходящем в Палестине, интересуют всех без исключения, левых, правых и центр.

⁴ Печатается с небольшими сокращениями.

Конечно, есть люди, не симпатизирующие сегодняшним событиям – Правительство фактически объявило им, что они никуда не годятся, никто на них не обращает внимания, и будут ли они называть себя Агентством, Ваад Леуми или еще Бог знает как, это не прибавит им ни унции авторитета и влияния. Подобные фразы несомненно звучат пренеприятно в их ушах. Тем не менее, сейчас и эти люди жаждут услышать «это самое» и что искусственно заставит их холодную кровь нормально циркулировать, если не кипеть. Положение пикантное. Попробуйте внушать себе остановиться, когда душа всеми своими фибрами хочет летать, бежать, двигаться, не переставая вперед.

Начал я писать об этом в Варшаве, продолжаю в Лондоне.

Каждый день и час горько и больно доказывает, как я был прав в своих заключениях: Агентство в Ишув не будет реагировать на все происходящее. Хуже даже чем не реагировать, они будут просить и умолять у Правительства кооперации с ним.

Они согласны проглотить, что угодно. Они принимают какие угодно удары на свою голову, принимают таковые с готовностью, проявляя свою душевную доброту (протестуя, конечно, для отвода глаз). Самый тяжелый удар все же пришелся не на Ишув, а на нас

(Диаспору) – запрещение иммиграции.

Я вижу, что даже пессимист вроде Вашего покорного слуги, не мог понять и уяснить себе еще месяц тому назад, как далеко и глубоко может зайти Агентство в своем «терпении».

В то время я пытался доказать, что макдональдовская Белая Книга не нанесла прямого удара интересам Ишува, не считая атаки на куплю земли; вся сила была направлена против евреев диаспоры; нечего было надеяться и ждать должного ответа от Агентства в Ишуве на Белую Книгу.

Сейчас я вижу, что в то время я «недооценил» Белую Книгу как таковую, и психологию Агентства. Белая Книга, правда, не содержит специфических атак на Ишув, но она вынесла суровый приговор общему положению «привилегированного меньшинства». Мандатная бюрократия в Палестине всегда была настроена антиеврейски, и до вчера на не имела возможности себе проявить.

Теперь повязка сорвана с их рта. Сейчас вовсе не опасно для английского сержанта оскорбить или ударить почтенного еврея в длиннополом сюртуке, тем более что тот заявляет о своей принадлежности к еврейскому Агентству; возможно сержанту было дано понять, что это отнюдь запрещается.

В скором времени такие поступки будут считать-

ся возможными, представлять собой нечто вроде спорта, или любимого занятия и вот тогда понятию «не воспрещается» придет на смену «желательно» или даже «необходимо».

Несмотря на все это про-агентски настроенная часть Ишува продолжает и будет продолжать оставаться пассивной, безучастной и инертной ко всему происходящему.

На все случившееся они возразят, что такова судьба, против которой не пойдешь, а затем как и всегда, начинается «знаменитая» реакция, выражающаяся в кооперации с Бьющей рукой, собиранием денег, предоставлением средств и земли членам Гистадрута и тому подобным «логическим», «ответным» и «сильным» контрмерам. – «Наш ответ на все – приобретайте землю».

Мы, несомненно, будем еще свидетелями того, как в музее Старой Сионистской психологии и фразеологии появятся и возродятся давно забытые, покрытые пылью явления вроде, например; возрождения движения Хибат Цион. Понятие «Политический Сионизм» – будет приниматься как нецензурное слово, как брань – нечто вроде «ревизионизма» сегодня...

В связи с вопросом о кооперации с Правительством, или же наоборот, отказом от кооперации, возникает острый вопрос: какую позицию должен занять

Ишув по отношению к тем из должностных лиц, кто, так или иначе, прямо или косвенно способствуют и содействуют антиеврейской политике.

Это относится, главным образом, к различным секциям полицейской службы – сфера, в которой за последнее время произошел ряд драматических инцидентов. Ишув должен глубоко вдуматься, и должно отнестись, основываясь на моральной и национальной точках зрения, к евреям, помогающим искать и ловить ищущих пристанища, беженцам и нелегальных иммигрантов.

Есть такие лица из Сыскных Департаментов. Работа их направлена против наших элементарных интересов, как то: вопрос о самозащите и др.

Я не сомневаюсь, что среди еврейских политиков есть много честных, искренних патриотов, не знающих как поступить в данный момент. Существуют три выхода из данного положения: а) продолжать вредную для евреев работу, лицедействуя и охраняя интересы правительства, б) обманывать правительство, защищая в первую очередь интересы своих единоверцев и, наконец, в) оставить службу вообще и найти более подходящее спокойное занятие. Я готов биться об заклад, что вопрос будет разрешен с одной только точки зрения: интересы кармана.

Честнейший выход – массовые отказы от такой

службы – невозможен. Это бы повело к безработице и легло бы тяжестью на священные фонды.

В скором времени, мы услышим о новой идеологии: строительство страны требует от своих еврейских агентов максимум энергии и преданности правительству, в противном случае таковые лица будут безжалостно увольняться со службы.

Найдутся, конечно, и такие, которые скажут: «Мы согласны, но требуем обеспечения личной безопасности» и вот тогда, точно так же, как Всемогущий Бог оградил Каина, дав ему паспорт, с которым тот был спокоен, т. к. каждый тронувший его должен был бы понести семикратное наказание, они будут иметь возможность проявить себя. Я могу почти определенно назвать газету, где эта миссия будет названа почетной, будет благословенна и утверждена. Думаю, что я знаю и будущего автора ее.

Я не преувеличиваю. Если в британской политике в ближайшее время не произойдут перемены массового характера – с уничтожением Белой Книги, как таковой – все мои страхи оправдаются, претворятся в жизнь в еще более ужасной форме.

Это произойдет не потому, что люди были рождены с такими душами: люди все одинаковы, но деньги, богатство – могущественный фактор и все в мире находится в их досягаемости и зависимости. Золото

является ядом, отравляющим колодцы морали, правосудия и патриотизма. Великая идея Сиона должна быть строго ограждена и охранена от этого всеразрушающего зла.

Нам могут задать вопрос, хотим ли мы, евреи диаспоры – носители горя и надежды, сдать свои позиции борьбы с Белой Книгой. Я считаю борьбу с Белой Книгой, с теперешним режимом нашей «линии Мажино» – сдав и отказавшись от нее, мы повергнем миллионы людей в неизлечимое деморализованное отчаяние.

Все знают, что это так – неевреи в первую очередь. По мнению британских официальных коммюнике, евреи не проявляют никакого энтузиазма в отношении мер правительства против бандитов и налетчиков, а также не проявляют враждебности к налетчикам вообще. Совершенно верно, Джони, ты становишься психологом на старости лет.

Еще одно взаимопонимание или скорее даже ложь должна быть уничтожена. Не так давно я читал заметку в одном еженедельнике – интересная история. Банда арабов атаковала еврейское поселение – поселенцы ответили огнем на огонь, а затем на место явился взвод английских солдат, отразивший атаку бандитов. Солдаты вместе с частью поселенцев преследовали бандитов и убили и взяли в плен (вместе) большое число последних.

«Это наш еврейский ответ на нападение, – газета гордо заявляет, – направленный не против невинных, а против убийц должных понести наказание». Очень хорошо, но не очень умно. Вместе с английскими солдатами это не трудно.

В парижских сионистских кругах рассказывают следующую историю. В Париже проживает ветеран-сионист некий Найдич, очень щедрый человек, известный как филантроп. На одном митинге однажды, производился сбор денег для какой-то благотворительной цели. Один из друзей Найдича подымается со своего места и объявляет: «Я вместе с Найдичем жертвуем первые десять тысяч на эту цель». Случилось так, что на этом же собрании присутствовал покойный Шмаряху Левин, бедняк, но необычайно остроумный человек. Он прервал слова приятеля Найдича, заявив: «Я с Найдичем вместе также даю десять тысяч: и вот теперь скажите, что Вы даете?»

Я надеюсь, г-н Найдич простит мне упоминание его имени, но люди не должны обманывать себя такого рода «героизмом» и кооперацией с бьющей рукой.

Не следует обманывать себя и других красивыми словами. «Око за око и зуб за зуб» – в отношении бандитов, понравилось бы каждому, но дело не в этом. Я еще раз повторяю, что мы должны или на удар отвечать ударом, иди же безропотно склонять голову при

каждом ударе.

Все это не ново, – вспомним мировую войну и ряд интересных фактов и уроков, данных ей нам.

Во время мировой войны немцы посылали свои аэропланы и цеппелины бомбардировать Лондон, в течение некоторого времени англичане воздерживались от принятия аналогичных мер в отношении немецких городов. Приводились доводы – это мол, варварство, нечеловечно и присуще одним только тевтонам и что же, в конце концов, английское общественное мнение убедило правительство принять реваншные меры против Германии. На очередную бомбардировку Лондона англичане ответили бомбардировкой ряда немецких городов.

Англичане, несомненно, понимали, что сбрасывая бомбы на города, они в первую очередь уничтожат жизни и дома невинных жителей. Остановило ли это их? Почему они отказались от сопротивления? Разве не ответят англичане и французы на убийство своих женщин и детей такими же мерами, в теперешний конфликт? Было бы не умно задумываться над этим. На террор – мы ответим контр террором, на атаку – контратакой. Посмотрим, кому надоеет это дело и кто победит...

Я считаю, что объяснил своим читателям и слушателям довольно ясно – во время войны не приходит-

ся задавать себе вопросы: «что лучше» стрелять во врага или не отвечать.

Единственный дозволительный вопрос, могущий возникнуть при данных обстоятельствах, это как раз наоборот: «что хуже» – дать себя убить или поработить без сопротивления, или же бороться до последних сил, со всеми вытекающими из этого ужасными последствиями.

Слово «лучше» не существует вообще. Все связанное с войной ужасно само по себе. Когда вы стреляете во вражеского солдата, не обманывайте и себя уверениями, что стреляете исключительно в «виновных». Я помню этих «виновных» – на палестинском фронте в 1918 г.: турецкие крестьяне – славные ребята, отцы коих должны были быть горды, имея таких сыновей. Никто из них не питал злобы ни к Британии ни к нашему Легиону, тем более, никто из них не желал войны вообще они желали одну вещь – свой дом. Каждый раз как кто-нибудь из них был убит, свершалось величайшее преступление и когда мы теряли людей убитыми и ранеными, но, пожалуй, нам в этом отношении было легче, так как мы были волонтеры – добровольно решившие отдать свои жизни за освобождение и защиту своей родины.

Быть хорошим для других – это позволить себя убить, унижить и отказаться от того, что дорого нам:

страна, свобода, надежда.

Латинская пословица гласит: из двух зол выбирай меньшее. В наш век господства и преклонения перед силой, мы можем задавать себе только один вопрос, «что хуже». Продолжать Хавлагу, наблюдать, как наши братья безжалостно убиваются, как среди арабов растет убеждение, что мы трусы и наши жизни ничего не стоят и как Британцы, а за ними и весь мир убеждаются в том, что мы гнем спины под ударами, подымаем руки вверх и никаким образом не можем быть рассматриваемы, ни как противники, ни как союзники в тяжелое военное время? Нет!

Ужасное положение. Но еще больший ужас – это Галут, Рассеяние; чернейшей характеристикой Галута является твердо сложившееся мнение о дешевизне нашей крови – крови, которую можно проливать, и за которую не надо платить.

Этому пришел конец в Палестине. Аминь.

1939 г.

Разговор с Зангвиллем

Этот разговор произошел более двадцати лет тому назад в городе Престоне, вблизи от Лондона жил Израиль Зангвилль.

«Я последователь Герцля и следую его учению и его мудрости», говорил он. «Прежде всего, это политический вопрос. Вы можете строить еврейскую страну, только если Правительство согласно. Когда я увидел, что Турецкое Правительство никогда не согласится, я сказал себе: Еврейское Государство не может быть построено в Палестине – поэтому поищем другое место.

Но теперь я вижу, что возможно, что Палестина будет покорена Британией, появилась новая надежда, которая и приветствую и которую я готов использовать и от всего сердца. Все это очень просто и это дело не должно быть превращено в сантиментальную метафизику. Годится ли Палестина? Хорошо – мы будем иметь Палестину. Не годится? Мы будем иметь Уганду или Анголу, или какую-нибудь другую подходящую страну с порядочным Правительством».

Я не был согласен с таким упрощенным отношением к делу, но разговор с Зангвиллем был большим интеллектуальным удовольствием, даже когда каж-

дое его слово противоречило самым дорогим для вас принципам – может быть еще больше именно в подобных случаях.

У него был «колкий», пронизательный, острый ум, который с презрением относился к общепринятым понятиям и не боялся все подвергать вопросу.

Перед самым началом Великой войны, когда подавляющее большинство в Англии было за интервенцию в войну, он публично боролся против той тенденции и публично заявлял, что быть союзником царской России хуже, чем симпатизировать Германии.

В этом он также ошибался, может быть, он вообще ошибался во всем. Но это не важно. Существуют люди, в каждой ошибке которых больше смысла, чем в дюжине тупоумных истин. Качество ума часто бывает более важным, чем содержавшие лекции.

Нити мысли Зангвилля, хотя и приходили часто к выводам, которые ничего не стоили, но всегда действовали возбуждающе на слушателей и заставляли их самих думать. Это качество называется «имбирем», чем-то, что дает неинтересному блюду пикантный бодрящий привкус.

Любопытный маленький факт, неизвестный даже многим филологам: на «иврит» или, во всяком случае, на иврите Талмуда есть слово «зангвилл» и оно значит «имбирь»...

Я вспомнил на этой неделе об одном из этих разговоров с Зангвиллем, когда прочел о предполагаемом принудительном переселении 250 000 германцев из Тироля. Иностранцев тоже изгоняют, но я не думаю об этом, я говорю о тех 250 000 итальянских граждан, с немецким языком и национальностью, которым Италия, согласовав этот вопрос с Германией, теперь приказывает эмигрировать из страны, где они родились, и отправиться или в Германию или в Африку.

Газеты недоумевали относительно причин для подобного соглашения. Я не вижу загадки, по-моему, вопрос вполне ясен. Германия все еще была должна Италии концессию за ее первые услуги – за то, что она не мешала «аншлюсу» Австрии, и со времени той услуги Италия оказала еще несколько услуг и пока еще не получила ничего взамен.

С другой стороны не секрет, что многие итальянцы сильно подозревают, что может быть окажется не очень здорово иметь общую пограничную линию с Германией в особенности, когда нацистские ораторы так громко кричат о том, что Германия должна, в конце концов, поглотить каждый кусок земли, который когда-либо принадлежал Австрии. Южный Тироль тоже некогда принадлежал Австрии.

Поэтому нет никаких сомнений в том, что наступил момент, когда Муссолини сказал Гитлеру; «Ты должен

теперь деть мне ясное доказательство того, что Германия никогда не будет иметь никаких претензий на Южный Тироль. Правда, ты сказал это, но слов недостаточно. Ты должен помочь мне ликвидировать самый корень германского ирредентизма – ликвидацией германского меньшинства в Южном Тироле так, чтобы не осталось и следа от этой проблемы».

Таким образом, это было решено. Нет никакого сомнения в том, что этот ход включает в себе целый ряд новых элементов.

Я не знаю, имеется ли точно такой же прецедент в истории, хотя и имеется много отчасти похожих прецедентов. Весь этот «подход» к проблеме национальных меньшинств в данном случае в корне отличается как от подхода старого доброго «Полицейского» Правительства.

Старое, доброе «Полицейское» Правительство старалось ассимилировать меньшинства, либеральные режимы старались удовлетворить их, давая им (только на бумаге) некоторую степень самоопределения. Оба метода часто вели к разочарованию и беспорядкам. Диктаторы идут дальше: они хотят избавиться от меньшинств.

Как я уже сказал, это ново и все же не ново. Кемаль Паша тоже однажды избавился от армянского меньшинства... перебив их. Позже, в 1923 году, он ликви-

дировал греческое меньшинство так же... поместил почти полтора миллиона душ на пароходы и отправил их за море в Македонию, но, во-первых, он не спрашивал у греческого правительства, хотят ли они их или не хотят и, во-вторых, греки оплатили тем, что выгнали полмиллиона турков и поэтому эту сделку стали называть (в некоторых текстовых книгах вежливые авторы) «обмен населением между Грецией и Турцией»...

Но здесь, в Тирольском договоре, речь идет не об отношении врага к врагам, а о друзьях, или, по крайней мере, о кажущихся друзьях. Это договор о взаимной услуге, о помощи, и здесь не возникает вопрос об «обмене», ибо в Северном Тироле, среди германцев нет итальянцев.

«Хороший» ли это поступок или «плохой» – трудно сказать: что касается меня лично, то я должен признаться, что по отношению к обоим джентльменам диктаторам я не могу быть объективным, и что они ни делают, мне не нравится даже еще до того, как я внимательно разбираюсь в чем дело. Если им повезет даже в самом элементарном вопросе, например, в урожае этого года, мне кажется, что это нехорошо... и может быть, я прав. Вот почему я не хочу глубоко вникать в вопрос о том, хорошо ли это или плохо, но ясно одно – здесь создан прецедент, который мир от-

метит и не забудет, и этому прецеденту может быть суждено еще сыграть важную роль также и в нашей, еврейской, истории...

Здесь будет уместно привести тот разговор с Зангвиллем в летний день приблизительно в 1916 году.

«Если они дадут нам «хартию» на Палестину», сказал он, «что вы думаете сделать с арабами?»

Я дал ему обычный ортодоксальный ответ: в Палестине по обеим сторонам Иордана хватит места для шести или восьми миллионов, всего имеется полмиллиона арабов (согласно статистике того времени) так, что они не могут никому мешать, и им дадут все самые либеральные права для меньшинства, согласно нашей собственной Гельсингфорсской программе.

«Все это пустые слова», – ответил он. – «Я знаю, что в нашей Восточной Европе имеется десять национальностей в каждом районе, и вам это кажется нормальным, а нам на Западе это кажется болезнью, которая не поддается никакому излечению. Допустить подобное положение в нашей еврейской стране, это все равно, что самим себе выцарапать глаза... Если мы получим Палестину, арабы должны будут (трек)».

«Я не уверен в том, что они захотят уйти, – заметил я. – И куда им идти?» Его ответ был «Месопотамия». В то время все еще помнили о грандиозной схеме инженера Вилкокса, строителя знаменитых ирригацион-

ных работ в Египте, провести еще более значительную по масштабам ирригационную схему в Месопотамии и превратить страну, называемую Ираком, в самую богатую хлебную область во всем мире. Так что, почему бы им и не идти туда?

И он развил предо мной свою теорию о «перераспределении рас». Эта теория по всей вероятности, более ясно и правильно изложена где-нибудь в его книгах, но я не читал их и положусь на мою память.

Во-первых, Зангвилль считал, что нет ничего священо неприкосновенного в том, как история разбросала нации по лику Матери Земли. История вообще очень грешное существо, что бы она ни делала, почти всегда оказывалось плохим и неугодным, и три четверти того, что мы называем «прогрессом», состоит только из исправлений ошибок, глупостей и скверных шуток истории.

Она причинила бесконечные бедствия в особенности в вопросе о «распределении территорий» и фактически каждое столетие нации принуждены предпринимать массовую миграцию – в древние времена из Азии в Европу, в новые времена из Европы в Америку и Африку и Австралию, и, несмотря на это все еще остаются те же беспорядки и те же несправедливости.

Имеются народы, которые задыхаются, теснясь по 300 душ на квадратную милю, в то время как колос-

сальные плодородные площади в других областях мира пустуют.

И вывод из всего этого следующий: как и все в мире, и этот аспект жизни должен быть изменен и перестроен. Прогрессивные правительства должны объединиться и выработать план логического и справедливого перераспределения территорий так, чтобы каждый народ имел достаточно места и чтобы они не мешали друг другу и когда этот план будет готов и одобрен честными людьми, то его нужно будет выполнить.

Во-первых, что обозначает «выполнить?». Зангвилль также не признавал никакой священной неприкосновенности в идее о том, что миграция должна всегда быть добровольной.

Было время, когда старые, упрямые либералы в Англии резко протестовали против принудительной прививки оспы, лучше оспа, чем принуждение. Другие боролись против принудительного образования: почему нужно принуждать отца посылать своего ребенка в школу? Это его дело, хочет ли он, чтобы его ребенок учил азбуку. Совсем нет надобности в принуждении – 99 процентов сами захотят, чтобы их дети учились, а конечному одному проценту нужно дать право свободного выбора, но постепенно они свыклись с мыслью о том, что не каждое «принуждение» противоречит «свободе». Существуют такие вещи, всеоб-

щую пользу которых все признают, и в подобном случае было не глупо воздержаться от принуждения.

И Зангвилль был твердо убежден в том, что наступит такое время и в вопрос о иммиграции также.

Но прежде всего, нужно будет рассеять целый ряд сентиментальных сказок, которые затемняют рассудок: например, о том, что эмиграция является трагедией. Это одна из самых явных неправд во всем мире. Эмиграция – счастливое событие, в 90 процентах всех случаев на новом месте находятся более просторные, более здоровые условия жизни.

Возможно, что старые люди еще будут некоторое время «тосковать» по кривым, узким улочкам их родины, но дети вырастут ревностными гражданами новой страны, и те же старые люди, с тоской, если вы зададите им серьезный вопрос, ответят: «Да будет благословен тот день, когда я решил переехать сюда». Некоторые из них добавят: «Я сам не мог решиться, но дядя Джо ну просто освободил меня – благослови Господь дядю Джо». «И я», – сказал Зангвилль, – «хочу дать дяде Джо власть принуждать не семьи, а нации, и вскоре наступит время, когда они тоже будут благословлять его».

«Мистер Зангвилль, – сказал я, – но ведь это не имеет ничего общего с арабами в Палестине. Те примеры, о которых вы думаете, это все примеры таких

групп, которых или преследовали в их старых домах, или которые там голодали. Они сами хотели эмигрировать – и дядя Джо пришел и дал им лишь окончательный, приветственный толчок, так же вы приведете вашего коллективного дядю Джо, и он скажет им сделать то, что они уже сами давно хотели сделать».

«Но арабы этого совсем не хотят, и я уверен, что в Палестине никому не позволят преследовать людей. Может быть и можно оправдать, как вы говорите, элемент принуждения в том случае, когда это принуждение идет по тому же направлению, по которому идут и желания этих масс, но не в подобном случае».

Но Зангвиль счел этот мой аргумент за наивный пример старушечьего сентиментализма.

Если я не ошибаюсь, его аргументом было следующее: если мир серьезно хочет улучшить распределение территории, то это нужно выполнить таким образом, чтобы это действительно стало лучше.

Если вы хотите дать страну бездомному народу, глупо допускать, чтобы она стала страной с двумя народами. Это может только повести к бесконечным недоразумениям, как евреи, так и их соседи будут страдать. Вы должны выбрать. Или же должны найти другое место для евреев, или же другое место для соседей...

Несколько лет тому назад я бы по всей вероятно-

сти воздержался от того, чтобы цитировать подобный разговор.

Мысли Зангвилля по этому вопросу может быть и логичны, но они слишком далеки от моих собственных понятий. Мое поколение выросло в духовной атмосфере старо-российского энтузиазма в отношении свободы; вы можете нападать на него и называть его всевозможными именами – либерализмом, анархизмом, фатализмом – но я предпочитаю его. Я могу еще понять, что прогресс должен иногда проводиться с помощью военных действий, но не с помощью полиции, в особенности в вопросе о людских скитаниях; мое поколение (мне кажется, что все поколения) было бы смущено, если бы, например, Соединенные Штаты оказались результатом не свободного потока, систематического вынужденного роста.

Я не забыл моего разговора с Зангвиллем, но не стал излишним цитировать его или вообще говорить об этом предмете. Не следует, в конце концов, забывать о том, что его аргументы могут быть использованы не только по отношению к тем соседям, которые могут когда-нибудь «помешать» нам, евреям, но также и по отношению к другим странам и другим условиям – где мы, евреи, «мешаем» нашим соседям. Оставим это.

Турецкий прецедент 1923 года усилил мою антипа-

тию. То, что это теперь известно под именем «обмана» является, как я уже сказал, простой вежливостью, в действительности это было зверским изгнанием, пощечиной в лицо всем прежним идеям о справедливости и несправедливости. Гуманности и варварстве.

Но к моему изумлению я стал замечать за последние десять лет, что в кругах интеллигенции группирующихся вокруг Лиги Наций в Женеве, например, отношение к этому событию было далеко не отрицательным. Здесь также я должен процитировать один разговор, который я имел в Женеве.

«Ваше Сиятельство, почему вы называете это «обменом»? Вы ведь прекрасно знаете, что вначале это было зверским изгнанием одного миллиона трехсот тысяч полноправных турецких граждан, которые с незапамятных поколений всегда жили в Турецкой Анатолии...»

«Да, да, я знаю, все это Вы хотите сказать мне, что это было колоссальным преступлением и что мы, хранители «Женевского духа», не смели простить подобный поступок или относиться к нему, как к нормальному явлению. Но на деле это не так просто. Взгляните на результаты. Прошло тринадцать лет (разговор происходит в 1936 году), и посмотрите, какие результаты. Поезжайте в Македонию и спросите тех, которых изгнали, сожалеют ли они об изгнании, в особенно-

сти спросите их детей. Спросите также и других, старых жителей – совершил ли Кемаль Паша преступление против Греции или же он ей оказал услугу? Салоника из города со ста пятьюдесятью тысячами жителей превратились в метрополь с полумиллионным населением; и фактически в такой же самой пропорции выросли все города и деревни Македонии. В сельском хозяйстве, в промышленности наступил колоссальный прогресс, точно так же, как когда вы переливаете новую кровь в истощенный организм.

Вы говорите, что это не был «обмен». Но извините меня, это все был «обмен». Греческое Правительство ответило на изгнание Анатолийских греков изгнанием Македонских турков. Случайно, эти македонские турки были вполне хорошими людьми и христианская община ничего не имела против них, тем не менее, пойдите и спросите в Македонии, желал ли бы кто-нибудь их возвращения. Еще лучше, пойдите в Турцию, в Анатолию, куда привезли этих турков, и спросите их, тоскуют ли она о Греции (в особенности спросите у детей) и с другой стороны оплакивает ли общее население изгнание греков и хотело ли бы вернуть их обратно...

Короче говоря, за тринадцать лет дело как-то уладилось, и только ханжа будет отрицать то, что новое положение как в Турции, так и в Греции лучше и

нормальнее, чем прежнее положение, прежде всего и раньше всего то, что расовые раздоры закончились. Мой друг, я имею величайшее уважение к «Женевскому духу», но невозможно относиться как к преступлению, к событию, которое привело к хорошим последствиям и, более того, к желательным последствиям: устранению расовых конфликтов».

И ровно через год после этого женевского разговора, появился отчет Королевской Комиссии, содержащий написанное черным по белому предложение «обмена» арабов на евреев.

Слово «обмен» в данном случае было еще большим образчиком лицемерия: в проектируемом еврейском «угловом» государстве приблизительно шестьсот тысяч арабов, в то время как в предполагаемых арабских областях количество евреев, возможно, что равняется десяти тысячам, – возможно даже, что и меньше.

Комиссия Пиля сама понимала это и поэтому употребила слово «обмен» лишь один раз. Обычно говорилось о «переводе арабов». Королевская комиссия ясно и серьезно подразумевала принуждение. Правда, правительство позже несколько раз объявляло, что оно даже и не думает о какой бы то ни было принудительной эмиграции арабов, и можно им вполне поверить, но королевская комиссия имела другие мыс-

ли – в своем отчете они ссылаются на турецкий прецедент, как на «просветительный прецедент» без каких бы то ни было ограничений.

То, что от всей схемы раздела ничего не осталось, не имеет значения для нашей темы.

Что я хочу подчеркнуть, это только тот факт, что та идея, еретический парадокс Зангвилля, живет и движется в людских умах – и что для этого вам не нужно никакого фашистского диктатора...

Что показалось мне еще более замечательным это реакция наших еврейских умов на эту идею. Я уверен в том, что мне поверят, если я скажу, что когда я цитирую Правительственных Сионистов, это еще не означает, что мне нравится их поведение.

Наоборот, совсем наоборот.

Но они тоже ведь члены современного человеческого общества, они тоже в основном придерживаются демократических тенденций, они тоже евреи и боятся антисемитских осложнений в Диаспоре.

Вот почему также характерно и то, что весь правительственный сионизм ухватился обеими руками за идею о «переводе» и не только потому, что слово «перевод» разбудило в их сердцах сладкие воспоминания о жирных барышах. Нет, это сперва в этом предложении «Трека», они увидели всю квинтэссенцию и десерт плана о разделе.

Изо всех глупостей, которые они совершили в связи с шуткой о разделе, я считаю эту глупость самой худшей, ибо они этим помогли дьяволу так широко раскрыть пасть, что он ее снова уже не закроеет – и все напрасно. Но это тоже не важно для моей темы. Теперь я говорю только о том факте, что уже излишним и бесполезным молчать об том подходе к проблеме национальной или к «расовой проблеме», как ее называют (неразб.), которые я впервые встретил у Зангвилля.

«Хорошо» ли это для евреев? «Плохо» ли для евреев? – Как я уже сказал, я не знаю наверное. Комиссия Пиля попыталась провести эту идею в нашу пользу. Муфтий и его сторонники, по всей вероятности, думают о том, как в один прекрасный день, также в Палестине, они смогут использовать эту же самую идею против нас...

Хорошо или плохо, но новый фактор вошел в атмосферу и с ним придется считаться.

1939 г

Великая еврейская идея

Критики сионизма

В последнее время появилось несколько статей, направленных прямо или косвенно против сионизма. Некоторые из них произвели впечатление. Я попытаюсь рассмотреть следующие: «Двадцативековая трагедия» А. С. Изгоева («Образование» 1903, № 10). «Об антисиионизме» Каутского («Восход», 1903, № 27). «О сионизме» И. Бикермана («Русское Богатство». 1902, № 7) и две заметки С. Н. Южакова в №№ 9 и 11 «Русского Богатства» за 1903 г. в отделе «Политика». Было еще несколько опытов критики сионизма, вроде брошюр г. Полякова («Сионизм и евреи»), г. Куперника («Еврейское царство») и т. п., но их можно обойти молчанием, в виду их незначительности.

Было бы лучше всего разобрать вышеназванные статьи сразу: выбрать из них общие главные возражения и дать на них посильный ответ. К сожалению, такая группировка совершенно невозможна, потому что между этими критиками сионизма нет единогласия; двое из них, правда, стоят на одной и той же научной

точке зрения, но и они часто противоречат друг другу в основных пунктах вопроса. Каутский пишет: «Евреи перестали существовать как нация, невысказанная без определенной территории» (стр. 23). Г. Изгоев говорит... «И, однако, еврейство – нация».

Он даже прибавляет: «такая же нация, как французы, немцы, англичане» (стр. 56). Г. Бикерман много раз называет мысль о создании еврейского автономного убежища (где бы то ни было) утопией, ненаучной химерой (например, стр. 68): г. Южаков пишет:

«Колонизация Уганды во всяком случае не кажется химеричною и недоступною, хотя и сопряжена с массой трудностей...»

(№ 9, стр. 166). Речь идет, понятно, не о простой колонизации (ибо кто же спорит против того, что простая колонизация возможна), а о проекте автономной колонии, т. е. именно о том, что г. Бикерман считает несбыточной мечтою, – и о чем, между тем, г. Изгоев говорит так: «Сионизм, как стремление к рациональной, планомерной земледельческой колонизации евреями такой местности, которая могла бы служить для них «правоохраненным убежищем», – реальное, осуществимое дело, заслуживающее сочувствия и поддержки» (стр. 67). Причем любопытно, что в глазах г. Изгоева даже «сионизм как мечта о восстановлении иудейского царства в Палестине» есть

хотя и утопия, но «безвредная» утопия, между тем как в статье г. Бикермана доказывается, что сионизм, как его ни понимай, вреден и никакого «сочувствия» и ни какой «поддержки» не заслуживает. «Сионизм есть явление реакционное!» – утверждает автор на странице 69...

Тот же г. Бикерман говорит: «Но мы считаем своим долгом раскрыть ложь, заключающуюся в другом словечке, пушенном в ход этим словообильным сионистом (т. е. Нордау). Это слово – Judennoth... – не те обычные страдания, составляющие, вероятно, неизбежный удел человеческого рода, а другие, исключительные страдания, преследующие евреев не как людей, а только как евреев и от которых они могли бы избавиться, если бы не были евреями» (стр. 57). Г. Бикерман отрицает этот Judennoth и настаивает, что еврей данного класса страдает столько же, сколько и коренной житель из того же класса, не больше и не меньше. Следовательно, если класс перестанет страдать, тем самым перестанет страдать еврей. А г. Изгоев говорит, что даже «при полном устранении общественного строя, основанного на конкуренции и меркантилизме» – все-таки «потребуется еще годы духовной работы для искоренения остатков предрассудков», вызывающих вражду евреям, а значит, и специально еврейское горе. Каутский идет еще дальше.

По его мнению, для устранения враждебности к евреям недостаточно ни падения капиталистического строя, ни культурной борьбы с предрассудками («чувствований человека нельзя изменить путем увещаний», стр. 24); враждебность будет устранена «только тем и тогда, когда еврейские слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения». Ясно, что если для блага еврейства недостаточно того, чего вполне достаточно для блага других народов, а нужны еще особые меры, то значит, у еврейства, по мнению Изгоева и Каутского, кроме общечеловеческих страданий, есть еще и свое специальное горе – то самое, которое отрицает г. Бикерман. В то же время г. Бикерман совсем не разделяет мнения Каутского, что евреям необходимо ассимилироваться. Он говорит:

«Сохранение и развитие еврейского народа, сохранение и развитие его культуры, сохранение и развитие того, что есть в ней лучшего, – такова задача» (стр. 68). Даже больше: по мнению г. Бикермана, евреи-ассимиляторы «существуют лишь в большом воображении охранителей» (стр. 41). Не является поклонником ассимиляции и г. Изгоев, по крайней мере, если понимать ассимиляцию по Каутскому – «слияния с общей массой населения». Ведь слиться с общей массой населения данного места значит принять

ее национальность. А г. Изгоев говорит: «Еврей может примкнуть духовно только ко всему человечеству, как целому, возвышающемуся над всеми национальностями. Еврей, освободившийся от талмудической культуры, по духовному существу своему всегда неизбежно будет космополитом, международником» (стр. 66). Последнее утверждение немного рискованно, если принять во внимание, что Герцль, Нордау и огромное большинство сионистов, бесспорно освободившись от талмудической культуры, стали не космополитами, а сионистами; но не в этом дело, а в том, что и быть космополитом не значит духовно «слиться с общей массой населения» данного места, и даже совсем напротив...

Критики сионизма, так сказать, не сталкивались между собою. У них у самих – разногласия по самым основным вопросам: о том, представляет ли еврейство нацию или нет; о том, нужна или не нужна ассимиляция; о том, возможно или невозможно создание еврейского правоохраненного убежища; о том, есть ли сионизм вообще явление вредное, – и даже о том, существует ли Judennoth или не существует. Собственно говоря, при наличии таких противоречий можно было бы и не спорить против наших критиков, а спокойно и безучастно любоваться на то, как они друг друга побивают. Но я все-таки предпочитаю рассмот-

реть их доводы и представить свои возражения; и так как, очевидно, отвечать разом на такую разногласию немислимо, я буду говорить о каждой статье особу. Начну с Каутского.

Каутский говорит, главным образом, об антисемитизме; разбирать его взгляд на этот феномен я не буду, так как не антисемитизм является предметом этой беседы. В данном случае нас занимает путь, указываемый Каутским: ассимиляция. Об этом идеале мы и будем говорить, и тут нам немало поможет небольшая брошюра того же автора под заглавием: «Национальность нашего времени» (СПБ. 1903). В конце этой брошюры (стр. 41–43) Каутский высказывает довольно определенные взгляды на будущее отдельных национальностей. Они, по его мнению, вообще стремятся к полному слиянию между собою, даже к замене национальных языков одним каким-нибудь универсальным. Национальные языки – говорит он на стр. 43 – «будут все более и более ограничиваться областью домашнего употребления здесь, наконец, займут такое же положение, как какая-нибудь старинная фамильная мебель, которую ценят и тщательно сохраняют, но не придают ей никакого практического значения». Никакого практического значения: то есть, очевидно, даже в сношениях между собою люди одной и той же страны будут, по мнению Каутского, пользо-

ваться не национальным языком, а универсальным, — ибо Каутский не может не понимать, что язык, на котором говорят между собою люди данной местности, тем самым получает большое «практическое значение». Волапюка г. Каутский не признает, об эсперанто не упоминает, а думает, что универсальным языком явится какой-нибудь из существующих. Например, английский. Два коренных неаполитанца в беседе между собою будут говорить на языке Шекспира; к итальянскому каждый из них прибегнет только тогда, когда на досуге захочется поиграть звучными словами. Так рисуется Каутскому будущее.

О будущем, конечно, трудно спорить: никто не может поручиться, что верно угадает. Но все-таки логика властна и над будущим; постараемся же рассуждать логически и посмотрим, совпадут ли наши выводы с предсказаниями Каутского. Расово-национальные особенности создаются под влиянием многих факторов — в том числе, конечно, климата, почвы и флоры той страны, где данное племя впервые развилось. Каутский настолько признает это, что даже психологию евреев выводит из того факта, что Палестина — горная страна (статья в «Восходе», стр. 23), причем отмечает, что отпечатки этого горного происхождения сохраняются и в чужой земле, т. е. даже в новой почвенно-климатической среде и в новых со-

циальных условиях. Так сильна расовая закваска, полученная от матери-природы, даже когда племя уже давно перенесено под другое небо: пока старая кровь передается по наследству без инородных примесей или с малой примесью, до тех пор племя сохраняет свою старую индивидуальность. Конечно, эта индивидуальность уже исковеркана, и с каждым поколением под давлением новых почвенно-климатических влияний она будет все более уклоняться от основного типа; но все-таки и под чужим небом вы через много поколений отличите в чистокровном потомке черты его прадедов. Тем более сохранятся эти особенности, если данное племя всегда будет жить в той самой стране, на почве которой оно развилось. Это – прямой вывод из положения, что племенные особенности создаются суммой естественных факторов.

Я совершенно не касаюсь вопроса о том, как сложились ныне существующие национальности и сколько различных расовых ингредиентов вошло в каждую из них; я беру их такими, какими я их застаю при моем появлении на свет, и задаю себе вопрос: что с ними будет? Что вероятнее: то ли, что обитатели Апеннинского полуострова и впредь из рода в род будут жить на этом полуострове, или то, что они все переберутся на другое место? И на это, по-моему, невозможен другой ответ, кроме того, что первое предположе-

ние вероятнее, так как не предвидится никакой причины, которая принудила бы жителей Италии к такому массовому переселению. В настоящее время, как известно, итальянцы часто эмигрируют, ища работы за морем, в то время, как на полуострове и в Сицилии есть огромные пустыри-латифундии, пригодные для внутренней колонизации. Но ведь эмиграция – только маленький процент населения: да и та является следствием нужды, голода и беспорядка. Каутский верит, что нужда и голод будут некогда совершенно упразднены, и я скромно разделяю эту веру. Но тогда исчезнет причина для эмиграции даже маленькой доли населения. Следовательно, это население станет на своем полуострове еще более оседлым, чем теперь. Смешанные браки если и будут наблюдаться, то лишь в узкой пограничной полосе: Я главная масса нации сохранит свою расовую «чистоту». И то же самое совершенно бесспорно предвидится и для России, и для Франции, и для Скандинавии: нет никаких причин, которые побуждали бы население каждой из этих стран отрываться от родной почвы – и чем дальше, тем еще меньше будет этих причин, потому что единственные ныне побуждения к эмиграции – нужда и социальная неурядица – при социалистическом строе общества предполагаются устраненными. Шведы останутся в Швеции и грузины в Грузии;

первые будут по-прежнему, из рода в род, подвергаться почвенно-климатическим влияниям своей Швеции, а вторые – своей Грузии. Покорение природы человеческой техникой здесь ни при чем: техника создаст чудеса, будет, пожалуй, регулировать дождь и ведро, но ведь климат Стокгольма все-таки будет всегда отличаться от климата Тифлиса, и флора второго – от флоры первого. При всяких чудесах техники Великороссия все-таки останется равниной, а Англия все-таки будет приморской страной, и, значит, из рода в род будет продолжаться непрерывное влияние неодинаковых естественных условий на оседлое население как той, так и другой области. То есть англичанин сохранит свою английскую племенную индивидуальность, а великоросс – свою. Но если каждый сохранит свою национальность, то сохранит и национальный язык: потому что язык, естественно возникший у данного племени и развившийся в данной местности, должен, несомненно, ближе и точнее соответствовать всем изгибам психики населения, чем какой бы то ни было другой язык; и, следовательно, нет никакой научной возможности предположить, что национальный язык, исторически развившийся в тесной параллельности со всей психикой населения, вдруг начнет естественно вымирать, уступая место совершенно чуждому наречию, только потому, что на этом чуждом

наречии легче вести дела с иностранцами. Любопытно при этом заметить еще следующее: Каутский видит явный признак близкого торжества универсального языка в том, что уже и теперь конкуренция капиталистических стран делает необходимым знание чужих языков: «Кто больше знает языков, у того больше шансов одержать верх над конкурентами, говорящими только на одном своем языке» (брошюра, стр. 42). Странно слышать такие доводы в устах Каутского. Ведь именно ему, как социал-демократу, должно быть ясно, что промышленные сношения между разными странами не всегда будут вестись на почве индивидуальной конкуренции. В том грядущем, за которое ратует Каутский и в которое скромно верю и я, международный обмен продуктов, конечно, не прекратится, но производить его будут не частные торгаши, как теперь, а особые официальные учреждения. Теперь тысячи лиц ради наживы ведут торговые сношения с границей: тогда эти сношения будут, очевидно, сосредоточены, для каждой области, в специальном бюро с ограниченным штатом служащих. Следовательно, только этим служащим (рассуждая строго по Каутскому) и понадобится знание языков. Количество частных лиц, имеющих деловые сношения с иностранцами, сократится до минимума, – тогда как сношения между земляками-согражданами, при то-

гдашнем строе общества, станут, напротив, гораздо теснее и многообразнее, чем теперь. Каким образом при таких условиях общежития начнет вымирать язык земляков, с которыми каждый человек именно тогда будет связан тысячами уз, – и воцарится взамен того языка универсальный, хотя именно тогда производственные отношения вовсе не будут требовать этого, – непостижимо...

Я, конечно, не сомневаюсь в том, что будущее приведет к самому тесному сближению между различными странами и народностями, как не сомневаюсь в том, что когда-нибудь, и даже скоро, люди по взаимному уговору признают какой-нибудь язык международным. Но не «универсальным». Это будет язык для международных сношений, и только. Внутренняя жизнь каждой нации будет по-прежнему выражаться при посредстве ее национального языка, и язык этот будет самобытно развиваться и богатеть по мере духовного развития нации. И точно так же, как с национальным языком, будет с национальной психикой. Не смешиваясь браками с чужою расой, да еще к тому же живя постоянно в одной почвенно-климатической среде, впитывая из рода в род ее влияние, каждая народность естественно сохранит и будет самобытно развивать и углублять свою индивидуальную психику, внося национальный оттенок во все прояв-

ления своего творчества. Не к слиянию национальностей ведет естественный процесс, а к обеспечению за каждой из них полной самобытности. Исчезнет война, упразднится таможня, но никогда не сгладятся индивидуальные различия, врожденные расе и вечно питаемые различиями в почве и климате и нисколько не препятствующие ни дружному прогрессу, ни взаимному уважению наций.

Но мало того, что сохранение национальных особенностей представляется, со строго позитивной точки зрения, совершенно неизбежным: следует помнить и о том, что оно также в высшей степени желательно. Мы называем богатой и счастливой природу той страны, где растет и пальма, и кедр, и вишня, и дуб, где есть и горы, и леса, и озера; напротив, бедною и скупую считаем мы природу тех стран, где растительность однообразна и ландшафт один и тот же всюду. Никогда никто не видел идеала в однообразии; напротив, мы и инстинктивно, и сознательно всегда предпочитаем всевозможное многообразие разновидностей, гармонически, но самобытно живущих и развивающихся друг подле друга. Человек не может быть исключением из этого идеала. Если бы национальных различий не существовало, то в интересах всего человечества il faudrait les inventer, их надо было бы изобрести, чтобы дух человеческий мог прояв-

ляться во всяческом многообразии оттенков. Есть уже не новый, но очень подходящий в этом случае пример: представьте себе человечество в виде огромного оркестра, в котором каждая народность как бы играет на своем особом инструменте. Возьмите из оркестра всех скрипачей, отберите у них скрипки и рассадите их по чужим группам – одного к виолончелистам, другого к трубачам и так далее: и допустим даже, что каждый из них играет на новом инструменте так же хорошо, как на скрипке. И количество музыкантов осталось то же. и таланты те же – но исчез один инструмент, и оркестр в убытке. Если только мы понимаем прогресс как стремление к наибольшей полноте, сложности и богатству жизненных проявлений, а не наоборот – к наибольшей скудости и однообразию, то мы должны дорожить неприкосновенностью национальных индивидуальностей не менее, чем дорожим неприкосновенностью отдельной человеческой личности: и если никакой жертвы не жалко для исправления социальных неустройств, угнетающих личность, то не жаль никакой жертвы и в борьбе за то, что может обеспечить национальной индивидуальности законную неприкосновенность.

Тут я могу непосредственно перейти к г. Южакову, у которого прорываются такие фразы: «Тот, кто желает служить делу правды и совести, делу принципов, дол-

жен тщательно оберегать себя от всякого общения с национализмом» (ноябрьская книжка, стр. 144). Впрочем, после всего сказанного нет необходимости пространно спорить против этой точки зрения: мы встретимся с нею у остальных разбираемых критиков, а собственных оригинальных доводов г. Южаков не выставляет. Г. Южаков слишком честный человек, чтобы притворяться, будто ему непонятна разница между национализмом угнетенной народности, отстаивающей свою самобытность, и национализмом народности угнетающей, навязывающей свою физиономию другим, – между самообороной и насилием. Отвращение г. Южакова происходит, конечно, не оттого, что он отождествляет национализм с национализмом пруссаков в Познани. Излишне доказывать г. Южакову, что те хотят подавить чужую индивидуальность, мы же хотим стоять свою: он сам это понимает, но твердо считает, что национальная индивидуальность не нужна, что если она исчезнет, то и жалеть не о чем, – что бороться за ее сохранение значит тратить силы пустяки, а тратить силы на пустяки значит отнимать их у настоящего, полезного дела; и оттого г. Южаков сторонится от национализма и других приглашает сторониться. Повторяю, – после всего, что я сказал выше, незачем мне отдельно возражать против этой точки зрения. Но все-таки не хочется как-то молчать, ко-

гда читаешь такие выражения: «Идеалы чести и совести, принципы солидарности и братства, которых главным врагом является национализм, в том числе и сионизм» (стр. 144)... 9 Часто бывает, что человек, возненавидя разврат переносит свою ненависть на половое влечение вообще и провозглашает, что любовь противна «идеалам чести и совести»; часто человек, наблюдавший много злоупотреблений свободой, становится противником свободы вообще и объявляет ее врагом «принципов солидарности и братства»; и когда сталкиваешься с такими людьми, становится тяжело за узость человеческую. Здесь – то же самое. Г. Южаков навидался уродливых извращений национализма поэтому не может допустить, что «импульс» национального самосохранения действительно существует и что это очень важный, полезный и могучий двигатель. Для него это фанаберия, каприз, а упорствовать в этом капризе значит идти наперекор чести и совести. Наше стремление добиться тех же прав, каким пользуются другие народы, и не ради того, чтобы потом вести грабительские войны, а ради того. Чтобы спокойно жить по нашему племенному духовному укладу, в мире и дружном сотрудничестве с остальными народами, – это противно совести и чести. Не надо возражать на такие слова, потому что это несомненно бранные слова; и в ответ на них мы

должны только еще тверже и настойчивее повторить, что сохранение национальностей, в интересах всего человечества, есть честная и важная задача, и никакой жертвы не жалко для ее осуществления.

Этот же идеал мы противопоставим и идеалу г. Изгоева. потому что, в сущности, основная точка зрения у г. Изгоева и у г. Южакова одна и та же, хотя первый приглашает нас отречься от всякой национальности и стать «космополитами, международниками». а второй просто без всяких объяснений рекомендует обрусеть (сознать полную «солидарность и достоинства, и интересов совести всех культурных сил человечества вообще, России в частности и в особенности»: фраза эта, находящаяся в ноябрьской книжке на стр. 145, немножко непонятна, но единственное, что в ней ясно, – это призыв к обрусению). Однако не подлежит сомнению, что и г. Южаков ничуть не шовинист и зовет нас к обрусению не из патриотического пыла, а из убеждения в том, что французам ли прежде онемечиться или немцам прежде офранцузиться, разница – не важна, лишь бы меньше стало хоть одной национальностью: все равно в конце концов будем космополитами без всяких племенных особенностей. На этот взгляд, общий у г. Южакова с Изгоевым, и с Каутским, выше дан уже ответ; и все сознание скромности моих сил не может мне помешать совершенно ясно

видеть, что надежды почтенных публицистов на будущее исчезновение племенных разновидностей не имеют под собою, как я попытался выяснить, никакой научной почвы и никакого нравственного базиса, а напротив, с поразительной наглядностью противоречат и данным этнологии, и ходу исторического процесса, и идеальным интересам человечества.

Но в статье г. Изгоева кроме космополитического призыва, есть и другие частности, которые нельзя оставить без ответа. Одобряя сионизм территориалистический, извиняя, в виду «безвредности», сионизм палестинский, он безповоротно осуждает культурный сионизм. «Сионизм, как романтическая мечта о воскресении древнееврейской культуры – реакционная и вредная утопия». Прежде всего, тут есть неточность: с нашей стороны имеется в виду не «древнееврейская культура», а просто еврейская, ибо мы верим, что в духовном творчестве евреев, от пророков до наших дней, проявлялись одни и те же основные идеалы, конечно, изменяя форму и точки приложения сообразно потребностям места и времени; и, следовательно, мы желаем не «воскресения древнееврейской культуры», а широкого развития культуры новой еврейской, находящейся в тесной преемственной связи со старой, древней и древнейшей. Лечить захворавшего взрослого человека вовсе не значит «воскре-

шать» того младенца, которым этот человек был в дни своего детства. Думаю, что против исправления этой неточности ничего не будет иметь и сам г. Изгоев, и его строгое отношение к еврейской культуре вызывается не тем, что она будто бы «древняя», а тем, что в самой этой культуре, как таковой, г. Изгоев не находит никаких положительных ценностей. Есть все основания предполагать, что г. Изгоев вполне в этом отношении разделяет точку зрения Каутского, выразившуюся в словах: «Глубокие и смелые мыслители из евреев постоянно воспринимали мировоззрение своего времени. Последнее бывало возможно только тогда, когда они окончательно порывали с традициями еврейства и становились на почве общеевропейского культурного развития» (статья в «Восходе», стр. 25). Если бы г. Изгоев не считал традиций еврейства также несоместимыми с передовым мировоззрением, он не назвал бы идею «воскресения» еврейской культуры реакционной и вредной утопией. Но что же именно в таком случае понимают г. г. Изгоев и Каутский под еврейскими традициями и культурой? Каутский об этом не говорит, зато у г. Изгоева есть хотя косвенный, но вполне определенный ответ на этот вопрос. «Ассимиляция, – говорит он на стр. 65. – состоит из двух актов: одного отрицательного отказа от обособляющих черт, и другого положительного – принятия того, с чем

ассимилируешься. Что касается первого, отрицательного акта, то несомненно, что весь ход истории сурово и непреклонно уничтожает еврейскую «обособленность»... Евреи, втянутые в водоворот современной жизни, теряют свою специфическую одежду, внешний облик (??), мало-помалу отступают от законов о «ритуальной чистоте», отказываются вовсе от них, отказываются даже от субботы»... И вот – говорится на следующей странице – такой «еврей, освободившийся от талмудической культуры, по духовному существу своему всегда неизбежно будет космополитом, международником», то есть уже духовно не евреем. Иначе говоря, весь духовный багаж еврея, как такового, сводится к лапсердаку, трефу и субботе; кто носит пиджак, ест ветчину и пишет в день субботний, в том уже не осталось духовно ничего еврейского; следовательно, вот в чем заключается еврейская культура, еврейские традиции: сумма внешних талмудических обрядностей, и больше ничего. После этого несколько не странно, что «воскресение» такой культуры представляется делом реакционным и вредным.

При всем уважении к почтенному одесскому публицисту, я должен сказать, что во всем этом явно сквозит очень недостаточное знакомство с вопросом. Только при этом условии можно было упустить из виду тот наглядный факт, на который я уже указывал, что сплошь

и рядом еврей-интеллигент, заменивший ермолку цилиндром, фаршированную щуку – икрой и даже суб-ботний отдых, по необходимости, воскресным, все-таки признает себя не космополитом, а евреем, и из этих именно интеллигентов, а не из ортодоксов, и состоит главное по качеству еврейского национализма. Достаточно было бы из вторых рук ознакомиться хотя бы с личностью и учением Ахад-Гаама, чтобы увидеть воочию, действительно ли еврей, за вычетом талмудической обрядности и даже религиозной веры, перестает быть считать себя евреем. Прямо неловко перед читателями серьезно доказывать, что в еврействе есть кое-что и кроме устава о кошерности; но чья же вина, что приходится настаивать и на таких азбучных истинах. Мы не можем не сказать г. г. Изгоеву и Каутскому: соберите прежде подробные справки о том, что такое еврейская культура и традиции. Я уже и не говорю том, что писали по этому вопросу наши соплеменники, как Лацарус, как покойный Дармстетер, или благорасположенные к нам инородцы, как Ренан и Генри Джордж; я укажу, контраста ради, на книгу, выпущенную недавно писателем, который, хотя и соблюдая известную корректность тона, ничуть скрывает своей антипатии к еврейству и его идеал «Esprit juif» Мориса Мюрэ, появившийся также и на русском языке, в неудачном переводе и под удачным заглавием «Ев-

рейский ум» (СПб. 1903). Автор отмечает некоторые основные мотивы в учении пророков – и старается доказать, что эти мотивы через много столетий, проявились и в писаниях Спинозы, Гейне, Брандеса, Нордау, и в учении Маркса, в деятельности Дизраэли-Биконсфильда. А мотивы эти, по мнению Мюрэ, следующие: мятежная ненависть ко всякому догмату, заставляющая евреев подвергать разрушительной критике все, освященное традицией; мечта о всемирном братстве («космополитический идеал пророков», по выражению Мюрэ), мечта, во имя которой евреи являются принципиальными противниками войны, и т. п.; наконец, стремление установить царство Божие на земле, в противность «арийскому» идеалу царства Божия в загробном мире – и, как следствие этого стремления, склонность к социальным преобразованиям. Все эти мотивы глубоко несимпатичны автору, и он с огорчением констатирует, что они приобрели теперь широкую популярность и в арийских массах. Я, конечно, далек от того, чтобы возводить г. Мюрэ в авторитет: но нельзя не отметить, как и друзья, и враги наши всегда констатируют в нашем почти сорокавековом духовном творчестве постоянное присутствие одних и тех же основных идеалов, проникнутых принципами братства и социальной справедливости. Надо не уметь читать или не желать прочесть, чтобы не узнать этой

правды; надо закрыть глаза и заткнуть уши, чтобы в самой жизни на каждом шагу не замечать слишком ясных подтверждений этой правды. И это все игнорируется, а «культуру» нашу видят исключительно в разделении посуды на мясную и молочную. Седьмичный и юбилейный годы, принцип субботнего отдыха, социальная проповедь Аммоса, мечты Исаяи о мире всех народов, наконец, самый культ книги, благодаря которому до недавнего времени наши мужчины в Литве были поголовно грамотны по-еврейски, когда и в Западной Европе массы еще не умели читать ни по-какому, – таковы, казалось бы, наши «традиции». И если нам даже скажут, что не одни евреи, но передовые элементы всех народов теперь ратуют за участь бедных и за распространение знания, то мы ответим: следовательно, эти исконные традиции еврейского племени во всяком случае не зловредны и не враждебны прогрессу? Но теперь нам заявляют, что прежде, чем воспринять передовое мировоззрение, мы должны порвать с еврейскими традициями, потому что еврейские традиции выражаются в обязательном ношении нагрудника с кисточками...

Только не изучив, не продумав, не углубившись, и можно делать такие заявления. И тут я отмечу вообще одно характерное явление. Наши критики, особенно г. Каутский и г. Изгоев, несомненно, не признают фено-

мена без причины. Столкнувшись с каким-нибудь историческим фактом, они не успокоятся, пока не откроют тех условий, которые вызвали его и даже необходимо должны были вызвать. Если притом факт этот не единичный, а повторный или тем более, непрерывно-длительный, г-да Изгоев и Каутский никогда не усомнятся, что причина, обусловившая его, есть важная и могущественная причина – и признают неучем всякого, кто допустит, что подобный исторический факт возник просто «так», без особенной надобности, а мог бы при тех же условиях и не возникнуть. Но как только дело коснется еврейского народа, картина меняется. Перед глазами такой яркий феномен, как почти двадцативековая борьба небольшого безземельного племени за свою национальную обособленность, борьба, в которой все выгоды, какие только можно придумать, были, бесспорно, всецело на стороне отступничества – и, тем менее, отступничество не состоялось. Это поражающе-длительный исторический факт, и казалось бы, что именно г. г. Изгоев и Каутский, как исторические материалисты, должны были бы тут сказать себе: очевидно, тут действует какой-то могущественный фактор группового самосохранения, и с этим фактором нельзя не считаться. – Вместо этого наши критики здесь, очевидно, теряют свой обычный компас, и не то вовсе игнорируют феномен, который немисли-

мо игнорировать, не то прямо относятся нему так, как будто эта двухтысячелетняя мученическая самооборона не имела под собой никакого солидного императива и была чуть ли не плодом недоразумения, человеческой глупости, а теперь люди поумнели и должны увидеть, что не из-за чего бороться... Г. Каутский и г. Изгоев не могут не понимать, что такая точка зрения не только не напоминает о той строгой научности, которая обыкновенно отличает их школу, но просто лежит ниже уровня всякого научного мышления.

Это очень характерно. Дело в том, что вопрос о национальностях еще не разработан научно, особенно с точки зрения исторического материализма. Я не утверждаю, но не удивлюсь, если окажется, что с этой точки зрения – без крупных поправок (элементы которых, впрочем, уже имеются у Энгельса) он не может быть разработан. Во всяком случае, писатели, безошибочно орудующие в области, которая уже исследована и объяснена основателем их школы, совершенно теряются перед вопросами, которые основатель обошел молчанием. И если самостоятельная научная разработка этих вопросов не под силу таким солидным ученым, как Каутский, и таким серьезным публицистам, как г. Изгоев, то еще менее под силу оказалась она г. Бикерману, который, конечно, не может быть признан ни солидным ученым, ни серьезным

публицистом. К г. Бикерману я и перейду.

Г. Бикерман выдвигает против сионизма следующие возражения:

– история доказывает, что государство не может быть создано искусственным образом;

– сионизм зовет еврейские массы на путь наибольшего сопротивления, тогда как известно, что массы всегда стихийно движутся только по пути наименьшего;

– сионизм есть движение чисто отрицательное, вызванное только антисемитизмом;

– сионизм есть движение реакционное и вредное. Осуществление сионизма погубило бы еврейство как таковое.

Разберемся отдельно в каждом из этих возражений «Всемирная история, – говорит г. Бикерман на стр. 29, – не знает случая, когда бы какая-либо группа людей – род, племя, народ, орда – вздумала бы в одно прекрасное утро создать государство и, вздумав, создала бы его. И в древние, и в новые времена государства являлись результатом деятельности человеческих масс, но никогда не служили целью этой деятельности», И в подтверждение г. Бикерман приводит эмиграцию «отцов-странников» в Новый свет, из которой потом возникли Соединенные Штаты, и великое переселение народов: ни «отцы-странники», ни

варвары не думали, по мнению г. Бикермана, о создании новых государств, а просто шли в поисках удовлетворения своим насущным потребностям по пути наименьшего сопротивления. Если их поселения потом развились в государства, это произошло само собою, а не по сознательно предначертанному плану...

Проще всего было бы ответить на это г. Бикерману, что прошлое не всегда может служить критерием для будущего. Можно было бы указать ему, например, на то, что в прошлом не только большие государства, но и отдельные города являлись результатом человеческой деятельности, а не целью. Движимые своими потребностями по пути наименьшего сопротивления, люди оседали в данном месте, строил себе землянки или шалаши, и через несколько столетий вырастал город. На этом основании двести лет тому назад г. Бикерман легко мог бы выступить с уверением, что «история не знает случая, когда бы «и человек вздумал в одно прекрасное утро создать город и вздумав, создал бы его». Тем не менее Петр Великий вздумал создать посреди болота город и создал его; а в наше время, как известно, в Северной Америке такие «искусственные» города возникают сплошь и рядом, по произволу промышленных компаний и даже отдельных богачей. И далее можно было бы указать г. Бикерману, что, например, и союзы или сообще-

ства между отдельными гражданами являлись некогда результатом, а не целью человеческой деятельности. Любая популярная книжка по социологии напомнит г. Бикерману о том, как бессознательно побуждаемые общностью интересов отдельные индивиды инстинктивно оказывали друг другу поддержку против тех граждан, интересы которых были враждебны их интересам, и из этой естественной взаимопомощи мало-помалу, без всякого уговору, развились прототипы нынешних трестов, синдикатов, профессиональных и даже партийных союзов. А теперь эти союзы возникают так: «несколько человек, вздумав в одно прекрасное утро» создать общество хотя бы N-ских врачей, созывают «учредительное собрание», вырабатывают устав, посылают его на утверждение, и затем, если в N-ске достаточно врачей, общество будет процветать, несмотря на то, что оно создано искусственно и явилось не результатом, а сознательной целью. И далее можно было бы обратить внимание г. Бикермана вообще на то, что во всех областях прежние «результаты» мало-помалу становятся «целями». На то человечество и умнеет, чтобы пользоваться прежними опытами. Первая плотина возникла, без сомнения, случайно: обвал загородил поток – и вода разлилась; человек заметил это и на следующий раз уже сам нарочно запрудил реку. По преданию, изобретение по-

роха явилось невольным «результатом» того, что монах Бертольд Шварц невинно толок в ступе серу, селитру и уголь; а теперь изобретатели годами работают с сознательной «целью» найти X-лучи или создать граммофон, и это им удается. Нельзя же требовать у людей, чтобы они ничего не замечали и ничему не научались. Пусть первые массовые эмигранты даже не подозревали, что из их переселения получится новое самостоятельное государство, ведь мы-то уже знаем, что у первых эмигрантов получилось государство, и если теперь и мы хотим эмигрировать, то не можем же мы не рассчитывать или хоть не надеяться, что и наше переселение приведет к тому же «результату»; и неужели только потому, что мы, наученные чужим опытом, ожидаем этого «результата» и активно готовимся к нему, нас должна постигнуть неудача? В этом нет логики.

Но, собственно говоря, все эти доводы понадобились бы только тогда, если бы сама по себе философия истории г. Бикермана выдерживала критику, если бы, действительно, существовала принципиальная разница между сионизмом и другими, уже бывшими массовыми переселениями, приведшими к возникновению новых государств. В сионизме заключаются два основных принципа: во-первых, массового выселения на одну и ту же территорию, во-вторых, ав-

тономия, т. е. гарантия самоуправления. Эти же два принципа неизменно присутствовали и до сих пор во всех исторических массовых переселениях, из которых потом возникли государства. «Отцы-странники» переселяясь в 1620 году в Северную Америку, не на то, конечно, шли туда, чтобы подпасть там под власть дикарей-туземцев. Они имели в виду очень основательную гарантию самоуправления – свои ружья и ножи. То же самое можно сказать и о великом переселении народов: подвигаясь в Европу, гунны меньше всего имели в виду стать там чужими подданными, а, напротив, полагались на свои мечи, как на полную гарантию автономии. Ни одно массовое переселение в те времена не совершалось и не могло совершиться без этой естественно предполагаемой гарантии самоуправления. Сионизм, выставляя тот же принцип, не вносит ничего нового. Он только заменяет старинную кулачную форму гарантии формой договорной, и это строго соответствует характеру нашего времени. Все вообще кулачные формы гарантии понемногу вымирают и заменяются договорами. Дуэль, т. е. кулачная гарантия неприкосновенности индивида, и война, то есть кулачная гарантия неприкосновенности агрегата, постепенно уступают свое значение договорному учреждению третейского суда. Гунны, переселяясь в Европу, гарантировали себе автономию, и мы, пе-

реселяясь в Палестину, должны ее гарантировать; но их гарантия, сообразно духу того времени, заключалась в кулачном праве, а наша, сообразно духу нашего времени должна выразиться в договорной форме чартера. Это так же естественно и так же мало изменяет сущность дела, как то, например, что гунны переселялись на конях или в кибитках, а мы поедем на винтовом пароходе.

Столь же основательно и другое историко-философское соображение г. Бикермана – что «сионизм предполагает движение в сторону наибольшего сопротивления» (стр. 35). «Люди... везде и всегда действовали под давлением своих повседневных (?) потребностей и нужд, и... их действия, как действия всякой силы в природе, направлялись в сторону наименьшего сопротивления» (стр. 29). И, говоря так, г. Бикерман утверждает, что путь наименьшего сопротивления в данном случае есть борьба за свои права здесь, на месте прописки, ибо гораздо легче и проще добиться благополучия там, где уже обжился, чем ехать ради этого за море, на Бог весть какие труды. И тут же рядом г. Бикерман так объясняет причину эмиграции «отцов-странников»: «Пуритане искали свободы совести и спокойствия. То и другое можно было в то время найти лишь за океаном, и они переплыли океан» (стр. 29). Странно: ведь по г. Бикерману им

легче и проще было бы остаться на старых местах и бороться за свои права, чем ехать за море к краснокожим, – и, собственно говоря, г. Бикерман должен признать их образ действий за явное уклонение от пути наименьшего сопротивления.

Еще строже должен отнестись г. Бикерман к факту двухтысячелетнего сохранения еврейской народности. Евреев били, гнали и подвергали неумеренным поборам за то, что они были евреи; ясно, что их «повседневные потребности и нужды» систематически страдали из-за их принадлежности к еврейству. Где же был путь наименьшего сопротивления для выхода из этого положения? С точки зрения г. Бикермана нельзя не ответить: в отступничестве. Теперь, правда, и выкреста считают евреем: но, например, в Испании выкрестов поощряли и охотно женили на испанках. Это было проще и легче всего: перестать быть евреями, и «повседневные потребности и нужды» были бы удовлетворены. Вместо того мы видим, что евреи всем жертвуют и не сдаются. Г. Бикерман не может, если он последователен, не констатировать и здесь упорного и систематического уклонения от пути наименьшего сопротивления. Иначе – как он объяснит себе эту загадку? – Что касается нас, то мы объясняем ее себе очень просто. Массы направляются к удовлетворению своих властных потребностей всегда по

пути наименьшего сопротивления, и влечь их с этого пути немыслимо, – но, очевидно, не г. Бикерману дано знать, какие потребности для масс суть наиболее властные и какой путь является для них путем наименьшего сопротивления. Если евреи столько веков страдают за свое еврейство, значит, у них есть какая-то властная потребность охранять свое еврейство, и отказ от этой потребности был бы для них неизмеримо труднее, чем отказ от свободного удовлетворения своих «повседневных нужд». И если пуритане, очутившись в положении, подобном положению евреев, сразу почувствовали, что в данном случае путем наименьшего сопротивления них является не борьба на месте, а массовая эмиграция, – то евреям, которые больше пуритан настрадались и больше успели извериться в возможно когда-нибудь жить по-человечески в голусе, и подавно путь исхода не может не представиться, как субъективно, так и объективно, путем наименьшего сопротивления.

Уже одно это доказывает, насколько неосновательно третье возражение г. Бикермана. – будто бы сионизм есть движение чисто отрицательное, вызванное только антисемитизмом, и «сионистская идея явилась на свет Божий или как результат оскорбленного самолюбия, или как результат панического страха, охватившего людей в то время, как над их голо-

вой разразился громовой удар» (стр. 62) Много раз гремел над евреями гром, и если бы им нужно было только избавиться от грома, то они сто раз успели бы укрыться от него в сторону бикермановского «наименьшего» сопротивления, т. е. путем отречения от того, за что их громили. Когда человека изо дня в день бьют за то, что он, скажем, носит бороду, то ему проще всего – сбрить эту бороду; и если он так поступит, это будет, несомненно, чисто отрицательный шаг, вызванный исключительно гонениями; но если человек, несмотря ни на какие муки, все-таки не жертвует бородой и в конце концов уходит прочь от насиженного угла, то не ясно ли, что ему важнее всего сберечь бороду, а не бежать от побоев, ибо для спасения от побоев есть более простое средство – срезать бороду. Если бы все дело для нас было в антисемитизме, мы звали бы к тому, что проще всего – к отречению от «семитизма». Это и было бы чистое бегство, совершенно отрицательное движение, порожденное только гонениями. Но если мы, вместо отречения, призываем друг друга к такому делу, которое всем кажется очень трудным, а кое-кому даже неисполнимым, – то не ясно ли, что мы не столько спасаемся от гонений, сколько спасаем «бороду», охраняем и сберегаем нечто положительное; что мы не просто бежим, куда глаза глядят, только потому, что нас хотят бить, но несем с собой что-

то нам дорогое, какой-то цветок, который хотим снова посадить в родную землю, выхолить и вырастить. Исполнимо ли это желание или нет, – но не видеть его, не понимать, что именно этот положительный императив есть основной импульс сионизма, и сводить всю теорию последнего к боязни грома, когда для спасения от грома простейшим средством был бы не сионизм, а отступничество, – все это возможно только при условии безнадежной поверхности.

«Между сионизмом и антисемитизмом существует родство по духу, – говорит г. Бикерман на стр. 41–42, – в основных своих послылках сионизм есть возведенный в принцип антисемитизм... Макс Нордау говорит, что антисемитизм будет существовать в самом отдаленном будущем, ибо он находится в тесной связи с основными свойствами человеческого мышления и чувствования»... Любопытно, между прочим, что Каутский в этом случае согласен с Нордау, ибо утверждает, что антисемитизм исчезнет только тогда, когда исчезнут «семиты», и Каутский, тем образом, тоже оказывается, по г. Бикерману, в духовном родстве с Дрюмоном. Но это в скобках. Суть же в том, что г. Бикерман очень ошибается, если думает, что ссылка на антисемитизм есть основная посылка сионизма. Ничего подобного. Наше движение еще очень молодо и ждет еще своего научного теоретика

– но мы все прекрасно понимаем, что в схеме теоретического обоснования сионизма и антисемитизм, и Judennoth будут играть только самую скромную роль. Можно предвидеть, что схема эта будет приблизительно такова: каждая расово-национальная группа естественно стремится к полной самобытности всех форм и приемов своей хозяйственной жизнедеятельности; поэтому перспектива ассимиляции вызывает в этой группе отпор, борьбу за национальное самосохранение; этот импульс национального самосохранения, после потери естественного изолирующего средства – национальной территории, заставил еврейство искусственно оградить себя от слияния с другими народами стеной религиозного догмата; теперь, когда новые социально-экономические условия разрушили гетто и ворвавшаяся в него культура бесповоротно осудила догмат на гибель, так что искусственная стена, ограждавшая еврейство от растворения в чужой среде, пала, – импульс национального самосохранения побуждает еврейство стремиться к восстановлению естественного изолирующего средства, т. е. автономной национальной территории, чтобы обеспечить навсегда еврейской национальной индивидуальности полную всестороннюю свободу самобытной социально-хозяйственной жизнедеятельности. Антисемитизм в этой схеме явится только второстепенной

подробностью. Макс Нордау никогда не был и не собирался быть теоретиком сионизма и даже не посвятил этому движению пока ни одной крупной работы. Нордау – агитатор сионизма, а как довод для сионистической агитации антисемитизм, особенно «возведенный в принцип», конечно, весьма удобен и полезен. Нет сомнения, что антисемитизм сильно содействует пробуждению национального чувства; но «пробудить» не значит «создать». Роль антисемитизма, как я уже заметил однажды печатно, это – роль блохи, от укушения которой спящий может проснуться, но если он, проснувшись, принимается за творческое дело, то не ради нечистого насекомого, а ради того инстинкта жизни и работы, который в нем от роду заложен...

Не стану отвечать особо на четвертый довод г. Бикермана – о реакционном характере сионизма, так как об этом уже говорил выше; но нельзя не отметить, что тут автор пускается прямо в какую-то очень странную игру словами и понятиями. Сионизм есть охранение, говорит он, и потому сионистическая пропаганда «неизбежно реакционна» (стр. 40, 69). Г. Бикерман, кажется, заведывал одной общественной библиотекой. Он ее, несомненно, «охраняет» и не позволит взять из нее без отдачи ни одного тома. Следует ли из этого, что его деятельность реакционная? Нисколько. Хорошую вещь и надо «охранять», особенно когда

ей грозит опасность. Лучшие люди России «охраняли» долгое время земство и суд присяжных. Г. Бикерман просто хотел поспекулировать словом «охранение», пользуясь тем, что оно в русской печати получило особую прискорбную известность. Еще менее красива другая попытка такой же спекуляции, которую мы находим на стр. 65: «Ничего нет дешевле, как стать сионистом. Для этого достаточно сказать себе: я – сионист – и заплатить 40 копеек. Никакой борьбы выдержать не приходится, никаким (??) преследованиям тебя не подвергают. Явный признак, что сионизм – сам по себе, а жизнь – сама по себе». Что это такое? Г. Бикерман не мог не знать, что за границей «нет ничего дешевле», записаться в какую угодно партию: «достаточно сказать себе» и т. д., и за это тоже не подвергают никаким преследованиям. Явный признак, что за границей все партии сами по себе, а жизнь – сама по себе. Что это такое, легкость мысли или недобросовестность?

И тут бросаются в глаза некоторые странности. «Народ, тратя свои силы на создание нового государства, неминуемо отстал бы в культурном развитии. Тут мы уже имеем дело... с истиной, подтверждаемой всей историей человечества» (стр. 53). «Нам предлагают... уйти, чтобы начать на новом месте счет мучающихся поколений сначала, чтобы лишь столетия спу-

стя дойти до того положения, в котором мы находимся теперь!» (стр. 46). Как же так? Все грамотные люди знают, что именно те народы, которые создали новые государства, например североамериканские и австралийские переселенцы, колоссально шагнули вперед за самое короткое время и далеко обогнали «в культурном отношении» старую Европу. Опять-таки в любой книжке по социологии г. Бикерман нашел бы и подробности этого феномена, и его объяснение. Допускаю охотно, что г. Бикерман действительно знаком со «всей историей человека», раз он на нее «всю» ссылается, то в таком случае подобные выводы из этой «всей» истории еще раз неопровержимо говорят о самой легкомысленной поверхности. И тут нельзя кстати не вспомнить тех страниц (57–59), где г. Бикерман отрицает *Judennoth*. Я, к счастью, не обязан возражать на эту часть статьи, потому что *Judennoth*, на мой взгляд, не составляет краеугольного момента в обосновании сионизма. Но когда прочтешь это удивительное место, где с цифрами в руках доказывается, что евреи вовсе не угнетенный народ, а, напротив, весьма благоденствующий народ, то невольно хочется повторить вопрос: да что же это такое, наконец, — просто словеса или нечто похуже?

К той же категории отношу и последний довод г. Бикермана: что осуществление сионизма погубило бы

еврейство. Вот образчик этого «пилпула»: «Ведет ли сионизм к сохранению еврейской расы и еврейской культуры? И на этот вопрос я отвечаю: из всех путей, ведущих к исчезновению того и другого, путь в Сион наиболее короткий. И это мое утверждение подкрепляется каждой страницей всемирной истории... Разве не показывает вся история, что именно в том огромном котле, в котором выварились государства, исчезали племена и сливались в одну массу различные расы... Где же теоретики сионизма нам доказали, что на почве Палестины, куда они нас зовут, процесс государственного строительства не будет сопровождаться тем же смешением племен?» (стр. 51–52).

Опять словеса, опять верхоглядство. Когда на одной и той же территории сошлись для «государственного строительства» и англы, и саксы, тогда получилась, действительно, смешанная раса англосаксов. Но осуществление сионизма должно по схеме сионистов заключаться не в том, что «государственным строительством» в Палестине займутся евреи плюс еще какие-то другие народности, а в том, что евреям удастся добиться уступки Палестины евреям же для создания там еврейского государства. Никто не придет нам помогать (придут, пожалуй, мешать. – но уже это особый вопрос), и не с кем будет нам смешиваться. Разве с туземными арабами? Смею уверить г. Би-

кермана. что эта горсть арабов обнаружит тогда ровно столько же охоты к слиянию с нами, сколько мы теперь к слиянию с господствующими нациями голуса...

Пробежав этот обзор нескольких опытов прямой или косвенной критики нашего движения, читатель, конечно, заметил, что из всех оппонентов только г. Бикерман нападает на нас с таким шумным апломбом полномочного ревизора от науки – чем даже минутами совершенно невольно вспоминается соответствующая комедия Гоголя. Это служит мне оправданием, если против моей воли в последней части обзора у меня вырвались, быть может, несколько резкие выражения. Они, во всяком случае, не могут быть отнесены к остальным критикам: последние, во-первых, не чета г. Бикерману, – а во-вторых, гораздо скромнее. Сознавая, очевидно, что настоящей научной разработки вопросов о национальности пока еще нет, они без апломба и треска излагают свою отсебятину, не браня при этом инакомыслящих неучами и не призывая в свидетели «всю» историю. В них не видно желаний взвалить неизменно всю ответственность за их собственные, мысли на плечи «науки». Это почтительное отношение к последней делает им, сравнительно, честь. Но не делает им, к сожалению, чести их несдержанно невдумчивое отношение к еврейскому национальному движению. Мы не можем тре-

бовать от них сочувствия; но презрительно третировать столь крупное течение, критиковать его запросто, между делом, «домашними средствами», упразднить его одной кляксой пера – это, прежде всего, не доказывает глубокого и серьезного взгляда на вопрос. Где налицо имеются, как-никак, десятки тысяч людей с определенным практическим идеалом, там можно соглашаться или нет, содействовать или бороться, и только поверхностный ум может отделаться пожиманием плеч или воплями о реакционности движения, и всего менее уместно в этих случаях слово «утопия» – жалкое слово из словаря трусов, повторять которое неприлично серьезному человеку. Многие, что полвека назад еще называли утопией, теперь завоевывает мир. Господа Каутский, Изгоев и Южаков не могут не знать этого. Именно потому, что я совсем не считаю их людьми поверхностными, я настаиваю, что этим своим легким отношением к сионизму они, прежде всего, высказывают недостаточное уважение к самим себе.

И поэтому надо в заключение сказать, что если наши критики впоследствии глубже и вдумчивее отнесутся к нашему движению, они в гораздо большей степени окажут услугу самим себе, нежели нам. Что касается нас, то всякое выражение сочувствия со стороны – нам весьма приятно и дорого; но не следует думать, будто сионизм бредет по своему пути с протя-

нутой рукой, выпрашивая у посторонних подачку сочувствия. Мы, прежде всего, помним, что не симпатии посторонних людей спасут нас, а наша самостоятельность. Ту поддержку общественного мнения, которая необходима для осуществления нашей задачи, мы не выклянчим, а завоюем этой самостоятельностью. Поэтому доброе слово постороннего не может привести нас в восторг, и неодобрение постороннего не способно смутить нашу решимость. Мы идем по нашей дороге потому, что непреодолимый внутренний императив так велит, и сила этого императива ручается нам за его жизненность и ценность. И глубоко в то же время сознавая себя честными друзьями братства и прогресса, мы не должны оглядываться ни направо, ни налево и не станем дожидаться похвалы ни от чужих, ни от тех, которые хотят быть чужими. Родина Гарибальди, возрождаясь, отказалась от посторонней помощи; она провозгласила принцип «L'Italia tara de se» – Италия сама себе поможет – и сим победила. Этот завет должны помнить и мы. Обучая наших детей говорить на языке Торы, мы пользуемся при обучении только языком Торы: в этом заключается образцовый метод. Возрождение нашего народа совершится по тому же способу, как и возрождение нашего языка: иврит бе иврит...

1903 г.

Разве мы ангелы, что от нас требуют непогрешимости?

(открытое письмо в редакцию
журнала «освобождение»)

Многоуважаемый г-н редактор!

Полагаясь на Вашу лояльность и беспристрастие, я присылаю Вам следующие замечания по поводу передовой статьи в № 22 «Освобождения» в надежде, что Вы им дадите место в Вашем почтенном органе.

Я не стану здесь еще раз указывать на довольно обидные для моего народа обвинения в разных «малоприятных свойствах», в «рабьей покорности» и в том, что «еврейство в своих наиболее культурных и обеспеченных элементах трусливо», хотя, с другой стороны, эта трусость для них «извинительна»...

Мы, евреи, уже давно привыкли, чтобы от нас требовали невозможного, прямо-таки сверхчеловеческого. Но странно в данном случае то, что это парадоксальное требование предъявляют к нам не только наши враги, но и самые крайние, наиболее свободные

от предрассудков партии. Если вдуматься, и это имеет свои причины. Более того, я глубоко уверен, что это будет продолжаться до тех пор, пока еврейство будет пребывать в том ненормальном положении, которое исторически обусловлено его бездомностью и горькой необходимостью везде и повсюду представлять разрозненное меньшинство. Наша общая сравнительно высокая культурность и идеальность всякий раз забываются, и чудовищные требования опять выставляются нам, как только какой-нибудь нежелательный, несовершенный тип бросится той или другой партии в глаза. Это неестественное явление вытекает из того, что нас берут не как нечто целое, не как народ, с присущими ему достоинствами и слабостями, а как ряд отдельных личностей, случайно связанных каким-то фантастическим религиозным единством – единством, которого в действительности нет и в которое никто не верит.

Такое отношение со стороны самых просвещенных и свободомыслящих людей Европы нам хорошо известно, и мы это можем проследить у целой плеяды выдающихся философов, поэтов и общественных деятелей, от Лессинга до проф. Паульсена [См. его «System der Etnik», 6. Auf., 2. Bd., глава «Zur Judenfrage».] включительно; каждый из них имел свою кучку «Schutzjuden» [Евреи, которых берут под защи-

ту], которых они выделяли из всей остальной «темной», «фанатичной», «трусливой» массы еврейства. Разумеется, не каждому еврею выпадало на долю попасть в число этих «избранников», но, если собрать всех этих отдельных избранников воедино, получится довольно внушительное число «замечательных деятелей» не только на поприще «революции», но и на разных других поприщах; не только русской революции, но и многих других стран Европы и Америки, не говоря уже об «авангарде», который еврейский пролетариат образует в русском рабочем движении.

Но всего этого мало. Еврейство еще слишком «покорно», «слишком мало революционно». Но был ли когда-нибудь такой народ, который бы «без различия профессий и классов», особенно же «в своем среднем культурном зажиточном слое», был бы более революционен, который бы поголовно вел «энергичную борьбу за право»? И если этого нигде нет и быть не может, почему же это требуется от нас? Разве мы ангелы, что от нас требуют непогрешимости, что нас оценивают не по нашим верхам, а по низам? Почему только по отношению к нам никому не приходит в голову характеризовать весь народ по его «замечательным людям» и ставить их заслуги в счет всему еврейству как нации, что обыкновенно делается по отношению ко всякому другому народу, когда дело идет о его

правильной оценке?

Такое общее отношение, регулярно повторяющееся из поколения в поколение, нам стало невтерпёж. Мы утомились, наконец, от нечеловеческих усилий стать во что бы то ни стало совершенством... Мы спохватились, что это невозможно, недостижимо... И нам захотелось иметь право быть несовершенными, т. е. стать равноправным членом о общечеловеческой семье народов.

Исходя из правильной оценки подобных явлений и более глубокого понимания исторических причин, вызывающих их, известная часть еврейского народа (бóльшей частью интеллигенция и масса) подняла знамя национально-политического объединения для радикального решения еврейского вопроса.

Если часть прогрессивного еврейского мира упорно отказывается признать за сионизмом право на существование, это можно приписать влиянию известной части еврейской интеллигенции, которая до сих пор задавала у нас тон. Она не в мало степени несет вину за те ложные представления о еврейском народе, которые теперь стали ходячими мнениями и защищаются самыми лучшими людьми христианского мира. Когда французская революция пробила брешь в цельности еврейского гетто, просветительные идеи подняли брожение в нарождающейся еврейской ин-

теллигенции, вызвав сильный протест против устаревших средневековых форм еврейской жизни. Но то, что у других народов обыкновенно ведет не только к беспощадной ломке всего старого, но и к созиданию новых форм народной жизни, приняло у нас, опять-таки благодаря нашему исключительному положению, особенно уродливые формы. Яркая заря новой жизни, которая вместе с просветительными идеями проникла в еврейское гетто, ослепила наших лучших людей и помешала им в первом порыве всеобщего опьянения разобраться в окружающей их действительности. Вместо того, чтобы ходить в народ, пробуждать его к новой национальной жизни, как это делалось и делается везде, они начали один за другим уходить от народа, оставляя его на произвол судьбы. Оторванная от всякой почвы и подхваченная тем временным рационалистическим течением, которое увлекло тогда весь европейский мир, еврейская интеллигенция стала находить успокоение в разных догмах и рационалистических построениях. Желая с помощью абстрактных доктрин решить и вопрос своего народа, она не придумала ничего лучшего, как отрицать вообще его существование. Факты, которые этому противоречили, мало смущали ее. Она была уверена, что стоит решить, чтобы евреи исчезли, стоит только внушить это решение всему народу, чтобы эта мечта ста-

ла действительностью. Но жизнь пошла своим чередом. Она отомстила за игнорирование ее. Еврейская интеллигенция до сих пор не может исполнить данного ею обещания вполне ассимилироваться и возможно скорее исчезнуть, обещания, ценой которого она стремилась добиться эмансипации и свободы...

Мудрено ли, что и прогрессивная часть европейского общества, к которой взывала еврейская интеллигенция в своей борьбе за такую, в сущности, чисто формальную эмансипацию, раз и навсегда успокоилась на подобном «решении» еврейского вопроса? Это абстрагирование от нашей национальности, которое еще недавно считалось актом гуманности и великодушия со стороны лучших представителей Европы, обращается при современных условиях для сознательной части еврейства в орудие пытки и унижения. Теперь, когда властно раздаются другие голоса, когда значительная часть еврейского народа, перешагнув через ассимиляторскую интеллигенцию и буржуазию, энергично заявила о своей воле жить, такая точка зрения не только негуманна – она просто непростительна, и особенно со стороны тех людей, которые сами исходят из национально-культурных принципов. Ведь еще недавно мы читали в программной статье № 1 «Освобождения» о «жгучей национальной потребности в свободе», о «достойном существова-

нии личности и нации», о том, «что национальной потребности в свободе должно быть дано удовлетворение»...

Я думаю, что автор этих слов первый бы запротестовал против того, который бы вздумал истолковать их в смысле признания этой «свободы» только за одним русским народом...

И если дело обстоит так, если это – общий принцип, выставленный Вами по отношению ко всем людям и национальностям, то меня глубоко удивляет, почему Вы не сочли нужным применить его и по отношению к еврейскому народу или, по крайней мере, к тем сотням тысяч «личностей», которые, исходя из разных исторических, культурных и экономических мотивов, сознательно стремятся к созданию или, вернее, восстановлению особой нации со всеми атрибутами, характеризующими ее.

И если сионизм благодаря специфическим национально-историческим условиям (мы не имели счастья, подобно полякам или финляндцам, быть разгромленными вместо Рима цезарей Российской империей), избирает средства, не совпадающие с путями упомянутых народностей, так как не все же «вопросы» могут быть решены по одному общему шаблону, то разве от этого должно измениться принципиальное отношение к данному движению?...

Все это, кажется, так просто, так элементарно. А между тем, как только речь заходит о евреях, дело совершенно меняется: в данном случае, как и во многих других, нас ставят в какое-то особое, исключительное положение, к нам применяется другая мерка. Что по отношению к другим является само собой понятным, за нами просто, без всяких разговоров отрицается; что по отношению к другим считается заслугой и всячески поощряется, нам ставится в упрек. Как же иначе понимать следующие слова: «Сионизм, воспитывая идею еврейской национальности и даже государственности (о Боже, какое преступление!) и тем недомысленно идя навстречу подлому антисемитизму, всячески избегает политической борьбы, борьбы за эмансипацию евреев»? («Освобождение», № 22) Не проникая глубже в сущность еврейского вопроса и порожденного им сионизма, не разбираясь в том, что является истинной эмансипацией евреев, что дала еврейству как таковому так называемая эмансипация на Западе, может ли вообще народ отказаться от «идеи национальности и даже государственности» из страха перед каким-то «подлым антисемитизмом»? Вы этим своим взглядом явно отрицаете нашу личность как нации и естественное наше право на самоопределение. По этой теории еврейство не имеет, не смеет иметь своей точки зрения, своих собствен-

ных соображений, не должно иметь своей национальной индивидуальности, которую оно обязано было бы отстаивать, не оглядываясь по сторонам и не прислушиваясь к тому, что скажут другие. По этой теории евреи как нация должны быть ниже травы, тише воды – авось какой-нибудь голос поднимется против них. Какой злой насмешкой звучал бы брошенный задыхающемуся в темнице невольнику совет – отказаться от жгучей мечты о свободе, о воздухе, о солнце: авось лязг разбиваемых цепей разбудит спящего стражника.

Но с нами не церемонятся. Достаточно декретировать, что евреи лишь «особое религиозное общество», что «идея еврейской национальности есть фантастический и болезненный продукт» – и все кончено: евреев как нации нет. А если возникает сильное народное движение, которое опровергает этот ложный взгляд, выставляя положительный национальный идеал, то, выражаясь словами Гегеля, *desto schlimmer für die Tatsachen* [Тем хуже для фактов].

Где же элементарное уважение, где тот принцип свободы личности и нации, который так гордо красуется на Вашем знамени? Почему за нами отрицается «жгучая национальная потребность в свободе, которой должно быть дано удовлетворение»? Но Вы скажете: «Ведь мы вам не мешаем, ведь мы сами сказа-

ли: “Пусть евреи, если они могут и хотят, образуют в Палестине особое еврейское государство – мы не будем им в этом ни мешать, ни содействовать”». Мы в этом не сомневаемся. Мы уверены, что нам мешать не будут, а содействия же мы сами не просим.

Но где по отношению к нам хоть тень того принципиального этического отношения, которое, судя по Вашим же взглядам, заслуживает всякое национальное движение? В Ваших словах о нашем национальном движении мы прочли лишь обидное равнодушие и желание отделаться от назойливых голосов тех, которые слишком громко заговорили между собой о своих же делах.

Вот что меня больно задело в Вашей статье. Вы смотрите на евреев не как на самоцель, на что имеет право всякая личность, единичная и коллективная, а как на средство для достижения тех или других политических целей.

И в этом отношении Вы совершенно несправедливы к еврейской буржуазии. Напрасно Вы к ней придираетесь. Оставляя в стороне вопрос о том, как вообще «экономической силой» (деньгами?!) можно добиться эмансипации евреев, которая и на Западе, где еврейство обладает гораздо большей «экономической силой», не была до сих пор достигнута (там же, где это случилось, плодами пользуются только бо-

гатые классы еврейства; масса продолжает по-прежнему терпеть от экономического бойкота и социального презрения), – не говоря уже обо всем этом, Вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что «состоятельное еврейство – русское и международное – одушевлено сионизмом», что последний «привлекает буржуазию сильнее, чем простая и трезвая идея эмансипации». Предоставьте самой еврейской буржуазии решить, что «трезвее», что выгоднее для нее. Она в этом, бесспорно, окажется опытнее. Если не «идея», а фактическая «эмансипация» принесет кому-нибудь существенную пользу, то это прежде всего еврейской буржуазии, крупной и средней, которая благодаря ей сможет лучше развернуть свои экономические силы и социально подняться за счет других слоев еврейства, так как вражда, еще боле усиливаемая благодаря ее богатству, прежде всего обрушивается на голову масс. Так было везде и всегда. Это было обычным явлением в средние века, это далеко не сюрприз и в новейшей истории Европы. Еврейская буржуазия, «трезво» понимая свои интересы, хорошо знает, какую пользу она может извлечь из ассимиляции и эмансипации, и поэтому менее всего намерена примкнуть к сионизму. Еврейская буржуазия, несмотря на окружающее ее презрение, в общем чувствует себя хорошо в своих теперешних местах жительства и риско-

ванного путешествия в Сион она, наверное, не предпримет. Если она способна вообще поддерживать какую-нибудь идею, то ей скорее всего придется по духу «идея еврейской эмансипации» и ассимиляции. И в этом отношении совершенно прав был Нордау, когда он заявил на последнем конгрессе сионистов: «Jeder Jude, der Millionär wird, ist ein dem Judentum verlorener Jude» [Каждый еврей, ставший миллионером, – еврей, потерянный для еврейства. См. Protokoll des V. Zionistenkongresses. S. 108]. Итак, нечего опасаться, что еврейская буржуазия, та, которая «обладает крупной экономической силой», по своей «нетрезвости» примкнет к сионизму и таким образом помешает «экономическому развитию» России. Нет, она к сионизму не пристанет, и мы в ней вовсе не нуждаемся. Сионизм создан для тех несчастных скитальцев, которые обивают пороги всех наций и государств и нигде не находят покоя; для тех, которые до последнего времени находили хоть какой-нибудь приют в цивилизованных странах, как Америка и Англия, и где теперь закрывают двери перед самым их носом. Эти элементы составляют главные кадры нашего движения, во имя этих мучеников нового времени не перестает говорить политический сионизм вот уже восьмой год.

Все это может послужить ответом на часто повторяющийся упрек в мнимой «буржуазности» сионизма,

о которой может говорить одна разве злоба или неведение.

Я резюмирую сказанное: весь европейский мир – и юдофобский, и свободомыслящий – несправедлив по отношению к евреям: первый нас хотел бы живьем зарезать и время от времени он действительно совершает эту экзекуцию над нами; второй, в общем, к нам относится гуманно и готов был бы нам дать права, но ценой отказа от нашей национальной личности, так что очень часто нам становится невольно от этих уж слишком дружеских объятий. Когда известная часть еврейской интеллигенции и буржуазии во что бы то ни стало хотела ассимилироваться и отречься от своей индивидуальности, европейское общество после непродолжительного порыва великодушия ее грубо оттолкнуло, не хотело принять в свою среду, и когда теперь другая часть интеллигенции, отвечая на насущные потребности без плана и цели кочующих масс еврейства, призывает их к автоэмансипации и к национальному единению, по ее адресу отпускаются разные нелестные эпитеты и чуть ли не смешивают ее с антисемитизмом.

Как бы мы ни поступили, выражаясь словами Лессинга – *der Jude wird verbrannt...* (Еврей должен гореть).

Мы вдоволь вкусили от всех этих прелестей; мы на-

конец поняли свои настоящие задачи; мы стали требовать и за нами, как за всеми другими, права на национальное самоопределение и на устройство своей собственной судьбы. По этому пути мы неуклонно идем, и никакие виды на чечевичную похлебку бумажной эмансипации в будущем нас более не ослепят и не совртят с настоящего пути.

Я позволю себе заключить мое и так уже слишком затянувшееся письмо следующими знаменательными словами Нордау:

«Ein Volk ist Selbstzweck. Es lebt sich, nicht anderen zu Gefallen... Es braucht sein Dasein und seine Daseinsberechtigung nicht dadurch zu erkaufen, dass es anderen Dienste leistet. Nur von uns findet man es selbstverständlich, dass wir unser Recht aufs Dasein durch anderegeleistete Dienste erweisen müssen. Nur wir haben nicht das Recht, für uns selbst zu leben. Nur wir sind die natürlichen Hausknechte aller Völker... Erst wir Zionisten suchen wenigstens die Kündigung in dieses schmachvolle Dienstverhältnis einzuführen. Denn der Zionismus ist tatsächlich die Kündigung des jüdischen Hausknechtes an diejenige Dienstherren, die ihn allzu nichtswürdig missbrauchen. (Народ является самоцелью. Он живет не для того, чтобы уступать другим... Он существует и не нуждается в доказательстве своего права на существование. Только в отношении

нас подразумевается, как само собой разумеющееся, обязанность доказывать право на существование своей полезностью другим.

Только мы не имеем права жить для самих себя. Только мы являемся натуральной прислугой всех народов... Мы, сионисты, хотим, прежде всего, расторгнуть этот постыдный договор об услужении. Именно сионизм добивается практической отмены еврейского служения господам, недостойно помыкающих нами)».

Выражая Вам наперед свою благодарность и вместе с тем уверение в глубоком почтении к Вам, остаюсь и проч.

1903 г.

Внутренняя борьба в сионизме

Тема эта – грустная тема. Те, которых у нас называют «левыми», могли бы быть лучшими из сионистов. Но сионизм теперь подменен, вместо него перед нами то, что в старину звали палестинофильством, а сейчас принято называть «строительством земли»: термин опасный, ибо задача наша ведь не в том, чтобы «выстроить землю», а в том, чтобы земля эта превратилась постепенно в землю с еврейским большинством. Об этом мы забыли, а потому, в период 1920–1923 гг., радость по поводу того побочного факта, что растет Тель-Авив и Эзрелонская долина, заслоняла в глазах наших тот основной факт, что за это время процент еврейского населения ничуть не рос. Эта аберрация у «левых» особенно ярко выражена. Поэтому лучшими из сионистов назвать их нельзя. Но они, бесспорно, лучшие из ховеве-цион последнего призыва.

Говорю это без иронии. Здесь я не вдаюсь в спор о том, можно ли считать кооперативный поселок здоровой и устойчивой формой колонизации. Но одно бесспорно: с 1920 по 1923 г. никакая другая форма сельской колонизации была немислима. Люди приезжали только с востока, и все без денег; деньги можно было черпать только на западе и только в виде

общественных фондов. При наших условиях создавать частных собственников нельзя: и принципиально невозможно, и средств бы не хватило. За это время выстроилось около 30 новых поселков, приблизительно с 1500 рабочего населения; обошлось это Керен-Гайесоду в 415 000 фунтов. Национальному фонду в 200 000 с лишком. Это не дешево, но даже трети этого количества поселений не удалось бы устроить за такие деньги на началах частного хозяйства. Позволяю себе сомневаться, очень ли изменилось это положение и теперь, т. е. легче ли устроить сегодня колонию старого типа, чем «квуцу». Каковы бы ни были органические пороки кооперативного поселка, он, вероятно, еще долго будет преобладать в наших сельскохозяйственных начинаниях просто в силу необходимости, т. е. земледельческая колонизация будет и впредь развиваться главным образом на плечах «левых». До сих пор, считая с конца войны она, как известно, лежала целиком на их плечах.

В остальных отраслях деятельности они до сих пор тоже шли первыми. В 1921–1923 гг. созданное бюро общественных работ выполнило ряд серьезных подрядов: шоссейных, рельсовых и мостовых да на сумму больше 300 000 ф., разных зданий на 640 000. Теперь эта последняя сумма, вероятно, удвоилась. Попутно они образовали больничную сеть ряд просве-

тительных учреждений, банк. К добру или нет, еврейская Палестина сегодня страна рабочих. Когда критики нашей хозяйственной системы уверяют, будто произошло это по недосмотру начальства или в силу «захвата», то критики ошибаются. Произошло это, во-вторых, в силу вещей, а во-первых, – благодаря огромной активности и жертвоспособности. В Палестине это признают все классы общества. Вероятно, нет страны, где имя «рабочий» пользовалось бы таким уважением во всех кругах, вплоть до «салона».

Экономически эта гегемония, говорят, признак правильного роста. Но факт остается фактом: в нашем хове-ционском поколении «левые» оказались лучшими из хове-цион.

Пишу слово «левые» в кавычках тоже не для иронии, а скорее – с моей точки зрения – сочувственно.

Сионистские рабочие партии усердно пользуются социалистической фразеологией; несомненно, и верят в нее вполне искренно. Но по существу, по всей деятельности, они не социалисты и вообще не левые. Устройство фаланстер, городских или сельских, титуловалось «социализмом» только во дни Фурье. Маркс в свое время жестоко издевался над этим смещением понятий. Социализмом в наше время называется стремление национализировать уже созданное хозяйство; средствами являются борьба, давление,

революция. Для создания коммуновидных островков среди буржуазного или просто патриархального моря нужны другие средства, резко непохожие на борьбу, давление и революцию. Главное из этих средств – деньги, которых у рабочих нет и которые поэтому приходится получать от других общественных слоев; причем не путем захвата, каковой в наших условиях немыслим, а путем аргументации, в которой единственным годным доводом является общность национального интереса. Тут нет ни следа классовой борьбы, тут политика национального блока.

Ни на чем этот чисто националистический характер сионистского «левого» движения так ярко не скажется, как на еврейско-арабском конфликте. Главным возбудителем этого конфликта является – опять-таки в силу вещей – не еврейский собственник, а еврейский рабочий. С арабской точки зрения вся опасность в натиске еврейского труда, а не еврейского капитала. Прежде всего потому, что капиталистов мало, а трудящихся много. Даже неграмотному ясно, что иммиграция купцов и промышленников никогда не создаст еврейского большинства: только иммиграция рабочих рук может привести к численному перевесу евреев. Но и с чисто экономической точки зрения, объективным носителем конфликта является только рабочий элемент. Между эффенди, продающим землю,

и Ротшильдом, ее покупающим, никакого столкновения быть не может. Даже то, что Икс из Лодзи на свои деньги устраивает ткацкую фабрику в Тель-Авиве, не есть еще пока причина вражды. Конфликт начинается со спора о том, какой будет на фабрике труд – еврейский или арабский. Еще не так давно еврейские рабочие в Палестине даже не пытались маскировать эту истину. Было время, когда официальный лозунг так и гласил: захват трудовых позиций в колониях – захват, означавший в то же время вытеснение с этих позиций нескольких тысяч феллахов. В 1919–1920 гг. был в ходу еще более выразительный лозунг – «авода тегора» т. е. «чистый труд», чистый в смысле национальной однородности: правилом было тогда – не брать работы, если состав рабочих смешанный. Теперь «левые» стали в этом отношении осторожнее, но существо их миссии не изменилось. Еврейские дома строит теперь «бюро общественных работ» – но до войны этот заработок был в руках у арабов. Зелень и яйца поставляют теперь в Тель-Авив и Иерусалим окрестные «квучот», – а еще в 1920 г. это поставляли исключительно арабы. Никакой декламацией, никакой дипломатией (вроде допущения на «свои» работы того или иного процента арабов) замазать эту суть дела нельзя. В национальном смысле конфликт охватывает, конечно, оба национальных лагеря в це-

лом; но на экономическом фронте это есть прежде всего конфликт между еврейским рабочим и арабским рабочим. И в этой борьбе еврейские рабочие действуют не как «левые» и не как социалисты, а как хорошие ховеве-цион – лучшие из ховеве-цион.

Хотелось бы сказать «из сионистов», но нельзя. Сионизм от палестинофильства и «землестроительства» отличается размахом, постоянным и ревнивым чутьем перспективы. Именно еврейские рабочие по мере того, как накапливается у них то, что Глеб Успенский называл «обстановочкой», легче всех остальных теряют чутье перспективы. В первый раз я столкнулся с этим явлением в 1918 г., во время набора добровольцев для легиона. В Палестине были две рабочие организации – но у одной из них (как раз у той, которая считалась более национальной и менее левой) уже была «обстановочка» в виде нескольких поселков, и потому ее члены почти поголовно отказались идти в армию; у другой еще тогда не было своих фаланстер – и ее члены почти поголовно вошли в солдаты и стойко держались за ружье до последнего момента. Вероятно, была тут и психологическая разница; но в основе различия лежал имущественный ценз, святая, благородная, божественная, какая хотите – но притупляющая привычка к ежедневной заботе. Теперь эта забота стала ежечасной – и я не уве-

рен, не стерла ли она и психологических различий. Крученный мы народ вообще, но ничего более странного, более небывалого, чем это зрелище в Палестине, даже в нашем быту мы еще не видели: та психология ближайшего урожая, то пренебрежение к принципам и перспективам, которые у других народов считаются прерогативой мелкого крестьянства – у нас в Палестине оно стало привилегией «левого» крыла. В нем глубже всего пустил корни культ коровы, трактора и бюджета; на него, главным образом, опираются и ссылаются отрицатели политического действия; и, когда возникает речь об отмене выборного начала, о передаче власти богачам, презирающим и сионизм, и демократию, – «левые» люди социалистической фразеологии, часто люди революционной веры, стыдливо утопляют очи в кирпичи пола...

Не хочется дописывать. Одно спрошу: доколе? Неужели навсегда? Пусть эта потеря перспективы, эта замена понятия «грядущее» понятием «завтрашний день» – пусть это все объяснимо. Но неужели это неизбежно и неизлечимо? Неужели все они, все поголовно, примирились с этой ролью, и авангард еврейского ренессанса даст нам, в конце концов, только новую разновидность общественной психологии феллаха?

Грустная тема...

1925 г.

Ориентация

Это неоспоримый факт: влияние Англии и Англия стали препятствием на пути развития сионизма. Это не значит, что 16 лет работы в компании с Англией были для нас чистым убытком. Наоборот, с течением 15 лет мы много выиграли: сионизм стал как бы международным обязательством, количество еврейских жителей от 65 тысяч возросло почти до 200 тысяч, наша земельная собственность вместо прежних 400000 дунам достигает теперь свыше миллиона, число наших колоний увеличилось и от 40 прежде – дошло до 120, наши промышленные заведения от абсолютного нуля достигли очень и очень значительного «есть» и мы построили Тель-Авив. Это, правда, не очень много и для нас совершенно недостаточно, но это и не мало и никто не отрицает, что этого мы достигли, благодаря совместной с Англией работе. Другими словами не имеем основания сожалеть о компании в прошлом: мы в известной мере ее использовали. Но только в прошлом. В настоящее время компания эта превратилась в препятствие на все 100 %. А на будущее – насколько можно предвидеть – нет никакой надежды, чтобы положение радикально изменилось. Все это знают и все об этом сожалеют. И отсюда вытекает

логический вывод, что мы обязаны думать о возможности альтернативы.

Многие думают, что состояние искания альтернативы есть состояние болезненное или состояние, которое долго тянуться не может или, просто, смешно. Многие также думают, что это – вопрос тайной дипломатии, с обыкновенными же людьми нельзя говорить об этом даже по секрету. С полдюжины дипломатов должны вести переговоры с министрами и послами, а когда придут к соглашению с какой-нибудь великой державой – черное не белом, что она готова принять Палестину со всеми обязательствами, касающимися сионизма, и вместе с тем будет согласие Англии, черное на белом, уйти из Палестины – только тогда появится потребность обратиться к широкой еврейской общественности и сообщить ей эту радостную весть. Все это – ошибка: так политика в настоящее время не делается.

Во-первых, в искании альтернативы нет ничего смешного или ненормального. Всякое правительство на моровой арене и каждая партия на государственной арене бывают часто в таком положении, что им необходимо искать новых компаньонов. Так, а не иначе, заключаются международные союзы, так, а не иначе, образуются ежедневно коалиционные правительства во всей Европе. Они существуют известное

время, осуществляют все, что могут осуществить, потом распадаются, на их место являются новые союзы, а в промежутки между концом одной комбинации и началом другой обе стороны заняты поиском новых компаньонов. Это раз. Во-вторых, тайные дипломатические переговоры не выполняют здесь никакой главной роли. В настоящее время никакой министр, никакой дипломат не в состоянии осуществить какую-нибудь крупную перемену, пока общественное мнение к этому не подготовлено. Может быть, не требуется тут общественного мнения миллионов населения, но необходимо мнение тех сотен тысяч, что влияют на все слои народа. Тайное согласие дипломатов это уже последний шаг в политической работе, но не первый и не второй. Это положение касается всех политических дел всех народов, но в особенности это касается нас, евреев и такого вопроса, как сионистский.

Не обосновывают новую ориентацию на том, что выбирают себе подходящее государство, обращаются к его правительству с вопросом: «Хотите ли принять Палестину от Англии?» имеется в Европе не одно правительство, а имеется их несколько, которые охотно бы приняли от любого правительства все, что можно брать. Но, на такое предложение всякое правительство ответило бы: «с дураками не имеем дела».

Можем сделать вывод из эпохи Великой войны. Тогда дело было легче, т. к. страны согласия воевали с Турцией. Ясно было, что от Турции возьмут не только Палестину, но и еще кое-что. Но был вопрос: кто возьмет? Желание взять было у трех держав, желание старое, от десятков, а, может быть, от сотен лет. Французский министр иностранных дел Делькассе не постеснялся сказать корреспонденту (случайно я был корреспондентом) «Я не верю, чтобы одна из стран согласия взяла Палестину: другие не дадут». В этих словах он выразил тот факт, что есть много охотников на Палестину. Мы на это должны обратить внимание. Главное это то, что на «товар», о котором идет речь, есть много охотников, которые приобретут его с удовольствием.

Далее когда мы, евреи, увидели, что наилучшая ориентация для того времени была на Англию, мы не пошли тот час же просто к правительству с предложением: декларируйте, что вы хотите взять Палестину. Но сначала стали готовить общественное мнение – говоря проще – стали раздражать и разжигать аппетит к Палестине. Аппетит всегда был в тесном кругу, но его не было в широких массах, которые подобными вещами не интересуются в обыкновенное время. Но, если хотели приступить к этому делу, надо было заинтересовать эти самые массы. В противном

случае конституционное правительство не в состоянии было бы делать нужные шаги в этом направлении. Для этой цели был создан Англо-Палестинский комитет, который стал издавать еженедельник и вести агитацию в пользу приобретения Палестины для Англии. Были использованы и другие средства, как например движение легиона. И все для того, чтобы возбудить аппетит. Тянулось это три года, пока Англия, наконец, могла выступить официально и открыто с требованием получить Палестину. Еще даже в Бальфурской декларации в ноябре 17 года, когда одна четверть Палестины фактически уже находилась в английских руках, не было ни словом обмолвлено, что Англия хочет получить мандат. Только в 1920 году, с Сен-Ремо, было об этом объявлено официально, в то время, что всем это уже было известно и без того.

Этот пример может нам указать два главных условия, требующихся для приобретения новых союзников. Во-первых, надо найти несколько охотников, имеющих большой аппетит к Палестине. Во-вторых, нам нужно воспитывать и укреплять это желание долгое время у всех охотников, а тогда, наконец, наступит время, особенно укрепить это желание у того, кто окажется для нас выгоднее других. Так создают альтернативу. И тогда выжидают подходящей «конъюнктуры» – одного из тех великих переворотов, которые

время от времени происходят на свете и которые в настоящее неспокойное время могут часто повторяться, в особенности же на Востоке и вокруг Востока.

«Кто хочет Палестину?» – спрашивает отчаявшийся еврей. Это – ошибка. Только слепой не видит, что державы хотят колоний. Кто ничего не имеет, хочет получить, что-нибудь. Кто имеет кое-что или даже много, хочет еще. Возможно, что Англия составляет исключение, потому что ее сильно занимают экономические затруднения. Но Англия и слышать не хочет об уступке, например, Кипра, не приносящего никакой пользы – значить, аппетит еще не прошел. У других же великих держав в Европе колониальный империализм остался по-прежнему альфой и омегой политических устремлений.

Среди разных «товаров», могущих появиться на колониальном «рынке», Палестина, составляет один из самых лакомых кусков и главным образом, как страна Израиля, т. е. в связи с евреями и сионизмом. Ни один политик в Европе не поверит, если ему станут рассказывать, что Англия потребовала мандат на Палестину, руководясь идеализмом и альтруизмом. Он рассмеется, ибо убежден, что Англия хотела сделать «гешефт» и действительно его сделала. Поговорите об этом с государственными людьми, депутатами, политическими корреспондентами: все – французы, поля-

ки, американцы, немцы, итальянцы – скажут вам это; здесь не благотворительность, а «бизнес». И такой взгляд сам по себе доказывает, что в глазах политического мира Палестина представляет собою «товар», имеющий высокую политическую ценность. А товар, имеющий значение для одного покупателя, имеет такое же значение и для других, находящихся в подобном положении.

Надо, чтобы человек был слеп от отчаяния и самоуничужения, чтобы мог забыть, что для всякой европейской страны, имеющей колониальные интересы, Палестина представляет собою самый высокий интерес. Она находится возле Суэцкого Канала и, возможно, что в будущем она будет с ним конкурировать. Вопросом, во-сколько обойдется прорытие нового канала между Газой и Аккабой – занимаются в английском адмиралтействе самым серьезным образом. Длина этого канала будет равна Панамскому, а окружающие горы значительно ниже Панамских, так же все остальные условия легче, нежели в Панаме. Потом – Хайфа; работа, которая там производится, это только маленькое начало. Истинное же намерение адмиралтейства – это построить мол от Хайфы до Акко (всего 16 километров), и тогда Аккский залив станет величайшим в Средиземном море портом. О сухопутных сообщениях, делающих Палестину центром Ста-

рого мира, а в будущем – центром богатейших стран – говорить не приходится: это всем известно. С точки зрения стратегической и коммерческой – кто будет владеть Палестиной, тот будет владеть Востоком на море и на суше. Но еще более важна в глазах мира Палестина, как Эрец-Исроэл, т. е. в связи с евреями. Во-первых, потому что только через евреев можно будет оторвать Палестину навсегда от арабской среды и присоединить ее к Европе. А во-вторых, и это главное – с точки зрения элементарной коммерческой: где можно найти еще такую колонию, которая бы при самых неблагоприятных условиях притянула бы к себе свыше 20 миллионов фунтов иностранного капитала в течении 12 лет?

Всякий из нас знает, что под управлением лучшего правительства капитал этот мог бы быть, по крайней мере, вдвое больше. В-третьих, то государство, которое будет действительно поддерживать сионизм, будет пользоваться влиянием всемирного еврейства, влиянием, которое другие народы и даже антисемиты оценивают гораздо выше, нежели мы сами и весьма возможно, что они более правы, чем мы...

В 1917 году сказал французский посол в Лондоне, Камбон, с явной завистью: «теперь Англия имеет в Америке 4 миллиона даровых агитаторов». А ведь в то время платили большие деньги за агитацию. И, на-

конец, колония, развитие которой ничего не будет стоить, потому что евреи все делают за свой счет – это очень стоящий «товар», и трудно найти на колониальном «рынке» более лакомый кусок, который схватили бы охотнее.

Но со времени Великой Войны до недавнего времени, до 1929 года аппетит к Палестине у великих держав был заглушен убеждением, что все уже пропало, что Палестина принадлежит Англии, а согласие на это утверждено и укреплено обаянием идеализма и высокого гуманизма: еврейский национальный дом, древнейшее стремление, Священное Писание, спасение несчастнейшего в мире народа, разрешение самого болезненного в мире вопроса... Как же можно тут думать о каком-нибудь изменении, как можно тут выставить требование, чтобы Англия переступила такую колонию другому хозяину?

Выставить такое требование значит – не только навлечь на себя «цорес» от Англии, но поднять всемирный крик, что мешают святому делу, что из-за грубой страсти к аннексиям разрушают высоконравственное дело. Никакая страна не захочет теперь, чтобы ее обвиняли в таком смертном грехе. Аппетит, поэтому, был только заглушен, но не умер. События 1929 года его воскресили. Эти события и шум, поднятый вокруг их мировой прессой, а потом в Женеве, разъяс-

нили всем, что дело Палестины еще далеко не твердо установлено, что идеалистическое сотрудничество Англии и евреев не представляет собою ту идеальную пару, обе стороны которой довольны. Напротив, эту самую идеалистическую сторону дела можно будет использовать против существующего теперь порядка вещей, когда для этого наступит благоприятный момент.

Наша задача в этой плоскости состоит теперь в том, что мы должны втолковать в головы народов, интересующихся колониями, тот острый и очевидный факт, что компания расстроилась, что идеалистического ореола больше не существует, что Англия находится в Палестине без всякой «святости»... Каждое доказательство недовольства с нашей стороны, если оно будет довольно веское и заставит обратить на себя всеобщее внимание, вызовет раздражение аппетита. Этот аппетит будет постепенно расти, пока не создастся, наконец, то положение, которое было до войны: со всех сторон были протянуты к Палестине руки, готовые захватить ее при первой возможности. Тогда наступит для нас время подумать над вопросами, чьи руки для нас более подходят. И даже возможно, что инициатива для переговоров придет вовсе не с нашей стороны. Дать миру побольше доказательств, что мы недовольны Англией – главная наша тепереш-

няя задача в политической плоскости. Вот причина, почему мы обязаны теперь стремиться к одной цели, из холодного и систематического расчета... Вовсе не важно тут, заработаем ли мы или потеряем на каждой ступени постоянного спора – уступят ли нам касательно количества сертификатов или не уступят. С точки зрения политической – важно тут одно – мир должен знать, что положение в Палестине не нормально, что компания расстроилась «святость» сошла и что «товар» снова находится на мировом «рынке». С точки зрения политической, мы не можем тут ничего потерять. Чем сильнее станет спор, тем лучше станет перспектива на будущее. Попутно настоящее тоже станет лучше: чем тяжелее станет спор, тем больше получим уступок от той же Англии. Не только по той психологической истине, которую сионисты забыли, что английская администрация, как всякая администрация, делает уступки только той стороне, которая не боится спора. Это – старая истина, которую лишь теперь начинают понимать и у нас, и вскоре даже наши умеренные пойдут открыто по пути спора.

Но есть тут еще одна причина, которая может повести к лучшему: по мере того, как аппетит к Палестине усилится у иностранцев, отношение Англии к нам станет более приличным... Одна из причин теперешней ее грубости и циничности с нами это то, что она счита-

ет, что находится с нами наедине (тет-а-тет). Несколько лет спора, и Англия переменит свое мнение, а глупцы из лондонской газеты «Нир Ист» начнут кричать, что евреи ткуют интриги с иностранными государствами, а англичанин имеет респект перед людьми, интригующими с иностранцами. Но это – второстепенное, хотя и важное! Главное же – это подготовить почву для альтернативы, а потом ждать подходящего момента. Когда я вижу черные тучи, сгущающиеся на Востоке и во всем мире, я боюсь только одного, подходящий момент может чересчур скоро наступить...

1932 г.

Великий сионизм

**(из речи на конференции, посвященной
основанию Новой сионистской организации)**

...Наша жизнь, жизнь мирового еврейства подошла, очевидно, к своему краю – мы, согласно нашей вере, живем в эпоху скорого прихода мессии и избавления. И перед лицом грядущего мы демонстрируем всему миру беспомощный иудаизм: мелочные цели, куча мелких организаций, неблагоприятная для наших намерений система власти в подмандатной Палестине, никакого сионистского движения.

Когда несколько месяцев назад впервые прозвучал призыв к формированию новой народной основы сионизма, многие скептически отнеслись к успеху этого мероприятия из-за опасности, затаившейся в реальной жизни на земле Израиля, и после золотого дождя «процветания». Еврейский народ не позволит преходящему блеску ослепить себя. Мы посланники народа и его страстного желания. Нас не интересуют ни критика, ни состязания. Наша цель добиться лучших результатов для еврейского народа. Наша миссия велика как буря, достигшая своего апогея – великий си-

ОНИЗМ.

Не стоит подправлять Изгнание созданием мизерного государства в Палестине, мы обязаны искоренить такое понятие, как «диаспора»: исход для всех, кто мечтает об исторической родине. И, в конце концов, наступит конец изгнанию. А может быть, наша цель намного скромнее: лишь нормализация еврейского народа. Пусть он будет нормальным как французская нация или как датчане: все в своих собственных государствах, все свободны.

С одной стороны, цель эта чрезвычайно сложная, но это цель с большой буквы, объем ее определяется реальностью, и не в наших силах вносить в нее изменения. Создание еврейского государства не является конечной целью: еврейское государство – это только первый шаг в процессе осуществления высшего сионизма. После первого шага наступит очередь второго – возвращение нации в Сион, исход из рассеяния, решение еврейского вопроса. Истинная, конечная цель проявится только на третьем этапе, то, во имя чего, в сущности, существуют великие нации – создание национальной культуры, которая будет излучать свой свет на весь мир, ибо сказано: «Тора выйдет из Сиона».

1935 г.